

Казахский университет международных отношений и мировых языков имени
Абылай хана

УДК 327(73+510) (043)

На правах рукописи

МАХАММАДУЛЫ САНЖАР

Теоретические и методологические основы исследования отношений США и
Китая в период трансформации мирового порядка

8D03121 - Международные отношения

Диссертация на соискание степени
доктора философии (PhD)

Научные консультанты

Доктор философских наук,
профессор Д.С. Раев

Доктор философии (PhD),
доцент, профессор
Арслан Айна Аскероглу
(г.Стамбул, Турция)

Республика Казахстан
Алматы, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ.....	3
ВВЕДЕНИЕ.....	5
1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ	
1.1 Основные теоретические подходы исследования в международных отношениях	23
1.2 Концептуальные и методологические основания анализа взаимоотношений США и Китая в условиях глобальных трансформаций.....	36
1.3 Влияние трансформации мирового порядка на теоретические и методологические основы исследования международных отношений	52
Выводы по первому разделу.....	64
2 АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА НА ИССЛЕДОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ США И КИТАЯ	
2.1 Трансформация американо-китайских отношений в условиях изменения структуры мирового порядка	66
2.2 Сравнительный анализ теоретических интерпретаций динамики и этапов отношений США и Китая	83
2.3 Методологические особенности анализа факторов и противоречий во взаимоотношениях США и Китая	96
Выводы по второму разделу.....	108
3 СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ США И КИТАЯ В ПЕРИОД ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА	
3.1 Системная модель анализа американо-китайских отношений в условиях глобальной трансформации.....	110
3.2 Комплексный методологический подход к исследованию американо-китайских отношений.....	125
3.3 Геоэкономика как методологический инструмент анализа взаимоотношений США и Китая в трансформирующемся мировом порядке.....	140
Выводы по третьему разделу.....	148
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	150
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	155

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

- РК** - Республика Казахстан
СССР - Союз Советских Социалистических Республик
США - Соединённые Штаты Америки
КНР - Китайская Народная Республика
АТР - Азиатско-Тихоокеанский регион
БРИКС - Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка
ВВП - Валовой внутренний продукт
ВТО - Всемирная торговая организация
МС - Международная система
МПО - Международные правовые отношения
МЭО - Международные экономические организации
НПО - Неправительственная организация
НСС - Национальная стратегия безопасности (США)
ООН - Организация Объединённых Наций
ПРС - Проблема региональной стабильности
ТНК - Транснациональные корпорации
ЦБ - Центральный банк
ЦПВ - Цепочки поставок и добавленной стоимости
ШОС - Шанхайская организация сотрудничества
ЮКМ - Южно-Китайское море
КИМСИ - Китайского института международных стратегических исследований Транстихоокеанского партнерства (ТТП)
QUAD - Quadrilateral Security Dialogue
«Четырёхсторонний диалог по безопасности» трипартитное военно-политическое соглашение между Австралией, Великобританией и США
АНЗЮС - Договор о безопасности между Австралией, Новой Зеландией и США
ЮНЕСКО - Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры.
НОАК - Народно-освободительная армия Китая
КПК - Коммунистическая партия Китая
ЮКМ - Южно-Китайское море
ВМС - Военно-морские силы
Система ПРО - система противоракетной обороны
НИОКР - Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы
BRI - Belt and Road Initiative (Инициатива «Один пояс - один путь»)
ZTE - ZTE Corporation (китайская телекоммуникационная компания)
РНБ - Режим наибольшего благоприятствования
ADIZ - Air Defense Identification Zone
АСЕАН - Ассоциация государств Юго-Восточной Азии
ЭПШП - Экономический пояс Шёлкового пути
ИТР - Индо-Тихоокеанский регион
ИГИЛ - Исламское государство Ирака и Леванта

КНДР - Корейская Народно-Демократическая Республика
БРИКС - объединение Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки
СНГ - Содружество Независимых Государств
ВТО - Всемирная торговая организация
МВФ - Международный валютный фонд
НАТО - Организация Североатлантического договора
АБИИ - Азиатский банк инфраструктурных инвестиций

ВВЕДЕНИЕ

Общая характеристика диссертационного исследования. В условиях трансформации современного мирового порядка отношения между США и КНР приобретают решающее значение для глобальной стабильности, безопасности и экономического развития. Конкуренция между этими державами выходит за рамки традиционного геополитического противостояния и охватывает стратегическую конкуренцию в сфере технологий, идеологий, финансов, торговли и норм международного поведения. В работе впервые в казахстанской и зарубежной политической науке осуществлен многогранный анализ современных американо-китайских отношений, охватывающий их динамику на трех уровнях - двустороннем, региональном и глобальном. Исследование предлагает интегрированный подход к изучению взаимодействия двух мировых держав, который учитывает их национальные интересы, внешнеполитические стратегии и ключевые приоритеты как США, так и Китая.

Актуальность темы. В начале XXI века международная система претерпевает масштабную и содержательно глубокую трансформацию. В геополитическом пространстве усиливается значимость новых центров силы, что сопровождается усложнением архитектуры глобального управления и многоуровневой интердепенденцией государств. В Послании Президента Республики Казахстан К.-Ж. Токаева народу Казахстана 2025 года фиксируется концептуальное признание усложнения международной системы. В частности, отмечается, что «мир вступил в новую историческую эпоху, которая, очевидно, не будет легкой для всего человечества», при этом усиливаются противоречия между глобальными державами, возрастает количество конфликтов и наблюдается эскалация напряженности в международных отношениях. Дополнительно подчеркивается процесс эрозии международного права и ослабление роли Организации Объединённых Наций как ключевого института глобального управления [1]. Таким образом, внешнеполитический дискурс Казахстана фиксирует переход к более сложной, конфликтной и фрагментированной структуре международных отношений, что напрямую влияет на формирование внешнеполитических приоритетов государства.

Указанные тенденции находят институциональное закрепление в стратегических документах Республики Казахстан, прежде всего в Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020-2030 годы, утверждённой Указом Президента Республики Казахстан. В данном документе также фиксируется, что современная система международных отношений характеризуется глубокой трансформацией, ростом геополитической конкуренции, усилением противоречий между государствами и снижением эффективности существующих механизмов глобального управления. В этих условиях Республика Казахстан определяет в качестве стратегического приоритета проведение многовекторной и сбалансированной внешней политики, направленной на развитие равноправного сотрудничества со всеми ключевыми центрами силы, включая США и КНР, а также на укрепление собственной

международной субъектности [2]. Следовательно, возникают и множатся нетрадиционные вызовы безопасности, требующие консолидированного ответа мирового сообщества. Одновременно происходит реформация ключевых глобальных финансовых институтов, сформировавшихся в послевоенный период и до недавнего времени функционировавших под доминирующим влиянием западных держав во главе с США.

В последние десятилетия мир переживает глубочайшие геополитические и экономические трансформации, что непосредственно влияет на взаимодействие таких глобальных игроков, как США и Китай. В условиях новых вызовов, включая изменения в международной политике, глобальную экономику, технологические инновации и изменение роли международных организаций, изучение этой темы приобретает особое значение. США и КНР находятся в центре глобального политического и экономического взаимодействия. Китай стремится усилить свое влияние на международной арене, в то время как США традиционно занимают лидерские позиции.

Взаимоотношения между этими странами определяют направления глобальной политики, включая вопросы безопасности, торговли, экологии и технологий. Китай стал крупнейшей экономикой мира после США, и его роль в глобальных цепочках поставок, а также в качестве ведущего партнера для множества стран делает эти отношения крайне важными. В то же время, взаимная зависимость и конкуренция в экономической сфере требуют теоретического осмысления этих процессов. В последние годы растет конкуренция в области технологий, в том числе в вопросах искусственного интеллекта, кибербезопасности и космических исследований. США и Китай становятся ключевыми игроками в этих областях, что создает новые динамики в их отношениях. Конфликты вокруг Тайваня, Южно-Китайского моря, а также вопросы глобального терроризма и борьбы с изменениями климата требуют координации действий между США и КНР, что требует исследования и теоретического осмысления их стратегий безопасности.

Исследование отношений США и Китая в эпоху трансформации мирового порядка требует применения междисциплинарных подходов, таких как международные отношения, политическая экономия, теория международной безопасности. Проблематика трансформации мирового порядка занимает важное место в современной теории международных отношений. Так, А.М. Фененко [3] рассматривает мировой порядок как сложную теоретико-методологическую категорию, отражающую динамику международной системы и изменение соотношения сил на глобальном уровне. Анализ современных моделей эволюции мироустройства представлен в исследованиях А.В. КОРТУНОВА [4], акцентирующего внимание на противоречивом характере перехода от однополярной системы к полицентричным и биполярным конфигурациям международных отношений.

Теоретическая актуальность исследования определяется также необходимостью дальнейшего развития методологических подходов к анализу мировой политики. Одним из первых системное понимание мировой политики

предложил К. Райт [5], рассматривавший международные отношения как объект комплексного аналитического исследования. Разработка соответствующих теоретических и методологических концепций помогает более глубоко понять природу их взаимодействия и прогнозировать возможные сценарии в будущем. В совокупности, анализ отношений США и Китая в контексте изменений мирового порядка требует комплексного подхода и детального изучения как традиционных, так и новых факторов, влияющих на глобальную политику и экономику. Возвышение Китая представляет собой ключевой фактор, определяющий геополитическую и геоэкономическую динамику XXI века. Страна демонстрирует стремительный рост комплексной национальной мощи, расширение географического охвата своих национальных интересов и усиление международного влияния. Китайская внешняя политика претерпевает качественную трансформацию: если ранее она была сосредоточена преимущественно на внутреннем развитии и региональных вопросах Восточной Азии, то теперь охватывает практически все регионы мира с варьирующейся степенью интенсивности.

В последние годы наблюдается устойчивая трансформация внешнеполитической самоидентификации КНР, выражающаяся в ее все более отчетливом позиционировании как глобального актора. Китайское руководство демонстрирует стремление к активному участию в конструировании международной повестки, выдвиганию инициатив по институционализации новых форм глобального управления, а также формированию альтернативных моделей международного взаимодействия, призванных сбалансировать существующую архитектуру мировой политики. Возвышение Китая представляет собой один из наиболее значимых феноменов современной международной политики и оказывает существенное воздействие на глобальные политические и экономические процессы. С точки зрения трансформационного влияния на международную систему данный феномен сопоставим с распадом Советского Союза, который в свое время ознаменовал окончание биполярной системы мирового порядка.

Возвышение Китая представляет собой повторение исторически сложившегося феномена, при котором стремительно усиливающаяся потенциальная сверхдержава ставит под сомнение доминирующее положение уже устоявшегося мирового лидера. В исторической ретроспективе подобные ситуации нередко приводили к жесткому столкновению интересов государств, а в отдельных случаях - к полномасштабным вооруженным конфликтам. В этом контексте эволюция отношений между Китаем и США приобретает особое значение, выходя за рамки традиционных межгосударственных взаимодействий и формируя уникальный кейс в современной международной политике. Их динамика требует всестороннего анализа как с теоретической, так и с практической точки зрения, учитывая потенциальные последствия для глобальной стабильности и архитектуры международного порядка.

Политическая последних лет риторика, сопровождающая американо-китайские двусторонние встречи на высшем уровне, как правило, выдержана в

позитивном ключе. Лидеры обеих стран акцентируют внимание на потенциальных направлениях сотрудничества, наличии широкого спектра совпадающих глобальных и региональных интересов, а также на взаимной готовности к развитию партнерских отношений. Однако оптимистичная тональность публичных заявлений высшего руководства не способна скрыть глубинные противоречия, систематически проявляющиеся в двусторонних отношениях и приводящие к эпизодам напряженности и кризисам. Основные причины этих разногласий коренятся в фундаментальных различиях политических систем, идеологических установок, ценностных ориентиров и моделей экономического развития двух государств. Последний визит Дональда Трампа в Пекин (Китай) состоялся (13-15 мая 2026 года). Визит президента США в Китай и переговоры с председателем КНР Си Цзиньпином стали важным событием в контексте эволюции американо-китайских отношений и общей трансформации мирового порядка. Несмотря на высокий политический и медийный резонанс, значительная часть экспертного сообщества оценивает итоги встречи как ограниченные по своему практическому результату.

По оценке российского востоковеда Е. Заклязьминской [6] переговоры не продемонстрировали существенного прорыва в двусторонних отношениях и скорее подтвердили сохраняющийся характер стратегической конкуренции между США и КНР, несмотря на периодические попытки стабилизации диалога. Данный подход отражает распространённую в научной литературе позицию о том, что американо-китайские отношения вступили в фазу структурного соперничества, в рамках которого даже высокоуровневые встречи не способны радикально изменить баланс сил. Дополнительным фактором, усугубляющим противоречия, выступает их статусная диспозиция: США, как устоявшаяся глобальная сверхдержава, и Китай, как восходящая великая держава, претендующая на пересмотр существующего миропорядка. Взаимное недоверие на стратегическом уровне служит катализатором напряженности, препятствуя формированию устойчивых механизмов взаимодействия.

Объект исследования - отношения США и Китая в контексте трансформации мирового порядка.

Предмет исследования - теоретические и методологические основы анализа американо-китайских отношений в условиях трансформации мирового порядка.

Цель диссертационного исследования - выявить и проанализировать теоретические и методологические аспекты изучения американо-китайских отношений в условиях трансформации мирового порядка.

Для достижения данной цели в работе необходимо решить следующие **задачи**:

- систематизировать основные теоретические подходы, используемые в современных международных исследованиях в контексте США и Китая;
- рассмотреть концептуальные и методологические основания анализа американо-китайских отношений в условиях глобальных трансформаций;

- выявить влияние трансформации мирового порядка на развитие теоретических и методологических основ исследования международных отношений;
- исследовать трансформацию американо-китайских отношений в условиях изменения структуры мирового порядка;
- провести сравнительный анализ основных теоретических интерпретаций динамики и этапов развития отношений США и Китая;
- выявить методологические особенности анализа факторов, противоречий и тенденций во взаимоотношениях США и Китая;
- систематизировать существующие теоретические основы и методологические подходы к исследованию американо-китайских отношений в условиях трансформации мирового порядка;
- разработать системную модель анализа американо-китайских отношений в контексте глобальных трансформаций;
- исследовать возможности применения геоэкономики как методологического инструмента анализа американо-китайских отношений в условиях трансформации мирового порядка.

Хронологические рамки исследования - хронологические рамки исследования охватывают период с начала 1990-х годов по начало 2020-х годов, что обусловлено особенностями эволюции мирового порядка и характером трансформации американо-китайских отношений в указанный временной интервал. Выбор нижней границы исследования - начало 1990-х годов - определяется завершением «холодной войны» и распадом биполярной системы международных отношений. Именно этот период ознаменовал переход к однополярной модели во главе с Соединёнными Штатами Америки, когда США получили статус единственной сверхдержавы и начали формировать новую архитектуру международных институтов, глобальных норм и правил.

Степень изученности темы. Степень изученности темы. Проблема трансформации мирового порядка и эволюции американо-китайских отношений занимает одно из центральных мест в современной теории международных отношений. Данная проблематика получила широкое освещение в трудах зарубежных, российских, китайских и казахстанских исследователей. Сложившийся массив научной литературы позволяет выделить несколько основных направлений исследования: теоретико-методологические подходы к изучению мирового порядка и международной системы, исследования кризиса современного международного порядка, работы, посвящённые американо-китайским отношениям, а также исследования региональных аспектов соперничества США и КНР.

В российской научной литературе значительное внимание уделяется вопросам теории международных отношений, трансформации международной системы и эволюции мирового порядка. Так, А.М. Фененко [3, с.9] рассматривает мировой порядок как сложную теоретико-методологическую категорию, отражающую структурные изменения международной системы и изменение соотношения сил на мировой арене. А.В. Кортун [4] анализирует

современные тенденции перехода от однополярной модели мирового порядка к полицентричной системе международных отношений, уделяя особое внимание усилению глобальной конкуренции ведущих держав.

Теоретические основы исследования международной системы были заложены в трудах представителей классической школы международных отношений. Одним из первых системный подход к анализу мировой политики предложил К. Райт [5, р.396], рассматривавший международные отношения как совокупность взаимосвязанных политических процессов и структур. Существенное значение для современного изучения международных процессов имеют работы Д.А. Дегтерева [7, с.36], посвящённые применению количественных методов в международных исследованиях, что расширяет аналитические возможности изучения глобальных политических процессов и межгосударственных взаимодействий. Существенный вклад в развитие теории международных отношений внес П.А. Цыганков [8, с.25], исследовавший методологические основы анализа международной политики и современные подходы к изучению мирового порядка. Особое значение для диссертационной темы имеют исследования Е.Н. Грачикова [9, с.187], посвящённые становлению китайской школы международных отношений, её аналитическим подходам и методам исследования, что приобретает особую значимость в условиях возрастающей роли КНР в мировой политике. Важное место в современных исследованиях занимает работа Е.О. Заклязьминской [6], в которой анализируется геополитический треугольник «Россия – США – Китай» в условиях санкционного противоборства, а также рассматриваются особенности трансформации стратегических отношений между ведущими мировыми державами в условиях меняющейся международной среды.

Важное место в формировании теоретических основ международных отношений занимает реалистическая школа. Одним из её основоположников считается Э. Карр [10, р.10], рассматривавший международную политику как сферу борьбы государств за власть и влияние. Дальнейшее развитие политический реализм получил в трудах Г. Моргентау [11, р.4; 12, р.341] сформулировавшего концепцию политики силы и основные принципы реалистического подхода в международных отношениях. Существенный вклад в развитие структурного реализма внес К. Уолтц [13, с.25], предложивший анализировать международную систему через призму распределения силы между государствами и характера международной структуры.

Проблемы методологии международных исследований и теории международных отношений получили дальнейшее развитие в работах Т.А. Алексеевой [14, с.45], посвящённых современным подходам к исследованию мировой политики. Системный анализ международных отношений был развит в трудах М. Каплана [15, р.20] и Д. Сингера [16, р.21], рассматривавших международную систему как совокупность взаимосвязанных подсистем, функционирующих в условиях глобальной политической динамики.

Особое место в исследовании мирового порядка занимают труды Г. Киссинджера [17, с.50], рассматривающего международный порядок как

результат взаимодействия различных цивилизационных моделей, исторических традиций и политических интересов государств. Существенный вклад в развитие концепции международного порядка внес Х. Булл [18, р.19], автор концепции «анархического общества», в рамках которой мировой порядок рассматривается как система международных норм, институтов и правил, обеспечивающих относительную стабильность международной системы.

Важное значение для исследования трансформации международной системы имеют труды Р. Гилпина [19, р.10], посвящённые взаимосвязи между изменением структуры международной системы и трансформацией мирового порядка. Современные проблемы функционирования международного порядка анализируются также в исследованиях Р. Хаасса [20, р.15], рассматривающего международную систему в условиях нарастающей фрагментации мировой политики и кризиса глобального управления.

Значительное внимание в современной зарубежной литературе уделяется кризису либерального международного порядка. Так, Дж. Миршаймер [21, р.10] указывает на структурные ограничения либерального международного порядка и усиление соперничества великих держав как ключевой фактор трансформации международной системы. Г. Айкенберри [22, р.31] исследует институциональные механизмы поддержания международного порядка после крупных международных конфликтов и особенности функционирования либеральной модели мироустройства.

Дополнительные данные подходы получили в исследованиях М. Барнетта [23, р.5], посвящённых трансформации международных институтов и кризису современного мирового порядка. Исторические аспекты формирования международной системы и роль идей в развитии международного порядка рассматриваются в трудах Д. Филиппотта [24, р.61] и А. Филлипса [25, р.17]. Проблемы кризиса либерального международного порядка и изменения баланса сил в мировой политике исследуются также Д. Лейком, Л. Мартином и Т. Риссе [26, р.226].

Существенный вклад в развитие российской школы международных исследований внесли Э.Я. Баталов [27, с.25] и Ю.П. Давыдов [28, с.40], в трудах которых рассматриваются современные тенденции развития международных отношений и методологические аспекты исследования мировой политики. Значительное внимание проблемам международной системы и внешней политики государства уделено в исследованиях М.А. Хрусталёва [29, с.11] и А.Д. Богатурова [30, с.150], анализирующих особенности эволюции международной системы и механизмы функционирования мировой политики.

Вопросы трансформации мирового порядка, международной безопасности и стратегической конкуренции ведущих держав получили широкое отражение и в трудах казахстанских исследователей. Существенный вклад в исследование современных международных процессов внес М.Т. Лаумулин [31], рассматривающий противоречия между США и КНР и их влияние на глобальную и региональную безопасность.

Проблемы трансформации мирового порядка, кризиса мультилатерализма и усиления фрагментации международной системы нашли отражение в трудах Главы государства Республики Казахстан К.-Ж. Токаева, в которых особое внимание уделяется необходимости укрепления международного сотрудничества [32], совершенствования механизмов глобального управления [33] и адаптации международных институтов к условиям возрастающей нестабильности мировой политики [34].

Существенный вклад в исследование внешней политики США и геополитической динамики Центральной Азии внесла Ф. Т. Кукеева [35], рассматривающая стратегическое присутствие Соединённых Штатов в регионе в контексте усиливающейся глобальной конкуренции ведущих держав. В рамках развития данного научного направления следует отметить, что на базе Казахского национального университета имени аль-Фараби функционирует центр по изучению взаимодействий США и стран Центральной Азии, выступающий в качестве специализированной исследовательской площадки, аккумулирующей экспертные разработки и аналитические материалы по проблемам трансформации региональных процессов и внешнеполитического взаимодействия акторов.

Экономические аспекты американо-китайских отношений и последствия торгово-экономического противостояния США и КНР исследуются в трудах В.Б. Супяна [36, с.23], С.Ю. Муртузалиевой [37, с.352]. В исследованиях Л.М. Иватовой анализируются причины и последствия торговой войны между США и Китаем [38, с.111], а также влияние американо-китайской конкуренции на мировую экономику [39, с.86] и международную торговую систему [40, с.11].

Вопросы геополитического положения Казахстана, особенностей его внешнеполитического развития и перспектив укрепления субъектности государства в международных отношениях нашли отражение в исследованиях Д.Б. Кыдырбекулы [41, с.58]. В своих работах автор анализирует геополитические проблемы и перспективы Республики Казахстан в условиях трансформации международной среды, подчёркивая значение эффективного использования дипломатических, экономических и стратегических ресурсов государства для укрепления его позиций в мировой политике.

В работах Сериккалиевой А.Е. [42, с.3] рассматриваются ключевые направления внешней политики Китая, включая вопросы региональной безопасности и «мягкой силы». В частности, в исследовании афганского фактора в контексте Центральной Азии автор подчёркивает роль КНР в обеспечении региональной стабильности и противодействии трансграничным угрозам. В другой статье [43, с.2], посвящённой использованию «мягкой силы» Китая в Африке, анализируются культурно-гуманитарные инструменты влияния Пекина и их связь с расширением его международного присутствия. Эти работы в целом раскрывают как безопасность-ориентированное, так и гуманитарно-дипломатическое измерение внешнеполитической стратегии Китая.

Отдельное направление исследований посвящено региональным аспектам американо-китайского соперничества. В частности, конкуренция США и Китая

в Африке рассматривается в трудах И. Тейлора [44] и У. Лян [45, р.667], исследующих экономические и политические механизмы расширения китайского влияния на Африканском континенте.

Проблематика усиления американо-китайского соперничества и его влияния на Казахстан и Центральную Азию анализируется в исследованиях Д.М. Туртугуловой и У.Д. Жузбаевой [46], подчёркивающих трансформацию региональной среды безопасности и изменение геополитического баланса в Центральной Азии.

Особое значение для исследования внешнеполитических приоритетов Республики Казахстан в условиях глобальной трансформации имеют труды Б.К. Султанова [47], посвящённые анализу последствий соперничества США и КНР для национальных интересов Казахстана и перспектив развития региональной политики.

Таким образом, анализ научной литературы показывает, что проблема трансформации мирового порядка и эволюции американо-китайских отношений получила широкое освещение в современной зарубежной, российской, китайской и казахстанской научной литературе. Вместе с тем, несмотря на значительное количество исследований, посвящённых отдельным аспектам американо-китайских отношений и изменениям международной системы, теоретико-методологические аспекты комплексного анализа отношений США и КНР в условиях трансформации мирового порядка остаются недостаточно разработанными. Недостаточная изученность взаимосвязи структурных изменений международной системы и динамики стратегического соперничества между США и Китаем обуславливает актуальность, научную значимость и практическую востребованность данного диссертационного исследования.

Материалы исследования. Материальную основу данного диссертационного исследования составили разнообразные источники, отражающие теоретические, концептуальные и эмпирические аспекты трансформации мирового порядка и развития американо-китайских отношений. Исползованные материалы можно условно разделить на несколько основных групп: научно-теоретическая литература по проблемам международных отношений, аналитические исследования и доклады международных организаций и исследовательских центров, официальные документы и стратегические концепции внешней политики, статистические и информационные материалы, а также публикации автора исследования.

Первую группу материалов составляют фундаментальные научные исследования, посвященные теории международных отношений и проблеме мирового порядка. К числу таких работ относятся исследования классиков международной политической мысли, в которых сформированы основные теоретические подходы к анализу международной системы. В частности, в работе Э. Карра [10, р.11] рассматриваются проблемы формирования международной политической структуры в межвоенный период и закладываются основы реалистического подхода к анализу мировой политики. Существенное значение имеют также исследования Г. Моргентау [11, р. 4; 12,

р.341] в которых сформулирована концепция политического реализма и разработаны принципы анализа международной политики как борьбы государств за власть и влияние.

Важную роль в теоретическом осмыслении структуры международной системы сыграли исследования К. Уолтца [13, с.25], который предложил структурный подход к анализу международных отношений, рассматривая мировую политику через призму распределения силы между государствами. Дополнительное развитие системный анализ международной политики получил в работах М. Каплана [15, р.20] и Д. Сингера [16, р.21], в которых международная система рассматривается как совокупность взаимосвязанных подсистем и институтов.

Значительное место среди теоретических материалов исследования занимают работы, посвященные проблеме мирового порядка и его трансформации. В частности, в исследованиях Х. Булла [18, р.19] рассматривается концепция международного общества и институциональных механизмов поддержания международного порядка. Аналогичные вопросы анализируются в работах Р. Гилпина [19, р.10], который исследует взаимосвязь между изменением распределения силы в международной системе и трансформацией мирового порядка.

Современные исследования данной проблематики представлены работами Дж. Миршаймера [21, р.10], Г. Айкенберри [22, р.30] и других авторов, которые анализируют кризис либерального международного порядка и его трансформацию в условиях усиления конкуренции великих держав. В работах М. Барнетта, Д. Лейка, Л. Мартина [23, р.5] и Д. Лейком, Л. Мартином и Т. Риссе [26, р.225] рассматриваются институциональные аспекты международного порядка и вызовы его устойчивости в условиях современной глобальной политики.

Современные исследования американо-китайских отношений также представлены работами международных аналитических центров. В частности, в исследованиях Chatham House Schneider-Petsinger M Yu [48] J. China Vinjamuri L., [49] Fravel M.T., [50] рассматриваются вопросы стратегической конкуренции между США и Китаем, включая технологическое соперничество и борьбу за глобальное лидерство.

Отдельное направление материалов исследования составляют работы, посвященные экономическим аспектам американо-китайских отношений. В частности, в исследованиях В.Б. Супяна [36, с.23] рассматриваются причины и последствия торговой войны между США и КНР, а также ее влияние на развитие мировой экономики.

Следующая группа материалов исследования составляют официальные документы и стратегические концепции внешней политики США и Китая. Важным источником информации являются стратегические документы США, включая Национальную стратегию безопасности США и другие программные документы американской внешней политики [51, 52]. Эти материалы позволяют

проследить эволюцию американского подхода к Китаю и определить основные направления внешнеполитической стратегии США в XXI веке.

Важную группу материалов исследования составляют аналитические доклады международных организаций, исследовательских центров и экспертных сообществ. Среди них особое значение имеют материалы Российского совета по международным делам, посвященные анализу американо-китайских отношений и перспективам их развития. В данных исследованиях рассматриваются современные тенденции глобальной политики и стратегические последствия соперничества США и Китая.

Теоретико-методологическая основа диссертации. Теоретические аспекты исследования базируются на трудах отечественных и зарубежных исследователей в области теории международных отношений, мировой политики и трансформации международного порядка.

Одним из первых ученых, заложивших основы научного анализа международных отношений, является К. Райт [5, р.396], который обосновал необходимость комплексного изучения международных процессов и взаимодействия государств. Значительный вклад в развитие реалистической школы международных отношений внес Э. Карр [10, р.12], рассматривавший международную систему как арену борьбы государств за власть и влияние. Аналогичной позиции придерживался Г. Моргентау [11, р.15], который утверждал, что международная политика определяется национальными интересами государств и их стремлением к обеспечению собственной безопасности.

Важное значение для формирования современной теории международных отношений имеют идеи структурного реализма, разработанные К. Уолтцем [13, б.136]. Согласно его концепции, поведение государств определяется структурой международной системы и распределением сил между ее ключевыми участниками. Данный подход позволяет рассматривать международную систему как анархическую структуру, в которой государства вынуждены самостоятельно обеспечивать свою безопасность.

В рамках английской школы международных отношений важное место занимает концепция международного общества, разработанная Х. Буллом [18, р.19]. Согласно данной концепции, международная система представляет собой сообщество государств, взаимодействующих на основе общих норм, правил и институтов, обеспечивающих относительную стабильность мировой политики.

Существенный вклад в исследование эволюции международной системы внес Р. Гилпин [19, р.10], который рассматривал мировую политику через призму изменений в распределении экономической и военной мощи между государствами. По его мнению, изменения в балансе сил неизбежно приводят к трансформации мирового порядка и формированию новых центров силы.

Методологическое значение для исследования мирового порядка имеют работы российских ученых. Так, А. М. Фененко [3, с.8] рассматривает мировой порядок как сложную теоретическую категорию, отражающую структуру международной системы и принципы взаимодействия государств. В свою

очередь А. В. Картунов [4] подчеркивает, что современная международная система переживает этап трансформации, связанный с переходом от однополярной модели к более сложной полицентричной структуре.

Большое значение для анализа исторической эволюции мирового порядка имеют исследования Г. Киссинджера [17, с.50], который рассматривает развитие международной системы через призму исторических моделей мирового устройства. Особое внимание он уделяет формированию принципов Вестфальской системы международных отношений, закрепившей идеи государственного суверенитета и равенства государств.

Существенный вклад в исследование современного либерального мирового порядка внес Г. Айкенберри [22, р.33], рассматривающий его как систему международных институтов и норм, сформировавшихся после Второй мировой войны. Вместе с тем Дж. Миршаймер [21, р.21] указывает на структурные ограничения либерального международного порядка и подчеркивает неизбежность усиления соперничества между великими державами.

Методологическая основа исследования. Методологическая основа исследования опираются на использование совокупности общенаучных и специальных методов анализа международных отношений. Исторический метод анализа позволяет рассматривать американо-китайские отношения как часть глобальной международной системы, выявляя взаимосвязь между экономическими, политическими и военными аспектами. Используется для анализа исторических аналогий (например, соперничество США и СССР в период холодной войны) и выявления специфики текущего американо-китайского противостояния. Концептуальный подход анализа данного исследования предлагает комплексную интерпретацию американо-китайских отношений в условиях мирового сдвига, опираясь на синтез геоэкономики и глобального конструктивизма. Это позволяет выйти за рамки дихотомии «конфликт - сотрудничество» и рассматривать отношения как динамичную стратегическую конкуренцию, протекающую в разных сферах (экономика, безопасность, технологии, идеология) и на разных уровнях (двусторонний, региональный, глобальный). Метод кейс-стад применяется для изучения конкретных случаев, таких как торгово-экономическое противостояние США и КНР (2018-2020 гг.), санкции против китайских технологических компаний, кризис вокруг Тайваня, создание альянсов AUKUS и QUAD. Метод контент-анализа позволяет исследовать официальные документы, стратегические доктрины, экономические отчеты и анализ дискурса политических лидеров США и Китая. Данный метод представляет собой важный инструмент для выявления ключевых направлений их внешнеполитического курса. В рамках исследования также применяются прогностические методы, позволяющие разработать сценарии возможного развития американо-китайских отношений в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Эти сценарии включают различные варианты взаимодействия, начиная от конфронтации и ограниченного сотрудничества до формирования новой биполярной системы. Таким образом,

теоретико-методологическая база исследования обеспечивает комплексный подход к изучению американо-китайских отношений, позволяя не только выявить их структурные характеристики, но и сформулировать обоснованные прогнозы относительно дальнейшей динамики взаимодействия между США и КНР в условиях трансформации мировой системы.

Методы и приемы исследования опираются на широкий массив разнородных документов и материалов, которые можно классифицировать по нескольким основным категориям:

- **Общенаучные методы.** Концептуальный анализ применялся для выявления, систематизации и интерпретации ключевых теоретических категорий, понятий и исследовательских подходов, используемых в изучении американо-китайских отношений и современных международных процессов.

- **Системный анализ** - изучение отношений США и Китая как части глобальной политической системы, выявление взаимосвязей между экономическими, политическими и военными аспектами.

- **Исторический метод** - анализ эволюции американо-китайских отношений, выявление тенденций и закономерностей. Сравнительный анализ - сопоставление внешнеполитических стратегий США и Китая, их экономических и военных показателей. Междисциплинарный анализ применялся для комплексного исследования американо-китайских отношений на стыке международных отношений, политологии, экономики, геополитики и геоэкономики.

- **Метод моделирования** - прогнозирование возможных сценариев развития отношений между государствами. Кейс-стади применялся для углубленного изучения отдельных эпизодов и ключевых событий американо-китайских отношений, позволяющих выявить особенности их трансформации в условиях изменения мирового порядка. В качестве кейсов рассматривались отдельные кризисные ситуации, торговые и технологические конфликты, а также инициативы стратегического соперничества США и Китая.

- **Специальные методы политического анализа.** Контент-анализ - изучение официальных документов, речей лидеров, публикаций в СМИ, аналитических докладов. Дискурс-анализ - исследование риторики политиков, дипломатических заявлений, стратегических доктрин. Геополитический анализ изучение стратегических интересов США и Китая, их влияния на международный порядок.

- **Методы анализа международных отношений.** Неореалистический подход - оценка конфликта интересов, баланса сил, гонки вооружений. Либеральный подход - изучение роли международных организаций, экономической взаимозависимости и дипломатии. Конструктивистский подход - исследование влияния идентичностей, идеологий и политической культуры.

- **Эмпирические методы.** Анализ статистических данных - изучение экономических показателей, военных расходов, торговых отношений. Метод экспертных оценок - привлечение мнений аналитиков, политологов и дипломатов.

Научная новизна исследования заключается в комплексном теоретико-методологическом анализе американо-китайских отношений в условиях трансформации мирового порядка. Впервые систематизированы и сопоставлены основные парадигмы международных отношений применительно к внешнеполитическим стратегиям США и Китая. Раскрыты особенности применения этих подходов к ключевым проблемным регионам (Тайвань, Юго-Восточная Азия, Центральная Азия, Африка, Латинская Америка). Уточнён эпистемологический потенциал теоретических школ в объяснении торгово-экономического и технологического соперничества США и Китая.

Основные пункты научной новизны включают:

- систематизированы основные теоретические подходы современных международных исследований в контексте анализа американо-китайских отношений, раскрыты особенности применения реализма, либерализма, конструктивизма, теории перехода силы, геополитических и геоэкономических концепций к изучению взаимодействия США и Китая;

- определены концептуальные и методологические основания анализа американо-китайских отношений в условиях глобальных трансформаций, позволяющие исследовать современное стратегическое соперничество США и КНР как комплексный политико-экономический и международно-системный процесс;

- выявлено влияние трансформации мирового порядка на развитие теоретико-методологических основ международных исследований, выражающееся в расширении междисциплинарных подходов и переосмыслении традиционных аналитических моделей исследования международных отношений;

- исследована трансформация американо-китайских отношений в условиях изменения структуры мирового порядка, показана взаимосвязь между эволюцией международной системы, перераспределением глобального баланса сил и изменением характера взаимодействия США и Китая;

- проведен сравнительный анализ теоретических интерпретаций динамики и этапов развития американо-китайских отношений, выявлены их общие и отличительные характеристики, а также аналитические возможности в объяснении современной модели соперничества двух держав;

- определены методологические особенности анализа факторов, противоречий и тенденций развития отношений США и Китая, включая политические, экономические, военно-стратегические, технологические и идеологические измерения двустороннего взаимодействия;

- разработана системная модель анализа американо-китайских отношений в контексте глобальных трансформаций, основанная на комплексном сочетании международно-политического, геоэкономического и сравнительно-аналитического подходов;

- обоснованы возможности применения геоэкономики как методологического инструмента исследования американо-китайских отношений, раскрыта роль экономической взаимозависимости, технологической

конкуренции, торговых стратегий и санкционно-инструментальных механизмов в трансформации отношений США и Китая.

Основные положения, выносимые на защиту. В ходе исследования были получены следующие результаты, обладающие как теоретической, так и практической значимостью для дальнейшего развития международных отношений и стратегических исследований:

1. Современные международные исследования американо-китайских отношений базируются на комплексе теоретических подходов, включающем реализм, либерализм, конструктивизм, теорию перехода силы, а также геополитические и геоэкономические концепции, каждая из которых раскрывает отдельные аспекты стратегического взаимодействия США и Китая.

2. Анализ американо-китайских отношений требует применения комплексных концептуальных и методологических оснований, позволяющих рассматривать их как многомерный политико-экономический и международно-системный процесс, отражающий особенности глобального соперничества великих держав.

3. Трансформация мирового порядка оказывает непосредственное влияние на развитие теоретико-методологических основ международных исследований, что проявляется в усилении междисциплинарности и пересмотре традиционных аналитических моделей мировой политики.

4. Эволюция американо-китайских отношений тесно связана с изменением структуры мирового порядка, перераспределением глобального баланса сил и трансформацией механизмов взаимодействия ведущих держав в международной системе.

5. Сравнительный анализ теоретических интерпретаций динамики американо-китайских отношений позволяет выявить их существенные различия и общие характеристики, а также определить аналитический потенциал различных научных школ в объяснении современного этапа соперничества США и Китая.

6. Методологический анализ факторов и тенденций развития американо-китайских отношений подтверждает их многомерный характер, включающий политические, экономические, военно-стратегические, технологические и идеологические измерения.

7. Системная модель анализа американо-китайских отношений в условиях глобальных трансформаций обеспечивает целостное понимание их развития на основе интеграции международно-политического, геоэкономического и сравнительно-аналитического подходов.

8. Геоэкономика выступает важным методологическим инструментом исследования американо-китайских отношений, позволяющим раскрыть роль экономической взаимозависимости, технологической конкуренции, торговых стратегий и санкционных механизмов в трансформации глобального соперничества США и Китая.

Таким образом, совокупность представленных положений формирует целостную теоретико-методологическую концепцию исследования американо-китайских отношений, основанную на синтезе политических и

геоэкономических подходов, что обеспечивает научную и практическую значимость полученных результатов.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования. Теоретическая значимость работы заключается в развитии и углублении научных представлений о характере и динамике американо-китайских отношений в контексте трансформации мирового порядка. Проведенное исследование способствует расширению методологической базы анализа международных отношений, дополняя существующие теоретические подходы новыми эмпирическими данными и концептуальными выводами.

Во-первых, результаты исследования позволяют уточнить применимость традиционных теорий международных отношений к анализу стратегического взаимодействия США и КНР, выявляя их ограничения и потенциал в условиях изменяющейся глобальной архитектуры. В частности, исследование обосновывает, каким образом концепции баланса сил, гегемонистской стабильности и комплексной взаимозависимости соотносятся с современными реалиями американо-китайского соперничества.

Во-вторых, работа вносит вклад в развитие концепции трансформации мирового порядка, уточняя его структурные параметры и возможные сценарии эволюции. В данном контексте исследование анализирует, каким образом США и КНР формируют новые политико-экономические стратегии и какие институциональные механизмы используются для адаптации к изменениям в глобальной системе.

В-третьих, исследование расширяет понимание механизмов геоэкономического противостояния, демонстрируя, как торговые войны, технологические санкции и конкуренция за критически важные ресурсы влияют на перераспределение сил в международных отношениях. В этом аспекте работа вносит вклад в развитие междисциплинарных подходов, интегрируя методы политической экономии, стратегического анализа и международного права.

Таким образом, проведенное исследование не только дополняет существующие теоретические модели международных отношений, но и формирует основу для дальнейших исследований глобальной конкуренции, стратегического взаимодействия ведущих держав и перспектив изменения мировой политико-экономической структуры.

Практическая значимость исследования обусловлена его вкладом в выработку рекомендаций для государственных структур, дипломатических ведомств, аналитических центров и международных организаций, занимающихся вопросами внешней политики, международной безопасности и экономического сотрудничества. Во-первых, результаты исследования могут быть использованы в сфере внешнеполитического анализа и стратегического прогнозирования для оценки перспектив развития американо-китайских отношений. Выявленные закономерности и тенденции позволят государственным органам более эффективно разрабатывать долгосрочные стратегии взаимодействия с США и КНР, учитывая их влияние на глобальную безопасность и экономику. Во-вторых, исследование имеет практическую

ценность для дипломатической деятельности, поскольку оно освещает механизмы международных переговоров, торговых соглашений и санкционной политики. Полученные выводы могут быть использованы при разработке рекомендаций по минимизации рисков геополитической нестабильности и созданию платформ для диалога между США и КНР. В-третьих, работа представляет интерес для бизнеса и международных корпораций, вовлеченных в глобальные цепочки поставок и инвестиционную деятельность. Анализ ключевых аспектов экономического соперничества между США и КНР поможет компаниям адаптироваться к изменениям в торговых отношениях, санкционной политике и технологической конкуренции. В-четвертых, результаты исследования могут быть применены в образовательной и научной деятельности, включая разработку учебных курсов по международным отношениям, глобальной политике и внешней политике ведущих держав. экономике и геополитике. Полученные данные и выводы могут способствовать подготовке специалистов в области международной политики и дипломатии. Таким образом, проведенное исследование имеет практическую значимость для широкого круга заинтересованных сторон, включая органы государственной власти, дипломатические структуры, аналитические центры, бизнес-сообщество и академическое сообщество.

Апробация исследования осуществлялась путем обсуждения его основных положений на научных конференциях, публикации результатов в рецензируемых научных журналах, а также в рамках экспертных семинаров и круглых столов, посвященных вопросам международных отношений, глобальной безопасности и мировой экономики. Основные результаты и выводы диссертационного исследования отражены в 9 научных статьях, включая выступления на международных конференциях и публикации в рецензируемых журналах, индексируемых в базе данных Scopus. Дополнительно, данные работы опубликованы в изданиях, рекомендованных Комитетом по обеспечению качества в сфере науки и высшего образования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан. Апробация диссертации осуществлена в форме докладов на различных конференциях, круглых столах и семинарах, посвященных данной тематике:

1. US-China relations and their influence on the development of world politics in the post - crisis period //Cogito Multidisciplinary research journal Vol. XVI, no.4 / December, 2024 p. 121-137

2. Торгово-экономическая война США и КНР: причины кризиса, хронология, идеология, последствия для мировой политики // КазНПУ имени Абая Вестник Серия «Социологические и политические науки». 2020. - №2(70). - С. 94-102.

3. Taiwanese Factor In Modern American-Chinese Relations//ЕНУ им. Л.Н. Гумилева Вестник Серия политические науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология 2020 - № 3(132) с. 76-82

4. Geopolitical and Economic Interests of the USA and PCR in Central Asia Central Asia affairs Topical issues of international relations 2022 №2 p. 51-59

5. Влияние результатов президентских выборов 2020 года в США на отношения с КНР//Мемлекеттік басқару және Мемлекеттік қызмет халықаралық ғылыми-талдау журналы 2022 № 3 (82) б. 76-82

6. Политические и экономические отношения между США и КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе и проблемы безопасности в условиях трансформации международной системы//Молодежь и наука: реальность и будущее: Материалы XIII Международной научно-практической конференции / Редкол.: Е.И. Бурьянова, О.А. Мазур, Т.Н. Рябченко 2020 г. с. 163-168

7. Особенности американо-китайских отношений после второй мировой войны //Сборник V Международной научно-практической интернет-конференции «Наука и образование в XXI веке». Астана 2020 г. С. 314 -317

8. Динамика формирования политических и экономических интересов США и КНР в Центральной Азии Актуальные научные исследования в современном мире // Журнал - Переяслав, 2020. - Вып. 5(61), ч. 5 с. 34-41

9. Перспективы и состояние отношений США и КНР в условиях Трансформации мирового порядка в XXI в //Proceedings of the XX International Scientific and Practical Conference Social and Economic Aspects of Education in Modern Society Vol.4, December 25, 2019, Warsaw, Poland p. 28-33

Структура и объем работы. Структура диссертации включает введение, три главы, содержащие девять параграфов, заключение, а также список использованной литературы. Диссертационная работа содержит шесть (6) таблиц, семь (7) рисунков.

1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

1.1 Основные теоретические подходы исследования в международных отношениях

Теоретико-методологический анализ современного мирового порядка включает в себя исследование и анализ структурных изменений в глобальной системе, а также принципов, которые определяют её функционирование в условиях глобализации, политических, экономических и культурных трансформаций. Такой анализ требует использования различных теоретических подходов и методологических инструментов для понимания сложности международных отношений, взаимодействия акторов и факторов, влияющих на современный мировой порядок.

Глобализация, в свою очередь, оказывает огромное влияние на мировой порядок. Это процесс углубления взаимозависимости стран в политической, экономической и культурной сферах. Он приводит к росту многосторонних организаций, усилению взаимосвязей в международной торговле и финансах, а также стимулирует культурные обмены.

Согласно пост гегельянским подходам, современный мировой порядок часто рассматривается как продукт взаимодействия конфликтующих сил и идеологий, где изменения происходят через синтез старых и новых форм. В контексте мировой политики важно учитывать влияние исторического контекста на развитие глобальных институтов. Теоретики часто учитывают влияние множества факторов на современный мировой порядок, включая экономические, технологические, экологические и демографические процессы. Например, технологическая революция и развитие информационных технологий существенно изменили способы взаимодействия между странами и регионами.

В теории международных отношений можно выделить несколько подходов, таких как реализм, либерализм и конструктивизм. Реалисты акцентируют внимание на государственном суверенитете и силовых играх, либералы подчеркивают важность международных институтов и сотрудничества, а конструктивисты фокусируются на значении идентичностей и норм.

Современный мировой порядок все чаще описывается как многополярный, в отличие от бинарной системы Холодной войны. Это включает в себя рост влияния новых акторов, таких как Китай, Индия и другие развивающиеся страны, которые изменяют баланс сил на глобальной арене. Проблемы глобального масштаба, такие как изменение климата, пандемии, терроризм и экономические кризисы, также влияют на мировое устройство. Эти вызовы требуют координированных действий на международном уровне и пересмотра традиционных моделей взаимодействия государств.

В целом, теоретико-методологическая интерпретация современного мирового порядка требует синтеза различных подходов, с учетом множества факторов и стремления к новому глобальному порядку, где взаимодействие между странами, культурами и экономиками будет еще более сложным и многогранным.

В современной политической науке проблематика мирового порядка остается дискуссионной и не полностью концептуализированной [3, с.12]. Обширный массив литературы по данному вопросу свидетельствует о его актуальности, но при этом требует систематизации, достойной отдельного справочного издания [4]. В рамках данной тематики сохраняются как содержательные, так и терминологические пробелы, препятствующие её дальнейшему развитию. В частности, остается неопределённым соотношение понятий «порядок» и «система», что подтверждается их взаимозаменяемым употреблением в таких концепциях, как Венская система - Венский порядок, Версальская система - Версальский порядок и др. Не до конца исследован механизм смены мировых порядков, их качественные различия, а также вопросы, касающиеся количества и наименования данных структур [3, с.18].

Аналитические подходы в исследовании международных отношений представляют собой методологическую основу для проведения научных изысканий в этой области [5, р.397]. Профессор П.А. Цыганков утверждает, что изучение международных отношений требует интеграции различных подходов, включающих теоретический (изучение сущности, специфики и основных движущих сил международных отношений), социологический (поиск детерминант и закономерностей, определяющих изменения в этих отношениях), исторический (анализ фактического развития международных отношений через призму смены эпох и поколений, что позволяет выявлять аналогии и исключения) и прагматический (исследование процессов подготовки, принятия и реализации международных политических решений) аспекты [7, с.36]. В свою очередь, существует два основных подхода к изучению международных отношений: традиционный историко-описательный (или интуитивно-логический) и операционно-прикладной (или аналитико-прогностический), основанный на применении методов точных наук, формализации и квантификации данных, а также на верифицируемости (или фальсификации) выводов [8, с.320].

Дискуссия между этими подходами, именуемыми «традиционным» и «модернистским», возникшая в 50-е годы XX века в США, вновь стала актуальной в начале XXI века в КНР. В Китае традиционный подход имеет глубокие исторические корни, уходящие в эпоху Весны и Осени и Воюющих царств, когда закладывались основы китайской философской мысли [9, с.188]. С учетом вышеизложенного, представляется целесообразным сосредоточиться на двух взаимосвязанных задачах: определить соотношение понятий «система международных отношений» и «мировой порядок»; выявить системные характеристики мировых порядков, что позволит определить их количество, механизмы смены и качественные различия. Формирование теории мирового порядка в англо-американской политической науке стало результатом развития системного подхода к анализу международных отношений. Британский историк и один из основоположников политического реализма Эдвард Халлетт Карр одним из первых поставил вопрос о сохранении стабильности в условиях

неизбежного, по его мнению, перехода от одной конфигурации баланса сил к другой, то есть от одного мирового порядка к другому [10, p.25].

Тем самым он предвосхитил две ключевые проблемы исследования мировых порядков. Первая заключается в трактовке мирового порядка как отражения конфигурации сил между ведущими государствами в конкретный исторический период. Вторая рассматривает мировой порядок как устойчивость межгосударственных отношений в рамках определенной исторической эпохи. К середине XX века сформировалась школа политического реализма, однако она столкнулась с концептуальными сложностями. Так, американский политолог Ганс Моргентау утверждал, что его теория национального интереса применима исключительно к взаимодействию национальных государств, возникших после Вестфальского мира (1648) [11, p.4].

Он особо подчеркивал «анархический» характер международных отношений, где государства руководствуются исключительно собственными интересами, а ключевым регулятором международной политики выступает сила [12, p.341]. Реализм как одна из ведущих теоретических парадигм международных отношений прошёл эволюцию от классического реализма Фукидида к модернистскому реализму XX века и далее к структурному реализму (неореализму) Кеннета Уолтца. Однако анализ реалистической традиции требует не только исторической периодизации, но и системного рассмотрения её внутренних концептуальных различий и взаимосвязей с другими направлениями теории международных отношений [13, 136 б.]. При этом вопросы о необходимости подобной системы и о том, кто должен разрабатывать и внедрять такие нормы, Уолтц оставлял вне рамок своего анализа, не уточняя, на каких основаниях мировые государства должны следовать единому законодательному порядку.

В свою очередь, британский историк Алан Джон Персиваль Тэйлор в работе «Борьба за господство в Европе» интерпретировал соперничество великих держав в период с 1848 по 1918 годы как функционирование специфической международно-политической системы [52, с.120]. Данное исследование во многом предвосхитило ключевые положения неореализма, которые в последующем развил Уолтц, акцентируя внимание на структурных аспектах международных отношений и динамике баланса сил. Методы в исследованиях международных отношений представляют собой не только описательные и аналитические подходы, включая качественные и количественные методы, но прежде всего отражают взаимосвязь субъекта исследования с внешней средой. Значительный вклад в реалистическую традицию внесли как западные, так и китайские исследователи. В частности, Янь Сюэтуан подчеркивает, что национальные интересы и государственная мощь являются ключевыми факторами внешнеполитического поведения государств [53, p.328].

Эта логика структурных изменений международной системы проявляется и на региональном уровне. В 1996 году первым демократически избранным президентом Тайваня стал Ли Дэньхуэй, а в 2000 году к власти пришел Чэнь

Шуйбянь, представитель Демократической Прогрессивной партии, что привело к резкому охлаждению отношений между Тайбэем и Пекином и фактическому прекращению политического диалога [54, p.16]. Современные китайские исследователи также отмечают, что американо-китайские отношения вступили в фазу сочетания конкуренции и ограниченного сотрудничества, требующую новых механизмов взаимодействия [55, p.2].

Для понимания современных процессов стратегического соперничества также важное значение имеют исторические исследования борьбы великих держав. Так, А. Дж. П. Тэйлор в своей работе о борьбе за господство в Европе показал, что изменения в соотношении сил между ведущими государствами нередко становятся источником международной напряженности и конфликтов [56, с.644]. Данный вывод сохраняет актуальность при анализе современных отношений между США и Китаем.

Как отмечает Ван Ичжоу, методологическое самосознание китайских ученых в области международных отношений проявилось слишком поздно, лишь в период с 1995 по 2005 годы, когда вопросы методологии и нормативного письма, дифференциации научных инструментов и их применения, а также противостояния и слияния различных научных школ, таких как сциентизм и гуманизм, стали центральными в китайском дискурсе. В это время в таких университетах, как Цинхай и Нанькай, была введена дисциплина «Методология международных отношений» [57, p.12].

В рамках данного подхода политические системы рассматриваются как совокупность множества взаимосвязанных элементов (подсистем), взаимодействие которых приводит к формированию новых свойств, отсутствующих на уровне отдельных подсистем. Первая современная коллективная монография, посвященная аналитическим подходам в исследованиях международных отношений Китая (на примере китайско-американских отношений), была издана в честь 30-летия дипломатических отношений между этими странами и стала итогом научной конференции, проведенной в Пекине в 2009 году [58, p.16]. Значимость применения различных «подходов» в исследовательской практике подтверждается также предстоящей международной конференцией по данной теме, которая состоится в сентябре 2019 года под эгидой Европейской ассоциации международных исследований [9, с.191]. В концепции американо-канадского политолога Дэвида Истона политическая система характеризуется постоянной динамикой и непрерывным функционированием, обусловленным её внутренней структурой [14, с.45].

Развитие системного подхода в исследовании международных отношений получило дальнейшее развитие в трудах американского политолога Мортона Каплана, который предложил типологию международных систем на основе конфигурации центров силы. В его классификации выделяются шесть основных типов международных систем: система баланса сил (balance of power system), гибкая биполярная система (loose bipolar system), жёсткая биполярная система (tight bipolar system), универсальная система (universal international system), иерархическая система (hierarchical international system) и система с единичным

правом вето (*unit veto international system*) [15, p.20]. Попытка экстраполяции классификации М. Каплана на всю известную историю межгосударственных отношений начиная с конца IV тысячелетия до н. э. сталкивалась с методологическими проблемами, поскольку в таком случае стиралась специфика взаимодействий между национальными государствами Нового времени, приравнивая их к международным системам Древнего Востока, Античности и Средневековья.

В связи с этим в 1960-х годах американский политолог Дэвид Сингер предложил концептуальный подход к анализу международных отношений, который акцентировал внимание на национальном государстве как ключевом субъекте международной системы [16, p. 22]. В его модели выделялись три уровня анализа: глобальная система международных отношений, национальное государство и элитные группы, формирующие внешнюю политику конкретной страны. Развитие данных моделей закономерно привело исследователей к выводу о необходимости пространственно-временной локализации системы национальных государств, то есть её включения в исторический контекст. Основой для будущей теории Вестфальской системы стали идеи американского юриста Лео Гросса, который в 1948 году проанализировал Вестфальский мир 1648 года как комплекс международных соглашений, заложивших основы системы национальных государств [59, p. 30]. В этом же году следующий шаг в развитии данной концепции сделал американский исследователь Ганс Моргентау, изложивший в работе «Политические отношения между народами» ключевые принципы политического реализма, связанные с функционированием международной системы [11, p. 15].

Согласно концепции Лео Гросса, Вестфальский мир 1648 года заложил основу современной системы международных отношений, сделав национальное государство её краеугольным элементом [59, p.32]. Развитие этой идеи получило дальнейшее подтверждение в работах Ганса Моргентау, который в своей фундаментальной работе «Политические отношения между народами» обосновал ключевые принципы политического реализма и подчеркнул центральную роль государств в международной системе [11, p.17].

Окончательное закрепление данных теоретических построений произошло благодаря трудам американского политика и учёного Генри Киссинджера. В своих исследованиях он ввёл в научный оборот два ключевых понятия для анализа международных отношений: Вестфальская система («Вестфалия») и международный порядок. По мнению Киссинджера, становление современной системы международных отношений, в которой ведущую роль играют национальные государства, было непосредственно связано с завершением Тридцатилетней войны и подписанием Вестфальского мира 1648 года.

Мир-системный анализ И. Валлерстайн рассматривает международные отношения в долгосрочной перспективе глобальной капиталистической системы. Трансформация здесь объясняется сменой циклов накопления капитала и смещением ядра мировой экономики. С этой точки зрения, современный кризис либерального порядка и усиление роли Китая интерпретируются как

закономерный этап переформатирования мировой экономики и постепенного смещения «центра тяжести» от Атлантики к Азии. Особое значение в условиях XXI века приобретает геоэкономический подход Э. Люттвак, который акцентирует внимание на роли торгово-экономических и технологических инструментов в глобальном соперничестве.

В отличие от классического геополитического анализа, геоэкономика подчеркивает, что в условиях взаимозависимости государства прибегают к инструментам санкций, тарифов, контроля за цепочками поставок и технологического сдерживания как к функциональным аналогам военной силы. В этом контексте торгово-экономические войны США и КНР выступают не исключением, а системным проявлением новой логики конкуренции. Таким образом, анализ показывает, что трансформация мирового порядка не сводится к единому сценарию, а интерпретируется по-разному в зависимости от теоретической парадигмы. Визуализировать эти различия позволяет, в которой представлены ключевые школы международных отношений, их основные представители, базовые идеи и интерпретация трансформации мирового порядка.

В таблице 1 представлен сравнительный анализ основных теоретических подходов к интерпретации трансформации современного мирового порядка. Таблица систематизирует ключевые школы международных отношений, их ведущих представителей, базовые концептуальные положения и объяснительные модели изменения глобальной структуры власти.

Сравнительный формат позволяет выявить различия в понимании природы международной системы, источников глобальных изменений и механизмов перераспределения силы. Реалистические концепции акцентируют внимание на балансе сил и смене гегемонов как ключевых факторах трансформации. Либеральные и неолиберальные подходы рассматривают институциональные механизмы и взаимозависимость как основу эволюции мирового порядка. Конструктивистские и критические школы подчеркивают роль норм, идентичностей и структур власти, а мир-системный и постколониальный анализы фокусируются на неравномерности развития и перераспределении центра глобальной экономики. Геоэкономический подход выделяет экономические инструменты как главный механизм современной стратегической конкуренции.

Таблица 1 - Подходы к трансформации мирового порядка

Теория	Основные представители	Ключевые идеи	Интерпретация трансформации мирового порядка
1	2	3	4
Классический реализм	Г. Моргантау	Борьба за власть, человеческая природа	Трансформация = смена гегемона,

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4
		как источник конфликтов, баланс сил	перераспределение силы через войны и конфликты
Неореализм (структурный реализм)	К. Уолтц, Дж. Миршаймер	Международная анархия, распределение мощи определяет поведение государств	Трансформация = изменение структуры системы (от биполярности → к однополярности → к многополярности)
Либерализм	Р. Кеохэйн, Дж. Най	Роль международных институтов, демократический мир, «комплексная взаимозависимость»	Переход к многополярности с институциональными ограничениями и кооперацией
Неолиберальный институционализм	Р. Кеохэйн	Институты снижают издержки взаимодействия, создают «правила игры»	Трансформация = усиление роли глобальных институтов (ООН, ВТО, G20, ЕС)
Конструктивизм	А. Вендт, Э. Адлер	Идеи, идентичности, нормы определяют поведение государств	Трансформация = смена норм и парадигм (напр., от холодной войны к конкуренции «либерализм-авторитаризм»)
Критическая теория / школа Копенгагена	Р. Кокс, Х. Бузан	Международные отношения как выражение глобальных структур власти; акцент на безопасность в разных измерениях	Трансформация = разрушение старых структур доминирования и формирование новых через социальные движения, регионализацию
Постколониальные подходы	Э. Саид, А. Мбембе	Наследие колониализма, культурное и экономическое неравенство	Трансформация = борьба за деколонизацию мирового порядка, усиление «Глобального Юга»
Мир-системный анализ (глобализм)	И. Валлерстайн	Центр-периферия, циклы накопления капитала, смена гегемонов	Трансформация = смещение ядра мир-системы (напр., от Атлантики к Азии)
Геоэкономика	Э. Люттвак	Экономика как продолжение геополитики; конкуренция через технологии и финансы	Трансформация = «экономические войны» (санкции, торговые войны, контроль над технологиями и ресурсами)

Таким образом, таблица выполняет аналитическую функцию обобщения теоретико-методологических оснований исследования и демонстрирует, что трансформация мирового порядка интерпретируется в научной литературе через различные парадигмальные оптики - от структурно-силовой до нормативно-идеационной и геоэкономической. Это позволяет обосновать выбор авторской исследовательской позиции и определить ее место в существующем теоретическом поле.

Этот мирный договор, по его оценке, не только зафиксировал новую модель межгосударственного взаимодействия, но и заложил долгосрочные принципы суверенитета, баланса сил и дипломатического регулирования, которые сохраняют своё значение и в XXI веке. «Этот мир опирается на сосуществование независимых государств, которые воздерживаются от вмешательства во внутренние дела друг друга и сопоставляют собственные амбиции и амбиции прочих с принципом общего равновесия власти» [17, с.50]. С середины XVII века и до настоящего времени Вестфальская система национальных государств остаётся основополагающей структурой международных отношений, распространяясь из Европы на глобальный уровень [60, с.12].

Генри Киссинджер не дал однозначного определения понятию «порядок», но обозначил его два ключевых компонента: совокупность общепринятых норм, регулирующих пределы допустимых действий, и баланс сил, необходимый для сдерживания нарушителей установленных правил. При этом он подчёркивал, что фундаментальной основой международного порядка является его легитимность, то есть признание ведущими государствами установленных норм как законных и приемлемых. Киссинджер выделял три уровня анализа международного порядка [17, с.54]: мировой порядок - состояние конкретного региона или цивилизации, характеризующееся наличием комплекса договорённостей и распределением власти, которое воспринимается как часть глобальной системы; международный порядок - реализация этой системы взглядов на значительном пространстве, достаточном для формирования универсальных правил взаимодействия между государствами; региональный порядок - адаптация ключевых принципов мирового порядка к конкретному региональному контексту.

После Киссинджера исследования концепций «система» и «порядок» в западной, особенно американской, политической науке пошли разными путями. В результате этого разделения сформировались два автономных исследовательских направления, каждое из которых сосредоточено на изучении отдельных аспектов теории международных порядков.

Одна группа исследователей, следуя подходу Кеннета Уолтца, сосредоточилась на абстрактном моделировании международно-политической структуры, исключая исторический контекст. Согласно Уолтцу, в основе любой международной системы лежат нормы, первоначально установленные великими державами, а также созданные на их основе институты, которые со временем приобрели автономность и начали определять параметры поведения всех

государств, включая сами великие державы [13, с.25]. В этих условиях государства вынуждены выстраивать внешнюю политику в соответствии с установленными правилами, что объективно ограничивает их свободу стратегического манёвра. В этом контексте Уолтц выделял два ключевых фактора, определяющих внешнеполитическую стратегию государства: его мотивацию и структурное положение в международной системе [13, с.31]. Другая группа международников сосредоточилась на нормативных аспектах формирования международного порядка.

Существенный вклад в это направление внесли работы Хэдли Булла, который предложил концептуальное разделение между международной системой и международным обществом [18, р.62]. Под международной системой он понимал совокупность всех государств мира, в то время как международное общество включало государства, которые не только взаимодействуют друг с другом, но и формируют общепризнанный кодекс поведения, являющийся основой будущего мирового порядка. В этом контексте Булл трактовал международный порядок как «состояние или курс внешней активности, который обеспечивает неприкосновенность тех целей, являющихся для международного сообщества одновременно элементарно необходимыми, жизненно важными и общими для всех его членов» [18, р.67].

Мировой порядок, согласно концепции Хэдли Булла, представлялся как потенциальный глобальный порядок, основанный на общемировом кодексе поведения, сформированном международным сообществом. В его теоретической модели иерархия целей мирового порядка включала следующие ключевые аспекты: сохранение самой системы международных отношений и сообщества государств, управляющих ею; обеспечение независимости и суверенитета каждого государства; поддержание мира, трактуемого как условие, при котором войны допускаются лишь в исключительных случаях и в рамках принципов, признанных международным сообществом; существование и функционирование универсальных норм, регулирующих всю социально-политическую сферу» [18, р.72]. Дискуссия о структурных характеристиках мирового порядка со временем дополнилась анализом его нормативных основ.

В начале 1980-х годов американский политолог-неореалист Роберт Гилпин утверждал, что устойчивость международной системы зависит от способности ведущих держав-гарантов контролировать поведение других акторов международных отношений [19, р.34]. В свою очередь, американский исследователь Линн Миллер рассматривал нормативные аспекты мирового порядка через призму разрешительных норм, обеспечивающих суверенным государствам право на совершение определённых действий в рамках установленных правил [61, р. 9].

Однако британский политолог Роберт Купер предлагал альтернативный взгляд, акцентируя внимание на запретительных нормах, ограничивающих свободу действий государств и тем самым формирующих параметры допустимого поведения в международной системе [62, р.4]. Как отмечает Лю Мин, в центре внешнеполитического анализа китайских экспертов в области

международных отношений остаются следующие проблемы: сила (权力) - 23%, безопасность (安全) - 23%, международные механизмы (国际机制) - 17%, сотрудничество (合作) - 12%, международная мораль (国际伦理) - 8%, культура (文化) - 8%, союзы (联盟) - 6% и права человека (人权) - 3%. В отношении приоритетности исследовательских парадигм в работах китайских теоретиков, согласно расчетам Лю Мина, распределение выглядит следующим образом: международная политическая экономия (国际政治经济学) - 20%, геополитика (地缘政学) - 18%, реализм (现实主义) - 16%, либерализм (自由主义) - 10%, конструктивизм (建构主义) - 10%, марксизм (马克思主义) - 7%, феминизм (女性注意) - 6%, английская школа (英国学派) - 6%, международная политическая психология (国际政治心理学) - 4%, эклектизм (折中主义) - 2% и нормативные теории (规范理论) - 1%. [63, p.23]. Основой мирового порядка, по мнению ряда исследователей, являются гарантии определённого типа стабильности и нормы, регулирующие функционирование международной системы, обеспечивая её устойчивость и свободу.

Исторические исследования в данной области заметно отставали от развития политической теории систем. Попытки проанализировать взаимодействие великих держав через призму конкретных «систем» ограничивались изучением отдельных временных периодов, не выходя на уровень концептуальных обобщений о природе мирового порядка [64, p. 103]. Историко-политическая литература, посвящённая международным отношениям XX века, сосредотачивалась преимущественно либо на соперничестве великих держав, либо на юридических основах мирового порядка, сформировавшихся в результате мировых войн. В этом контексте закономерно, что среди американских исследователей не сложилось единого мнения относительно количества мировых порядков в рамках Вестфальской системы. Так, Г. Киссинджер выделял Вестфальские, Венские, Версальские и Ялтинские «правила», тогда как Л. Миллер рассматривал Вестфальский и Вильсонский порядки, а политолог Ричард Хаас предлагал трёхступенчатую модель, включающую Вестфальский порядок (до окончания Первой мировой войны), межвоенный порядок и Ялтинский порядок [20, p.32].

В свою очередь, британский исследователь Джордж Лоусон не делил мировые порядки на отдельные этапы, утверждая в достаточно общей форме, что Вестфальская система эволюционировала в современный мировой порядок [65. p.53]. С середины 1990-х годов в теории мирового порядка утвердился эклектический подход, интегрирующий элементы неореализма и неолиберализма. Его основой стала концепция американского неореалиста Джона Миршаймера, определявшего мировой порядок как «организованную группу международных институтов, которые помогают регулировать взаимодействие между государствами, участвующими в их деятельности» [21, p.12].

Американский политолог Джон Айкенберри трактовал это понятие как «система общепризнанных норм и принципов, которыми должны

руководствоваться субъекты международных отношений при взаимодействии друг с другом» [22, р.33]. Другой американский исследователь конструктивистского направления, Майкл Барнетт, и вовсе считал, что международный порядок представляет собой «модель взаимоотношений и действий, которые вытекают из правил, институтов, законов и норм, а также поддерживаются ими» [23, р.15]. В трактовке Дж. Айкенберри конкретная политика отходит на второй план, уступая место нормативным моделям взаимодействия, установленным ведущими державами.

В результате мировой порядок лишается пространственно-временного контекста, превращаясь из международно-политической категории в социологическую конструкцию. Однако наиболее значительный вклад в этот сдвиг внесли не Уолтц и Айкенберри, а представители так называемой английской школы. Продолжая традиции Х. Булла, британские исследователи сосредоточились на анализе норм и правил, институционализированных в рамках международной системы. Они выделили ключевые принципы, регулирующие конфликты и войны, определяющие параметры суверенитета и устанавливающие критерии легитимности участников мирового порядка [66 р.121]. Современные британские исследователи Кайл Ласкуреттс и Майкл Познански предложили типологию мировых порядков, выделяя четыре модели в зависимости от характера поведения субъектов: централизованный, гегемонистский, децентрализованный и переговорный. Однако часть этих моделей носит гипотетический характер [67], так как, например, в истории пока не существовало переговорных порядков, полностью исключающих применение силы.

Со временем британский нормативизм начал доминировать над структурным анализом в американской академической традиции. Крупный представитель конструктивизма Марта Финнемор подчёркивала, что ключевым фактором мирового порядка является его легитимность, трактуемая как нормативное представление о приемлемости и желательности действий политических элит [24, р.64]. Такой подход подразумевает наличие карательного механизма и державы-гаранта, обладающей достаточной мощностью для принуждения субъектов к соблюдению установленных норм. Исследователи Дэвид Лейк, Лиза Мартин и Томас Риссе определяют мировой порядок как «упорядоченные или структурированные отношения между элементами системы» [26, р.226].

В результате он трансформируется из аналитической в нормативную категорию, что смещает акцент с вопроса «как функционирует мировой порядок?» на «как он должен функционировать?» большинство этих концепций ориентированы исключительно на современную международную систему. Их основные выводы сводятся к двум положениям: однополярность является оптимальной формой порядка для обеспечения стабильности; американская гегемония должна сохраняться в долгосрочной перспективе, несмотря на отдельные неудачи США в периферийных регионах. Однако последующие

события поставили под сомнение эти утверждения, выявив три ключевые методологические проблемы.

Во-первых, современный мировой порядок рассматривается вне исторического контекста, что создаёт иллюзию его уникальности. Вопрос о его исключительности и принадлежности к Вестфальской системе игнорируется, что препятствует комплексному анализу. Во-вторых, складывается парадоксальная ситуация, в которой мировая история оказывается отсечённой 1990 годом. События после этого момента трактуются либо как политические процессы, либо как институциональные изменения, но не как часть исторического развития. Такой подход не учитывает даже естественные демографические циклы: поколение, родившееся около 1990 года, ещё не достигло политической зрелости, а потому его влияние на международные отношения остаётся неопределённым. В-третьих, данный подход исходит из предположения о необходимости управления международными процессами, что само по себе является спорным тезисом. Для ряда государств может быть более выгодным не сохранение существующего порядка, а его демонтаж и возвращение к конкурентному взаимодействию великих держав, с целью пересмотра установленных правил в свою пользу.

Таким образом, возникает концептуальный дисбаланс, при котором детализированный терминологический аппарат оказывается оторванным от историко-политического контекста. Вполне возможно, что для устранения этой диспропорции следует более чётко привязать ключевые понятия к конкретным историческим периодам, рассматривая их в рамках различных мировых порядков. Теория мирового порядка в политической науке. В академической среде стран постсоветского пространства исследования мирового порядка способствовали формированию различных научных подходов, в рамках которых особое внимание уделяется роли Соединённых Штатов в системе международных отношений. Несмотря на наличие различных интерпретаций и теоретических позиций, данная дискуссия не препятствовала развитию исследований феномена мирового порядка, однако оказывала влияние на содержание и характер научных дебатов среди специалистов по международным отношениям. Либеральный подход, тесно связанный с научными традициями Института США и Канады (ИСК) РАН, акцентировал внимание на глобализационных процессах и формирующейся, по мнению его сторонников, мировом целостности. Эта концепция предполагала восприятие англосаксонских теорий либерального порядка как универсальных. В данном контексте наблюдался синтез западного либерализма и позднесоветской версии марксистского анализа международных отношений. Американист Ю. П. Давыдов одним из первых в российской науке попытался интерпретировать понятие мирового порядка, рассматривая его через призму «состояние системы международных отношений, соответствующим образом запрограммированное на её безопасность, стабильность и развитие и регулируемое на основе критериев, отвечающих нынешним потребностям прежде всего самых влиятельных субъектов данного мирового сообщества» [28, с.40].

Российские исследователи, работающие в либеральной парадигме, рассматривали иерархичность мирового порядка как естественный процесс, обусловленный необходимостью регулирования и устойчивого развития на основе либеральных принципов. Так, Ю. П. Давыдов интерпретировал данный феномен в терминах упорядоченного взаимодействия между субъектами мировой политики, в котором ключевую роль играют институты, формирующие глобальные правила игры. Сходный подход демонстрировал Э. Я. Баталов, который трактовал мировой порядок как интегральную категорию, отражающую совокупность социальных, политических и международных измерений системы отношений на каждом этапе общественного развития [27, с.26].

По его мнению, любой порядок должен быть ориентирован на благо общества, что сближало его взгляды с либеральной англосаксонской традицией. Баталов позитивно оценивал идеи Хэдли Булла, отмечая их гуманистическую направленность: «Гуманистический настрой англо-американского теоретика заслуживает всяческой поддержки» [27, с.32]. Скептицизм в отношении концепции многополярности был характерен для многих представителей либерального направления в российской политической науке. В. М. Кулагин утверждал, что попытки возродить реалполитик XIX века противоречат современным международным реалиям, а многополярный мир, сконструированный по лекалам этого периода, окажется нестабильным [68, с.82].

Ещё более критичную позицию занимал В. Л. Иноземцев, который подчеркивал, что исторический опыт Европы свидетельствует о неизбежном переходе многополярных систем к более устойчивым биполярным структурам через конфликты и войны. Президент Института стратегических оценок А. А. Коновалов выразил ещё более категоричное мнение, утверждая, что стремление к многополярности в современных условиях представляет собой «прыжок в XIX век», когда каждое государство действовало исключительно в собственных интересах, что в условиях глобализации является неприемлемым. Однако вопрос о том, для кого именно такая модель международного устройства является неприемлемой и кто определяет границы допустимого, в данных рассуждениях оставался за рамками дискуссии. Критическое отношение к многополярному миру проявлял и научный руководитель Российского совета по международным делам (РСМД) А. В. КОРТУНОВ.

В своей программной статье «Почему мир не становится однополярным?» он отмечал, что современные российские концепции многополярности часто маскируют старую биполярную логику, коренящуюся в советском менталитете. В этом отношении его аргументация во многом перекликалась с тезисами бывшего госсекретаря США Кондолизы Райс, которая ещё в 2003 году утверждала, что однополярный мир при условии защиты ценностей «свободы и справедливости» является наилучшей формой глобального порядка [69, с.75]. Сторонники формально-нейтрального подхода стремились анализировать мировой порядок как объективно существующую структуру в международных отношениях, избегая избыточной ценностной интерпретации. Их взгляды во

многим основывались на системном подходе Кеннета Уолтца, который рассматривал мировой порядок как взаимодействие элементов внутри системы.

В российской академической среде подобную методологию развивал профессор МГИМО М. А. Хрусталёв [70, с.119]. Его концепция предполагала синтез философской теории познания, системного анализа и теории международных отношений для построения формализованной модели системы международных отношений. Однако, несмотря на стремление к объективности, Хрусталёв подчеркивал доминирующее влияние американской политической науки, отмечая, что «американские политологические работы “задают сетку научных координат” исследователям всего мира.

В этом их преимущество. Непрерывный поток публикаций нацелен на поддержание этой сетки, воспроизводство функционирующей картины мира, которую они построили, а мы усваиваем» [29, с.12]. Такой подход, ориентированный на определённую трактовку либеральных ценностей, был охарактеризован П. А. Цыганковым и А. П. Цыганковым как «просвещённое державничество» [71, с.176], что само по себе подразумевает существование альтернативных, менее «просвещённых» форм державничества. Отделение категории порядка от её конкретно-исторического содержания привело к теоретическим дебатам о различиях между «мировым» (world) и «международным» (international) порядком. В реалистической традиции, начиная с Ганса Моргентау и Кеннета Уолтца, порядок трактовался как объективное состояние международных отношений в определённый исторический момент.

Однако с 1970-х годов представители либеральной школы подвергли этот подход критике. Основываясь на теории Хэдди Булла [72, с.109], они утверждали, что мировой порядок может быть построен только в том случае, если все международные отношения будут основаны на едином правовом пространстве, в котором ключевые акторы (США и их ближайшие союзники) согласовывают свои интересы на базе международно-правовых норм и институтов. Тем не менее, все исторические международные порядки имели глобальный охват. Вестфальская система была распространена за пределы Европы благодаря колониальной экспансии европейских держав, охватывая Северную и Южную Америку, Южную и Юго-Восточную Азию, Австралию и приантарктические территории. Венская система интегрировала Центральную и Восточную Азию (включая русско-британское соперничество в «Большой игре»), Западное полушарие (через взаимодействие европейских держав с США и Латинской Америкой), Африку и Океанию. Версальско-Вашингтонский порядок, возникший после Первой мировой войны, впервые предложил единые правовые рамки для всех суверенных государств посредством Лиги Наций.

1.2 Концептуальные и методологические основания анализа взаимоотношений США и Китая в условиях глобальных трансформаций

Вопрос об оценке американской политики в отношении Китайской Народной Республики КНР через призму рационалистической эпистемологии

требует анализа взаимодействия между теоретическими подходами в изучении международных отношений и реальной политической практикой. Американская политика в отношении Китая традиционно рассматривается как сложная и многогранная, включая элементы стратегической конкуренции, экономической взаимозависимости и дипломатического взаимодействия [56, p.123]. Рационалистическая эпистемология, как подход в изучении международных отношений, фокусируется на логике, разумных интересах и стратегических расчетах государств. США заинтересованы в поддержании своей экономической мощи и лидерства в мировой экономике, что требует учета Китая как важного экономического партнера и конкурента. Стратегия США относительно Китая включает как элементы сотрудничества, например, в области торговли и технологий, так и меры, направленные на ограничение роста Китая в ключевых областях, например, через торговые пошлины, санкции, ограничения на технологии [73, p.42]. Эксперты из США признают достижения Китая в модернизации промышленности, развитии инфраструктуры, а также переходе от аграрной экономики к высокотехнологичной. Однако существует также обеспокоенность относительно финансовых рисков, таких как высокая задолженность в корпоративном секторе и проблемы с нерешёнными социальными и экологическими вопросами. Социальное неравенство и рост разрыва между богатыми и бедными регионами остаются важными темами для американских экспертов.

Ожидается, что Китай столкнётся с необходимостью решения этих проблем, если он намерен сохранять социальную стабильность в будущем. Также существуют вопросы в сфере экологии, где китайская модель экономического роста подвергается критике за экологические последствия. Китай активно инвестирует в развитие технологий и инновации, став мировым лидером в области высоких технологий, таких как искусственный интеллект, робототехника. Американские эксперты оценивают это как потенциальную угрозу для технологического превосходства США, особенно в свете усиления конкуренции между двумя странами в области технологий и экономических связей [56, p.126]. В ответ на демографические вызовы, такие как старение населения и снижение рождаемости, Китай предпринимает меры, направленные на стимулирование роста населения и адаптацию к новым экономическим условиям. Однако в целом, китайская модель управления - с её централизованным подходом и ограничением политической свободы - вызывает критику со стороны западных наблюдателей. Американские эксперты в целом признают значительный прогресс Китая, однако в Пекине рассчитывают, что Вашингтон пересмотрит свою стратегию взаимодействия с КНР.

В экспертном сообществе существует мнение, что основная угроза, которую Китай представляет для США, связана не с военным потенциалом, а с его уникальной экономической моделью. Современная мировая экономика функционирует в рамках системы свободной конвертации валют и торгового регулирования, находящейся под значительным влиянием США. В противовес этому Китай предложил альтернативную концепцию - инициативу «Один пояс -

один путь», которая выходит далеко за рамки логистики и инфраструктурных проектов [56, p.131]. Эта модель предполагает создание новых механизмов финансовых расчетов, широкое использование неконвертируемых валют и переход на взаиморасчёты в национальных валютах, что ставит под вопрос устойчивость существующей экономической системы, контролируемой Вашингтоном. Именно эти аспекты, а не только конкуренция в сфере технологий и торговли, являются ключевыми факторами, вызывающими обеспокоенность США в отношении Китая.

В Вашингтоне осознают, что если Китай сумеет реализовать данную стратегию в полном объёме в течение ближайших 10-15 лет, то США утратят значительную часть своих рычагов глобального экономического влияния. Однако вряд ли Китай сумеет полностью вытеснить США из мировой торговой системы. Пекин выстроил свою стратегию влияния, исходя из логики не интеграции в американскую модель, а создания альтернативного экономического порядка. Основными элементами этого подхода являются формирование коалиции государств, использование национальных валют во взаимных расчетах, снижение зависимости от долларовой резервной системы, устранение тарифных и нетарифных барьеров, а также обеспечение открытого доступа к глобальным ресурсам [56, p.134]. Однако ключевым элементом долгосрочного успеха китайской стратегии становится не просто товарное доминирование, а технологическое лидерство.

Резкое ухудшение американо-китайских отношений на различных уровнях подтвердилось отменой визита министра обороны США Джеймса Мэттиса в Китай, который должен был состояться в октябре 2018 года. Согласно заявлениям анонимных чиновников Вашингтона, Пекин отказался принимать главу Пентагона. Это стало продолжением дипломатической напряжённости, вызванной ростом торговых тарифов на китайский импорт, введением санкций против китайских военных за приобретение вооружений у России и обвинениями в адрес Китая во вмешательстве в выборы в Конгресс США.

В основе стратегического противодействия Китаю со стороны США, несмотря на продолжающееся экономическое сотрудничество, лежат опасения по поводу его растущей конкурентоспособности. Это находит отражение в различных теоретических конструкциях, имеющих антикитайскую направленность, таких как концепции «Китайской угрозы» и «Пекинского консенсуса». Первая исходит из предпосылки, что усиление Китая представляет угрозу для рыночных демократий, так как страна продолжает функционировать в рамках недемократической модели управления [73, p.44]. Экологический вариант этой теории акцентирует внимание на том, что экономический рост Китая сопровождается гигантским потреблением энергетических и природных ресурсов, что ведёт к разрушению глобальной экосистемы. По некоторым оценкам, экологические проблемы обходятся Китаю в сумму, эквивалентную до 15% его ВВП.

Китайско-американские отношения по-прежнему отягощены давними противоречиями, среди которых наибольшую остроту сохраняет тайваньский

вопрос. Пекин рассматривает его как ключевое препятствие для развития стратегических отношений с Вашингтоном. Хотя США официально признают принцип «одного Китая», китайская сторона выражает недовольство продолжающимся военным сотрудничеством Вашингтона с Тайбэем и регулярными политическими контактами на высоком уровне, которые Пекин считает неприемлемыми.

Именно в среде тайваньских исследователей возникла концепция «Пекинского консенсуса», суть которой заключается в утверждении, что Китай предлагает миру собственную модель рыночного развития, исключая демократические свободы, и намерен продвигать этот подход как альтернативный путь для стран, находящихся на этапе экономического роста. В ответ на эту точку зрения Пекин выдвинул концепцию «мирного возвышения Китая», направленную на доказательство того, что его развитие и активная международная политика не представляют угрозы для мировой стабильности и не подразумевают распространения китайской модели в качестве универсального образца.

Несмотря на то, что Китай занял ведущие позиции в сфере глобальной торгово-экономической конкуренции, его военно-стратегический потенциал значительно уступает возможностям США. Более того, он уступает ряду других ведущих военных держав мира [73, p.65]. Согласно экспертным оценкам, в случае масштабного военного конфликта способность Китая эффективно оборонять собственную территорию вызывает сомнения. Ограничения стратегического характера также обусловлены объективными географическими факторами: Китай имеет выход только к одному океану - Тихому, что снижает его возможности глобального военного проецирования силы.

Китайская экономика, играющая ключевую роль в обеспечении национальной безопасности и обороноспособности страны, сохраняет значительную зависимость от финансово-экономической системы США. Несмотря на многомиллиардные доходы, получаемые Пекином в результате торгового сотрудничества с Вашингтоном, его возможности по реинвестированию остаются ограниченными [56, с.139]. В частности, Китай обладает американскими долговыми обязательствами на сумму свыше 1 трлн долларов, однако их превращение в реальные активы представляет собой сложную задачу. Еще одним фактором экономической уязвимости КНР является зависимость от внешних поставок продовольствия, что делает ее чувствительной к возможным изменениям в мировой экономической системе.

Как отмечается в редакционной статье *Global Times*, принадлежащей холдингу Компартии Китая «Жэньминь жибао», конфликт неизбежен - неизвестно, кто его инициирует и когда он начнется, но Китаю следует быть к нему готовым. В «Белой книге» оборонной политики КНР также звучит утверждение о высокой вероятности военного столкновения именно с США. Согласно оценкам ведущего американского аналитического центра RAND Corporation, вероятность случайного конфликта между Вашингтоном и Пекином особенно высока в регионах пересечения стратегических интересов двух держав,

таких как Тайвань, Южно-Китайское море (включая Филиппины и Бруней), а также Корейский полуостров [30, с.152]. Обострение ситуации на Корейском полуострове в 2017 году продемонстрировало осторожный, но принципиальный подход Китая: Пекин дал понять Вашингтону, что готов жестко реагировать на экономическое и военное давление со стороны США.

Аналитики отмечают, что Китай осознанно готовился к сценарию торгового конфликта с Соединенными Штатами и их союзниками. В последние годы в стране проводилась стратегическая кампания, получившая неофициальное название «Кризис в Китае», целью которой было формирование общественного восприятия возможного кризиса и создание условий для искусственного ограничения внутреннего потребления.

Согласно сообщениям СМИ, данная политика привела к образованию значительного объема отложенного спроса, который в случае введения жестких экономических санкций и ограничения доступа на американский рынок может быть «разморожен» для смягчения негативных последствий. В то же время потенциальное сокращение торговых связей с Пекином может привести к серьезным экономическим издержкам для США, особенно для американских корпораций, активно инвестировавших в китайскую экономику.

Кроме того, с ноября 2015 года в Китае осуществляется масштабная реформа Народно-освободительной армии Китая (НОАК), инициированная председателем КНР Си Цзиньпином. Она охватывает ключевые звенья системы стратегического управления в оборонной сфере, а также государственную безопасность в целом [30, с.156]. Данный процесс тесно связан с концепцией «социализма с китайской спецификой» и направлен на дальнейшее укрепление руководящей роли Коммунистической партии Китая (КПК) во всех аспектах общественной и политической жизни страны.

Таким образом, между Китаем и США формируются уникальные отношения, не имевшие аналогов ранее. Во многом это обусловлено фактором президента Дональда Трампа, который ввел стиль переговоров, характеризующийся выдвиганием жестких и громких требований. Эксперты отмечают, что у китайского руководства складывается мнение о том, что попытки что-либо объяснить или доказывать американской стороне не имеют существенного значения [30, с.158]. Министр обороны США Джеймс Мэттис заявил на конференции по безопасности в Сингапуре в июне 2018 года, что Китай использует тактику запугивания и принуждения к уступкам своих соседей, размещая вооружения и войска на спорных островах Южно-Китайского моря (ЮКМ).

В ответ США намерены увеличить количество операций «в защиту свободы судоходства». Ассортимент вооружений, размещаемых Китаем в ЮКМ, включает противокорабельные ракеты, ракеты класса «земля-воздух», а также электронные глушители. Недавние учения на острове Вуди (Парасельские острова), во время которых приземлились два китайских тяжелых бомбардировщика, стали ярким примером усиливающегося военного присутствия Китая в регионе. В последней Белой книге по обороне КНР впервые

официально заявлено, что США и Япония представляют собой факторы, способствующие дестабилизации стратегической обстановки Китая, и их политика может привести к потенциальному конфликту.

Пекин продолжает придерживаться концепции «активной обороны», ключевой принцип которой заключается в том, что Китай не инициирует военные действия, но в случае агрессии против него нанесет ответный удар. Данный подход следует рассматривать в контексте территориальных споров в Южно-Китайском море, где Пекин рассматривает ряд акваторий и островов в качестве своих «суверенных территорий». В этом свете любое иностранное военное присутствие или действия, которые могут быть интерпретированы как нарушение китайского суверенитета в данных районах, могут расцениваться руководством КНР как акт агрессии, требующий соответствующих ответных мер.

На текущем этапе Китай еще не обладает возможностью проецировать военную мощь в глобальном масштабе, сопоставимом с Соединёнными Штатами. Однако Пекин способен оспаривать американское военное доминирование в критически значимых регионах - прежде всего в акваториях, прилегающих к Тайваню, а также в Южно-Китайском море [74, p.103]. Это свидетельствует о том, что значительная часть Тихоокеанского региона, которая после Второй мировой войны находилась под безусловным контролем США, вновь превращается в арену стратегического соперничества.

Следует отметить, что для эффективного функционирования систем дальнодействующего вооружения Китай должен развивать соответствующую инфраструктуру, прежде всего - высокотехнологичные системы разведки и целеуказания, основой которых выступают спутниковые технологии. Это, в свою очередь, предопределяет усиление конкуренции за контроль в космическом пространстве, которое становится неотъемлемым элементом глобального стратегического баланса. По мнению американских аналитиков, экономическая база, обеспечивающая возрастание могущества Китая, очевидна, и, как следствие, трансформация баланса сил в международной системе представляется неизбежной. Одним из ключевых аспектов, привлекающих внимание мирового сообщества, являются военные расходы Китая. Если бы Пекин ограничивался ролью исключительно экономической державы, ориентированной на союзнические отношения, но сохраняющей относительную военную слабость - подобно современной Германии, ситуация выглядела бы иначе. Однако Китай демонстрирует традиционные амбиции великой державы, стремясь не только к максимизации собственной безопасности по отношению к соседним странам (что, несомненно, осуществляется за их счет), но и к укреплению регионального лидерства.

КНР активно конвертирует свою экономическую мощь в военную силу, что особенно проявляется в глубокой военной реформе и модернизации НОАК. Это включает сокращение численности вооруженных сил при одновременном акценте на инструментах проецирования силы, таких как военно-морские и воздушные компоненты. Усиление военной конкуренции в регионе стало

следствием существенного изменения баланса сил в пользу Китая за последние десятилетия [74, p.104]. Политика «девяти пунктов» в Южно-Китайском море рассматривается соседними странами как проявление ревизионистских устремлений Пекина, что формирует восприятие растущей мощи Китая как угрозы.

Важно отметить, что в международных отношениях страны уравнивают не силу как таковую, а именно угрозы. В данном контексте ключевым фактором становится восприятие намерений КНР со стороны других государств. Приняв стратегическое решение инвестировать в развитие крупных военно-морских сил, включая строительство авианосцев, эсминцев и десантных вертолетоносцев, Пекин фактически обозначил свои долгосрочные амбиции в сфере глобального проецирования силы.

Дополнительно, Китай активно развивает портовую инфраструктуру вблизи Европы, а также проводит совместные военные учения с Россией, что следует рассматривать как сигнал мировому сообществу о намерениях Пекина усилить свое стратегическое влияние. Присутствие китайских военных кораблей в Средиземном море, Персидском заливе и европейских водах является частью этой стратегии. Соединенные Штаты, безусловно, рассматривают подобные шаги как вызов их длительному морскому доминированию, обеспечивающему глобальную свободу судоходства и контроль над мировыми торговыми путями. Несмотря на активную публичную дипломатию КНР, направленную на представление своих внешнеполитических устремлений как конструктивных, миролюбивых и основанных на принципах взаимной выгоды, остаётся неочевидным, воспримут ли государства средней мощности позитивно растущее влияние Китая на региональном и глобальном уровнях [74, p.106]. В условиях нарастающей стратегической неопределённости Соединённые Штаты предпринимают активные усилия по разработке и институционализации всеобъемлющей стратегии, направленной на сдерживание и адаптацию к расширяющемуся присутствию Китая в ключевых геополитических регионах.

Соединенные Штаты нацелены на подтверждение своего военного превосходства, сохранение благоприятного баланса сил в стратегически важных регионах, а также укрепление сети союзников для противодействия растущему влиянию Китая [30, с.157]. Несмотря на значительные преимущества, Вашингтон вынужден защищать обширное геополитическое пространство, что требует активного привлечения партнеров. Исход соперничества с Пекином во многом зависит от позиций ключевых региональных союзников - Японии и Южной Кореи, которые играют важную роль в сдерживании растущей военной мощи КНР.

Вместо того чтобы идти на компромиссы или адаптироваться к новым реалиям, США необходимо активно формировать новых стратегических партнеров, таких как Индия, с целью укрепления своих позиций в Индо-Тихоокеанском регионе. Однако главная слабость стратегии Вашингтона заключается в риске чрезмерного изматывания ресурсов, так как США

вынуждены одновременно реагировать на экономические вызовы со стороны Китая, России и государств-изгоев, включая Иран и Северную Корею.

Ключевой элемент китайской военной стратегии - вытеснение американских военно-морских сил за пределы первой островной цепи, что позволит КНР ослабить влияние Вашингтона в Западной части Тихого океана. Китайская экономика остается глобальным производственным хабом, который экспортирует продукцию по всему миру, импортирует сырьевые ресурсы и активно привлекает прямые иностранные инвестиции. Однако уязвимость КНР заключается в зависимости от морских коммуникаций, находящихся под патрулированием ВМС США.

Учитывая, что морские пространства региона остаются предметом острых территориальных разногласий, стратегический курс Китая направлен на обеспечение гарантированного доступа к ключевым природным ресурсам, а также на снижение уязвимости перед военно-политическим доминированием США. Долгосрочная внешнеполитическая и геэкономическая доктрина Пекина в Индо-Тихоокеанском регионе предполагает не только усиление контроля над прибрежной зоной, но и формирование альтернативной инфраструктурной архитектуры, независимой от существующих американских логистических и военных узлов [74, p.119]. В этом контексте инвестиции КНР в российские энергетические инициативы на Ямале и продвижение сухопутных коридоров в рамках концепции «Пояса и пути» выступают как элементы системного стремления к стратегической автономии. Геостратегическое соперничество между США и КНР приобретает всё более комплексный характер, включая взаимосвязь военно-морского потенциала, энергетической безопасности и инфраструктурной взаимозависимости. В условиях нарастающего соперничества Пекин, вероятно, сделает ставку на развитие ракетных вооружений, что создаст серьезные препятствия для передового базирования США в Индо-Тихоокеанском регионе. Однако Вашингтон, обладая существенным технологическим превосходством в сфере аэрокосмических технологий, может нейтрализовать этот вызов за счет передовых систем ПРО и стратегических возможностей.

С развертыванием подводных лодок стратегического назначения Китай приближается к реализации морской составляющей своей стратегии ядерного сдерживания, хотя в долгосрочной перспективе она остается весьма сложной задачей с точки зрения технологического и тактического воплощения. При этом Пекин располагает инструментами для того, чтобы создать для Вашингтона стратегическое перенапряжение [75]. В частности, одним из возможных сценариев является формирование сети военных баз за пределами Китая, что заставит США перераспределять свои ресурсы и внимание. Кроме того, КНР может использовать свое преимущество по паритету покупательной способности, чтобы нарастить обычные военно-морские силы с фокусом на наступательную огневую мощь.

Концентрируя усилия на развитии наступательных вооружений, Пекин стремится использовать структурные уязвимости американской системы

гарантий безопасности в регионе. Главная проблема Вашингтона заключается в обеспечении союзников заслуживающими доверия гарантиями, что в условиях растущей китайской мощи становится все более сложной стратегической задачей.

Ряд авторитетных экспертов настаивает на том, что современное противостояние между США и КНР выходит за рамки традиционного торгового конфликта. Речь идёт о более глубокой геополитической конфронтации, направленной на перераспределение ролей в глобальной архитектуре власти. США, по сути, инициировали наступление на ключевые параметры экономической и индустриальной модели Китая, стремясь изменить структурные основы китайской государственности и ограничить его возможности к долгосрочному лидерству. В этом контексте межличностные отношения между лидерами двух стран отходят на второй план, уступая место системному ухудшению двустороннего взаимодействия.

Так называемая «торговая война» между США и Китаем, находящаяся в центре глобального внимания, на самом деле лишена четко артикулированной цели со стороны инициатора - Соединенных Штатов. Отсутствует ясное понимание условий, при которых Вашингтон готов отказаться от протекционистских мер. Невнятность требований и отсутствие конкретных дорожных карт по выходу из конфликта подчеркивают, что возврат к прежней парадигме взаимодействия, сформировавшейся за последние десятилетия, представляется невозможным. Это подтверждают и ключевые документы внешней торговой политики США, опубликованные в 2018 году, в которых прослеживается стратегический курс на долгосрочное сдерживание Китая.

Ведущие американские аналитики предложили двенадцать пунктов стратегии, направленную на сохранение глобального лидерства США и предотвращение доминирования Китая [75]. В числе первоочередных шагов выделяются: признание системной природы вызова со стороны Китая, критический анализ его стратегий и инструментов экономического воздействия, пересмотр программ внутренней поддержки Пекина, а также повышение прозрачности собственных показателей конкурентоспособности.

Особое внимание уделяется формированию комплексной национальной стратегии устойчивого экономического развития, включающей модернизацию налогово-финансовой политики, стимулирование технологических инноваций, поддержку НИОКР в гражданском секторе, институционализацию культуры непрерывного образования, а также разработку межведомственного механизма координации усилий по усилению глобальной конкурентоспособности США. Согласно экспертному мнению, ослабление этих позиций оказывает негативное влияние не только на международное положение страны, но и на способность решать внутренние задачи, связанные с обеспечением социальной справедливости и устойчивого развития. Пятая рекомендация американских стратегов касается необходимости формирования в США консолидированной идеологической платформы по Китаю. В рамках данной инициативы предполагается создание широкой коалиции, объединяющей как

правительственные структуры, так и гражданские институты, включая правозащитные организации, активистов, выступающих за демократизацию Китая, защиту прав человека, свободу вероисповедания и поддержку тибетского движения. Целью такой коалиции является координация усилий по оказанию давления на Пекин с целью трансформации его политико-экономической модели и ограничения его экспансионистских амбиций.

Шестой шаг предполагает построение вертикальной региональной коалиции с участием государств Восточной Азии, таких как Япония, Республика Корея, Филиппины и Монголия, для создания системы коллективного сдерживания Китая, особенно в контексте его активной милитаризации Южно-Китайского моря и попыток установить контроль над ключевыми морскими коммуникациями и ресурсами [75]. Подобная архитектура региональной безопасности может стать как сдерживающим фактором, так и сигналом Пекину о последствиях его политики изоляции.

Восьмая стратегическая позиция нацелена на необходимость жесткого ответа на экономическую и киберполитику Китая. Пекин рассматривается в качестве системного источника киберугроз, включая масштабное промышленное и государственное шпионажное вмешательство. Более 90% инцидентов в сфере кибербезопасности в США, включая атаки на корпорации Google, Visa, AT&T, государственные учреждения и оборонный сектор, приписываются Китаю. Кража интеллектуальной собственности, оцениваемая экспертами в более чем \$300 млрд ежегодно, рассматривается как структурный элемент китайской стратегии технологического догоняющего развития.

Девятый пункт стратегии фокусируется на экологическом аспекте конкуренции. Пекин получает экономическое преимущество за счет пренебрежения международными экологическими стандартами, что способствует снижению издержек для китайского бизнеса и создает дисбаланс конкурентной среды [75]. Увеличение выбросов парниковых газов на сотни миллионов тонн ежегодно - наглядное проявление экологической безответственности, которую США могут использовать как рычаг внешнеполитического давления.

Хотя китайское руководство, в частности председатель Си Цзиньпин, пыталось выстроить с Вашингтоном модель «нового типа великих держав» на принципах взаимного уважения и ненасильственного сосуществования, реальность международных отношений показывает, что эта концепция де-факто была отвергнута американской стороной. Соединённые Штаты демонстрируют готовность к продолжительной политико-экономической конфронтации, направленной на стратегическое сдерживание Пекина.

Китай, в свою очередь, придерживается сдержанной тактики, не переходящей в открытую капитуляцию, однако перспективы стабилизации американо-китайских отношений на данном этапе выглядят весьма неопределёнными. Ключевыми архитекторами жёсткой антикитайской линии в Вашингтоне считаются советник по торговой политике Питер Наварро, консультант Пентагона Майкл Пиллсбери и министр торговли Уилбур Росс. Их

подход исходит из убеждения, что современный Китай утрачивает признаки традиционного государства, стремящегося к интеграции в существующий мировой порядок, и всё чаще демонстрирует намерение выступать в качестве ревизионистского игрока, претендующего на изменение основ глобального устройства и перераспределение власти в международной системе.

Политико-экономическая инициатива «Один пояс, один путь» (Belt and Road Initiative, BRI) представляет собой стратегическое проявление глобальных геополитических амбиций Китая. Помимо модернизации инфраструктурной и логистической архитектуры Евразии и расширения транспортных коридоров, данная инициатива несет в себе глубокую институциональную и валютно-финансовую составляющую, ориентированную на пересмотр архитектуры международных экономических связей и трансформацию глобальных потоков капитала. Одним из элементов этого процесса выступает активная политика Пекина по интернационализации юаня, направленная на подрыв монополии доллара США как ключевой расчетной единицы и резервной валюты в мировой финансовой системе.

При этом, несмотря на рост напряженности в Южно-Китайском море, стратегический консенсус как в Пекине, так и в Вашингтоне заключается в нежелании вступать в прямое военное противостояние. Это обусловлено не только масштабной экономической взаимозависимостью двух стран - Китай остается крупнейшим держателем американских государственных облигаций и важнейшим торговым партнером США - но и рядом иных факторов, таких как тесные энергетические и военно-стратегические связи КНР с Российской Федерацией. Кроме того, обладание Китаем ядерным арсеналом существенно повышает риски неконтролируемой эскалации конфликта, ограничивая свободу действий даже для США с их глобальными военными возможностями.

Проект «Один пояс, один путь» выступает альтернативой западным механизмам политико-экономического взаимодействия, предлагая странам региона более инклюзивную модель сотрудничества. В экспертной среде инициативу BRI часто трактуют как попытку Пекина переопределить экономико-политический ландшафт Евразии и выстроить систему многоуровневого взаимодействия на принципах суверенного равенства, открытости и невмешательства во внутренние дела [75]. Китайская внешняя политика в регионе предполагает создание благоприятной геоэкономической среды, снижение зависимости от военно-политических структур, в которых доминирует США, и формирование новой нормативной базы международного взаимодействия, альтернативной западноцентричной модели.

Американская стратегия в Азиатско-Тихоокеанском регионе на фоне усиления позиций Китая, скорее, направлена на сдерживание роста мощи Пекина, чем на укрепление собственной региональной гегемонии. Анализ природы конфликта интересов между двумя державами указывает на то, что несмотря на впечатляющие темпы экономического роста КНР, укрепление ее международного авторитета и сокращение разрыва в ключевых макроэкономических показателях, Китай пока не обладает полным спектром

возможностей, позволяющих ему конкурировать с США в качестве глобального лидера.

При этом позиции Вашингтона в регионе ослабляются и в силу того, что ряд государств-членов АСЕАН все чаще демонстрируют готовность к конструктивному диалогу с Пекином, отказываясь от конфронтационной модели поведения. Дополнительную динамику в субрегиональную архитектуру вносят государства второго эшелона - такие как Индия и Австралия, преследующие собственные стратегические интересы в Юго-Восточной Азии.

Пекин, опираясь на концепцию неделимого суверенитета, продолжает настаивать на своих притязаниях в Южно-Китайском море, при этом активно используя инструменты экономического давления, дипломатии и проецирования силы. Данная политика, направленная на поэтапную трансформацию регионального порядка, сопровождается очевидными вызовами для западных международных институтов, традиционно обеспечивающих либеральный статус-кво [31]. Расширение китайского влияния подрывает идеологические и нормативные основы западной модели глобализации, предоставляя альтернативные форматы взаимодействия, не обремененные требованиями политической трансформации или приверженности демократическим стандартам.

Тем временем, Китай, как и ряд других восходящих держав, сталкивается с проблемой «ловушки чрезмерного расширения». Стратегические просчеты в дипломатии и экономике, а также растущая обеспокоенность со стороны соседей, могут в перспективе привести к формированию враждебного окружения и ослаблению амбициозных внешнеполитических целей Пекина. В то же время, эскалация конфронтации с США в военной, политической и экономической сферах становится системным элементом международной повестки, мобилизуя американский истеблишмент и формируя устойчивую стратегию сдерживания Китая. Укрепление экономического и технологического потенциала Китайской Народной Республики, наблюдаемое в последние десятилетия, предопределяет его стремление к стратегическому паритету с Соединёнными Штатами Америки, в частности в таких критически значимых сферах, как военные технологии и военно-морское строительство. Пекин предпринимает шаги по установлению контроля над ключевыми морскими артериями и расширению своей зоны влияния посредством создания зон опознавания ПВО, что расценивается Вашингтоном как вызов принципам свободы мореплавания и международного права. Подобная эскалация стратегической конкуренции может в перспективе привести к усилению конфликтов низкой интенсивности, росту числа операций по обеспечению свободы судоходства и другим проявлениям гибридного противоборства, способным трансформироваться в международный кризис [31].

Указанные действия со стороны КНР сопряжены с её растущими амбициями по участию в формировании нового миропорядка, включая создание собственных параллельных международных институтов и механизмов глобального регулирования [31]. Эти процессы находят прямое отражение в официальных стратегических оценках администрации Джозефа Байдена, где

зафиксировано, что международная система вступила в фазу глубокого трансформационного кризиса. Согласно положениям Стратегии национальной безопасности США от октября 2022 года, глобальное перераспределение силы в пользу стран Азиатско-Тихоокеанского региона рассматривается как одна из ключевых угроз национальной безопасности США [51]. Американский президент прямо заявляет: «Мир переживает переломный этап. «Мы находимся в разгаре» соперничества за формирование будущего международного порядка» [52].

Дальнейший этап (2013-2020 гг.) характеризуется проактивным внешнеполитическим курсом Пекина. Доктрина «Сообщества единой судьбы человечества» и инициатива «Один пояс - один путь» отражали стремление КНР предложить миру альтернативное видение глобализации. Реакцией Вашингтона стали «Pivot to Asia», торговые войны и технологические санкции, что обозначило переход к открытому стратегическому соперничеству. Наконец, в 2020-2025 гг. внешнеполитическая доктрина Китая приобрела ярко выраженный акцент на технологическом и военном суверенитете. Усиление военной активности вокруг Тайваня, цифровой юань и программа «Made in China 2025» демонстрируют курс на автономизацию от Запада. В ответ США активизировали военные альянсы AUKUS, QUAD расширили санкции в сфере высоких технологий, усилили контроль над цепочками поставок. Как следует из, это привело к ускорению формирования параллельных структур мирового порядка и углублению биполярного соперничества США и КНР.

Таким образом, американский фактор одновременно стимулировал и ограничивал эволюцию китайской внешнеполитической доктрины: от партнера в процессе глобализации Китай превратился в главного стратегического соперника США, что стало отражением системной трансформации мирового порядка в сторону многополярности. Под влиянием структурных сдвигов на глобальном уровне ставится под сомнение не только международное лидерство США и их союзников, но и доминирующая западная модель развития, основанная на либеральных институтах и ценностях. В этом контексте стратегической целью Соединённых Штатов провозглашается сохранение способности активно влиять на конфигурацию международного порядка в соответствии со своими интересами и нормативными установками [76, с.8]. Второстепенные цели включают реагирование на глобальные вызовы (климатические изменения, пандемии, энергетический и продовольственный дефицит, транснациональный терроризм, международная организованная преступность, распространение оружия массового поражения), а также установление лидерства в сфере цифровых технологий и экономики [76, с.12].

В таблице 2 представлена авторская периодизация исторических этапов трансформации мирового порядка в период с 1945 года по прогнозируемый этап после 2025 года. Таблица отражает эволюцию структуры международной системы, изменения конфигурации глобального лидерства и ключевые политико-экономические характеристики каждого этапа.

Выделение четырех этапов позволяет проследить переход от биполярной модели международных отношений к однополярной, затем к формирующейся многополярности и, далее, к прогнозируемому плюралистическому мировому порядку. Каждый этап характеризуется специфическим распределением силы, доминирующими центрами влияния, типом стратегической конкуренции и институциональной конфигурацией международной системы.

Биполярный период (1945-1991 гг.) определяется жесткой структурной симметрией двух сверхдержав и идеологическим противостоянием, обеспечивавшим относительную системную стабильность через баланс сил и ядерное сдерживание. Униполярный этап (1991-2008 гг.) характеризуется концентрацией системной мощи в руках США и институционализацией либерального международного порядка. Период после глобального финансового кризиса 2008 года обозначает начало перехода к многополярной конфигурации, в рамках которой усиливается роль Китая, региональных держав и альтернативных моделей развития.

Таблица 2 - Исторические этапы мировой трансформации

Этап	Характеристика	Лидеры системы	Итог
1	2	3	4
1945-1991 (биполярность)	Холодная война; идеологическое противостояние капитализма и социализма; гонка вооружений; система союзов (НАТО vs. ОВД); политика сдерживания	США и СССР	Формирование блоковой системы; баланс сил и ядерное сдерживание; разделение мира на «Запад» и «Восток»
1991-2008 (униполярность)	Распад СССР; «однополярный момент»; доминирование США; распространение либеральной демократии и глобализации; вмешательство США (Балканы, Афганистан, Ирак)	США	Консолидация «либерального международного порядка»; расширение НАТО и ЕС; доминирование доллара и американских институтов
2008-2025 (переход к многополярности)	Мировой финансовый кризис (2008); ослабление Запада; возвышение Китая; возрождение России;	США, Китай, ЕС, Россия, Индия	Начало многополярности; усиление конкуренции моделей развития (либеральной, авторитарной, смешанной);

продолжение Таблицы 2

1	2	3	4
	рост региональных центров силы (Индия, Бразилия, Турция); кризис международных институтов		санкционная политика и торговые войны; цифровая и технологическая конкуренция
2025 → (новый этап, прогноз)	Усиление многополярности; переход к геэкономическим и технологическим «войнам»; борьба за ресурсы и климатическую повестку; усиление роли региональных организаций (АСЕАН, Африканский союз, ШОС)	США, Китай, Индия, ЕС, региональные блоки	Формирование «плюралистического мирового порядка»; конкуренция не только государств, но и корпораций, технологических платформ; усиление глобальных рисков (климат, киберугрозы)

Прогнозируемый этап после 2025 года рассматривается как качественно новая фаза, в которой конкуренция смещается из преимущественно военной и идеологической плоскости в сферу геэкономики, технологий, цифрового контроля и климатической политики. Тем самым таблица выполняет не только описательную, но и концептуально-аналитическую функцию, демонстрируя логику системной трансформации и обосновывая авторскую гипотезу о формировании плюралистического мирового порядка.

Представленная периодизация служит теоретико-методологической основой дальнейшего анализа американо-китайской конкуренции как ключевого драйвера современной трансформации международной системы.

При этом официально признаётся невозможность возвращения к прежнему, докризисному состоянию мировой системы [76, с.19]. Администрация Байдена предлагает стратегию витализации американского лидерства, предусматривающую как внутренние реформы (борьба с системным расизмом, социально-экономическим неравенством, популизмом, политической поляризацией, развитие «зелёной» экономики и инноваций), так и активизацию внешней политики. Внутренним источником угроз определяется популизм и «трампизм», в то время как на международной арене основным вызовом выступают авторитарные государства [76, с.23].

К внешнеполитическим приоритетам относится сдерживание стратегических соперников путём ограничения их доминирования в ключевых регионах, секторах экономики и доступа к критическим ресурсам [76, с.25]. Идеологически администрация оформляет складывающееся противостояние как борьбу между демократиями и авторитарными режимами.

Следует отметить, что до 2016 года американо-китайские отношения носили двойственный характер. С одной стороны, в США признавалась важность торгово-экономического взаимодействия с КНР и необходимость её интеграции в либеральный мировой порядок; с другой - неизменно критиковались особенности китайской внутривластной модели, включая монополию Коммунистической партии, значительную роль государства в экономике и нарушения прав человека [77].

По мере консолидации власти в руках партийного руководства, а также продвижения уникальной китайской модели модернизации и развития, КНР всё более удалялась от ожиданий западных государств. Закрепление данной тенденции было подтверждено решениями XX съезда Коммунистической партии Китая, прошедшего в октябре 2022 года, на котором были продлены полномочия генерального секретаря Си Цзиньпина на очередной срок [78]. Напомним, что до внесения поправок в Конституцию КНР в 2018 году срок президентских полномочий был ограничен двумя пятилетиями.

Ряд международных экспертов отмечает, что нарастающие геополитические и экономические тектонические сдвиги свидетельствуют о деградации либерального мирового порядка и демонтаже прежней модели глобализации, ориентированной на американское лидерство. При всём признании выгод от глобализации последних трёх десятилетий, США констатируют необходимость её переосмысления с учётом трансформации Китая в системного конкурента [79].

В этих условиях усиливается тренд на экономический регионализм, мотивированный не только прагматическими, но и политическими соображениями. Регионализация может выступать в качестве переходной фазы к новой глобализации, уже на базе трансформированных международных институтов и иного распределения власти. В обозримой перспективе определяется борьба за параметры новой модели мирового устройства, в которой либо произойдёт реставрация либерального порядка под руководством США, либо будет реализован альтернативный сценарий, при котором Китай выступит в роли ведущей державы или одного из ключевых центров многополярного мира [76, с.32].

Особое значение в формировании антикитайского дискурса в период президентства Дональда Трампа (2017-2021 гг.) приобрели аналитические структуры США, в особенности консервативного толка, чья экспертная продукция легла в основу жёсткой стратегической линии в отношении Пекина.

Их отчёты, аналитические записки и экспертные комментарии оказали значительное влияние на внешнеполитическую стратегию Вашингтона в отношении КНР. Особой популярностью в администрации Трампа пользовались разработки Фонда "Наследие" (The Heritage Foundation). В частности, работа К. Китчена (К. Kitchen) оказала влияние на стратегию информационно-технологического противоборства между США и КНР. В своем исследовании эксперт утверждает, что Huawei и ZTE, поставляя оборудование, программное обеспечение и услуги 5G, представляют прямую угрозу национальной

безопасности США, поскольку они могут компрометировать телекоммуникационную инфраструктуру и доступ к конфиденциальным данным американских военных, разведывательных структур и граждан.

Данный тезис Китчен обосновывает следующими аргументами: Huawei и ZTE обязаны соблюдать Закон КНР о государственной безопасности, который предписывает всем китайским компаниям хранить любые данные на серверах в Китае, что создает риски для США. Huawei и ZTE являются инструментами государственного капитализма и пользуются поддержкой правительства Китая, что позволяет китайским властям и разведывательным структурам получать доступ к иностранным конфиденциальным данным. В связи с этим, Китчен предложил несколько рекомендаций по защите национальной безопасности США: введение санкций против китайских компаний, занимающихся сбором конфиденциальных данных американцев в неправомερных целях. Развитие кооперации с союзниками США в сфере борьбы с кибершпионажем. Данные предложения были реализованы на практике.

В мае 2019 года Дональд Трамп, ссылаясь на чрезвычайное положение в сфере защиты сетей связи, подписал специальный указ, который наделил Министерство торговли США полномочиями вносить в черный список иностранные технологические компании, угрожающие национальной безопасности. В результате Huawei и ряд связанных с ней компаний были внесены в санкционные списки, что запретило американским предприятиям продавать комплектующие и программное обеспечение китайским корпорациям без специального разрешения Министерства торговли США.

1.3 Влияние трансформации мирового порядка на теоретические и методологические основы исследования международных отношений

В начале XXI века внешнеполитическая доктрина Китая претерпела значительные изменения, отчасти в ответ на глобальные вызовы и изменения в мировой политике. Китай стремится укрепить свою позицию как глобальная держава и активно участвует в международных делах, не нарушая своей принципиальной приверженности внутреннему контролю и политической стабильности. Внешнеполитическая доктрина Китая сочетает в себе элементы прагматизма, дипломатической гибкости и активной региональной политики. Основные черты внешнеполитической доктрины Китая в начале XXI века «Мирное восхождение» [50].

Одним из центральных концептов китайской внешней политики является идея «мирного восхождения» (или «мирного подъема»), которая была впервые сформулирована в конце 1990-х - начале 2000-х годов. На основании имеющихся документов, литературных источников и фактических данных можно выделить пять этапов развития американо-китайских отношений. Первый этап развития американо-китайских отношений охватывает период с 1949 по 1968 гг. и характеризуется состоянием глубокой конфронтации между двумя странами. Отправной точкой данного этапа стало провозглашение Китайской Народной Республики в 1949 году, что было воспринято Соединёнными Штатами как

усиление коммунистического лагеря в контексте биполярной конфигурации международной системы. В этот период доминировала парадигма стратегического сдерживания, обусловленная идеологической несовместимостью сторон и усилением влияния Пекина на региональные процессы в Восточной Азии.

Завершением указанного этапа стало обострение советско-китайских противоречий в конце 1960-х годов, кульминацией которых стали вооружённые столкновения на советско-китайской границе в 1968-1969 гг., что существенно повлияло на геополитические расчёты США и создало предпосылки для последующего сближения с КНР. Второй этап (1968-1972 гг.) отмечен постепенным разрядом напряженности и установлением первых контактов между США и КНР в условиях биполярного противостояния. Существенное значение имели переговоры советника президента США по вопросам национальной безопасности Генри Киссинджера и премьер-министра Госсовета КНР Чжоу Эньлая, в ходе которых ключевой темой стал тайваньский вопрос.

Американская сторона настаивала на мирном урегулировании, в то время как Китай выразил намерение стремиться к мирному решению. Третий этап (1972-1979 гг.), который можно охарактеризовать как «поиск путей нормализации», начинается с исторического визита президента США Ричарда Никсона в Пекин и завершается официальным установлением дипломатических отношений между США и КНР. В 1973 году китайская сторона неожиданно дала согласие на открытие в Вашингтоне и Пекине миссий связи, обладающих дипломатическими привилегиями.

В том же году США предложили КНР доступ к западным товарам военного и двойного назначения через Францию и Великобританию. Завершением этого этапа стало подписание Совместного американо-китайского коммюнике, вступившего в силу 1 января 1979 года, а также принятие Конгрессом США Закона об отношениях с Тайванем. Четвертый этап (1980-1989 гг.) можно определить как период стабилизации. В это десятилетие США активизировали военные контакты с Тайванем, что способствовало корректировке китайской внешней политики, включая постепенное дистанцирование от Вашингтона и нормализацию отношений с Москвой. Осознавая нежелание США содействовать воссоединению Тайваня с материком, руководство КНР инициировало концепцию «одно государство - две системы» с целью урегулирования тайваньского вопроса. Пятый этап (1989-1992 гг.) стал кризисным, чему способствовали события на площади Тяньаньмэнь в 1989 году.

Эти события привели к ухудшению имиджа Китая в американском обществе, а также к введению санкций со стороны США, что подтолкнуло Пекин к усилению военно-технического сотрудничества с Москвой. Одновременно в США возникли дискуссии о необходимости связывать режим наибольшего благоприятствования (РНБ) для Китая с соблюдением прав человека. К началу 1990-х годов в американской внешнеполитической риторике появилась концепция «китайской угрозы», отражавшая опасения по поводу наращивания потенциала КНР. Распад Советского Союза в 1991 году оказал значительное

влияние на американско-китайские отношения. Россия и КНР укрепили сотрудничество в оборонной сфере, тогда как США приняли решение о продаже Тайваню современных вооружений, что стало дополнительным фактором напряженности в двусторонних отношениях. Эти процессы заложили основу для последующего развития американско-китайских отношений в логике стратегического соперничества. В целом большинство специалистов сходятся во мнении, что к середине XXI века экономика Китая может стать крупнейшей в мире. Однако внутри США сохраняются разногласия относительно долгосрочных интересов страны в отношении КНР.

В таблице 3 представлена авторская структурно-функциональная модель американско-китайских отношений в посткризисный период, отражающая ключевые направления стратегического взаимодействия двух держав после глобального финансового кризиса и в условиях нарастающей системной конкуренции. Таблица систематизирует сравнительные характеристики внешнеполитического поведения США и КНР по основным функциональным измерениям международной системы - дипломатическому, экономическому, технологическому, военно-стратегическому, торговому, идеологическому и климатическому.

Структурно-функциональный подход позволяет рассматривать американско-китайские отношения не как изолированный двусторонний конфликт, а как комплексную систему взаимосвязанных элементов, каждый из которых влияет на общую динамику трансформации мирового порядка. В рамках данной модели Соединённые Штаты и Китай выступают в качестве системообразующих акторов, действия которых формируют новые правила, нормы и институциональные конфигурации глобального взаимодействия.

Сопоставление позиций сторон демонстрирует, что конкуренция носит многоуровневый характер и охватывает не только военно-политическую сферу, но и экономические цепочки поставок, технологическое лидерство, цифровую инфраструктуру, идеологическое влияние и климатическую повестку. Особое внимание уделяется феномену экономического и технологического разобщения (decoupling), формированию параллельных экосистем и усилению регионализации международных процессов.

Таблица 3 - Структурно-функциональная модель американско-китайских отношений в посткризисный период

Аспект	Соединённые Штаты	Китай	Импlications (последствия)
1	2	3	4
Дипломатический курс	Критика действий Китая в период пандемии; акцент на прозрачности и подотчётности	Позиционирует себя в качестве глобального лидера в борьбе с пандемией; оказывает помощь другим государствам	Усиление дипломатической напряжённости; обострение конкуренции за глобальное влияние

продолжение Таблицы 3

1	2	3	4
Экономические отношения	Продвигает диверсификацию цепочек поставок; стремится к автономии в стратегически значимых секторах	Демонстрирует собственную экономическую модель; снижает зависимость от американских технологий	Ускоряющийся процесс экономического разобщения; перестройка глобальных цепочек поставок
Технологии	Ограничивает деятельность китайских технологических компаний; инвестирует в национальные инновации	Стремится к технологической самодостаточности; увеличивает расходы на научные исследования и разработки	Усиление технологической конкуренции; формирование параллельных технологических экосистем
Военно-стратегическая сфера	Поддерживает политику «стратегической двусмысленности» в отношении Тайваня; укрепляет альянсы в Азиатско-Тихоокеанском регионе	Расширяет военное присутствие вокруг Тайваня; модернизирует вооружённые силы	Повышение риска военного конфликта; гонка вооружений в регионе
«Мягкая сила»	Продвигает демократические ценности; позиционирует себя как лидер в сфере глобального здравоохранения	Подчёркивает эффективность собственной модели управления; расширяет культурное присутствие за рубежом	Идеологическая конкуренция; разделённое восприятие со стороны мирового сообщества
Торговля	Сохраняет тарифные и торговые ограничения	Диверсифицирует торговых партнёров; продвигает инициативу «Пояс и путь»	Продолжающееся обострение торговых противоречий; смещение глобальных торговых потоков
Климатическая повестка	Возвращается к активному участию в международных климатических инициативах	Продолжает инвестиции в возобновляемую энергетику; заявляет амбициозные климатические цели	Потенциал для сотрудничества при сохраняющейся конкуренции

Таким образом, таблица выполняет аналитическую функцию визуализации авторской модели, показывая, что посткризисный этап американо-китайских

отношений характеризуется переходом от ограниченного соперничества к системной стратегической конкуренции. Представленная модель служит теоретической основой для последующего анализа геоэкономических инструментов влияния и подтверждает гипотезу о том, что американо-китайское противостояние является ключевым драйвером современной трансформации мирового порядка.

Ключевым внешним детерминантом этих изменений выступал американский фактор, оказывающий системное влияние на формирование китайской внешней стратегии. Для анализа данного процесса в настоящем исследовании применена структурно-функциональная модель американо-китайских отношений в посткризисный период. Данная модель позволяет выявить, каким образом внешнеполитическая доктрина Китая выполняла различные функции в условиях изменяющейся международной структуры - от интеграции в либеральный порядок до проактивного формирования альтернативных институтов и норм. Американская политика по этому вопросу остается неоднородной и представляет собой скорее набор ситуативных решений, чем единую стратегическую линию. В определенных кругах США Китай рассматривается не столько как партнер, сколько как потенциальный противник.

Революция в КНР 1949 года стала причиной массовой эмиграции из континентальной части страны, поспособствовав увеличению масштабов трансграничных сетей. Кроме того, открытие экономики, произошедшее в результате реформ, обусловило восстановление контактов с аналогичными неформальными сетями в КНР. Возникновение КНР, ознаменованное победой в гражданской войне 1949 года вооружённых сил Коммунистической партии Китая (КПК), поддерживаемых США, имело особое значение для мировой арены. 1 октября 1949 г. На трибуне Тяньаньмэнь появились китайские руководители во главе с Мао Цзэдуном, торжественно объявившим о том, что «сегодня создано Центральное народное правительство Китайской Народной Республики! Отныне китайский народ встал во весь рост!». Рядом с Мао Цзэдуном также находились члены КПК, которым принадлежала заслуга создания нового государства. Они верили в начало нового этапа в истории Поднебесной, насчитывающей уже более пяти тысяч лет.

В феврале 1950 года между Китаем и СССР был подписан договор о дружбе, союзе и взаимопомощи, определивший вектор развития культурных и экономических связей на тридцать лет. Таким образом, к началу 1950-х годов активно развивалось советско-китайское сотрудничество: СССР способствовал укреплению китайских вооруженных сил, строительству стратегически важных объектов. Не смотря на такой поворот в советско-китайских отношениях, необходимо признать, что после образования КНР государство в основном поддерживало отношения со странами, входящими в социалистический лагерь, возглавляемый СССР. При этом все контакты с западноевропейскими странами были заморожены, так как они продолжали на официальном уровне поддерживать отношения с Китайской Республикой на Тайване. Данное время в

историографии Китая получило название «период склонения в одну сторону», который характеризуется жестким противостоянием двух лагерей (империалистического и социалистического) [80].

Вопрос внешнеполитического курса США в отношении КНР занял значительное место в предвыборной риторике 1960 года. Джон Кеннеди, баллотируясь на пост президента, выразил готовность пересмотреть подход Вашингтона к Китаю, в частности, отказаться от прямой обороны островов Кэмой и Мацзу, остававшихся под контролем гоминьдановского режима. Представитель Демократической партии Ч. Боулс подчеркивал целесообразность принятия КНР в ООН и передачи упомянутых островов при условии, что Пекин продемонстрирует готовность к взаимным уступкам - в частности, к ограниченному разоружению и отказу от угроз в адрес Тайваня.

Таким образом, предполагалось, что стратегия взаимных уступок способна дистанцировать Китай от социалистического лагеря. Первый шаг к смягчению американской политики по отношению к КНР был сделан заместителем госсекретаря Р. Хилсменом, который на заседании клуба «Коммонвелс» в Сан-Франциско обозначил три ключевых положения: 1) сохранение американского влияния в Азии посредством поддержки союзников, включая тайваньский режим; 2) готовность к диалогу с КНР; 3) объективный анализ китайской внешней политики. Эти принципы в определенной мере отражали ожидания Пекина, поскольку означали инициативу со стороны США в нормализации двусторонних отношений.

На конференции в Джакарте 2 апреля 1961 года премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай отметил, что «политика администрации Кеннеди в отношении Китая в значительной степени отличается от курса Эйзенхауэра», и поставил вопрос о способности нового американского руководства проявить инициативу в нормализации отношений [81, с.17]. Уже в октябре 1961 года Пекин заявил о своей готовности к мирным переговорам с США на уровне министров иностранных дел с целью снижения напряженности между двумя странами. Китайская сторона настаивала, что подобные переговоры должны опираться на так называемые «пять принципов мирного сосуществования», ранее сформулированные в ходе китайско-индийских переговоров 1954 года.

Эти принципы включали: взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета, отказ от агрессии, невмешательство во внутренние дела, равноправие и взаимная выгода, а также приверженность мирному сосуществованию. Тем не менее, после Карибского кризиса обострение глобальной напряженности вновь отразилось на китайско-американских отношениях. Военно-стратегическая линия Мао Цзэдуна, ориентированная на ускоренную милитаризацию и развитие ракетно-ядерного потенциала, вступила в противоречие с Московским договором 1963 года о запрете ядерных испытаний в атмосфере, космосе и под водой. Китайская сторона расценила этот договор как ограничительный акт, направленный против социалистических стран, не обладающих ядерным оружием, и как инструмент, позволяющий США

использовать напряженность в отношении КНР в качестве рычага в переговорах с СССР [81, с.19].

В июле 1963 года Пекин выступил с жесткой позицией, заявив о необходимости немедленного и полного ядерного разоружения. Частичное же разоружение было признано неприемлемым, поскольку, по мнению китайского руководства, США продолжают наращивать ядерный потенциал и распространять его среди союзников. На переговорах в Варшаве в 1964 году китайская делегация направила президенту Линдону Джонсону послание, в котором охарактеризовала Московский договор как «обман» и обвинила США в стремлении сохранить ядерную монополию, провоцируя тем самым глобальную гонку вооружений [82, с.532]. Несмотря на очевидное и латентное соперничество между Китаем и США, обе стороны осознают нарастающую взаимную экономическую зависимость, что вынуждает их придерживаться прагматичного подхода в двусторонних отношениях. Одновременно наблюдается укрепление доверия между Китаем и Россией, отражающее конвергенцию их позиций по ключевым вопросам современных международных отношений, стратегического развития и защиты национальных интересов. Китай сегодня активно выступает за многополярность, взаимное сотрудничество, участие в международных организациях.

Таким образом, страна стремится поддерживать добрососедские отношения с другими государствами и через связи и сотрудничество с ними обезопасить себя от реальных и потенциальных внешнеполитических угроз. Можно сказать, что на протяжении многих лет лидерами в области международных отношений были европейские страны и США. На данном этапе эта тенденция сохраняется. При этом, помимо увеличения своей военной мощи и наращивания экономического потенциала, существенную роль данные государства уделяют своей внешней информационной политике, которая представлена комплексным механизмом со взаимосвязанными компонентами.

Однако в последние годы на международной арене происходят существенные изменения, на передний план выдвигаются новые государства, которые за короткий промежуток времени уже смогли заявить о себе всему миру как о довольно весомом факторе международных отношений. Лидером среди этих стран по праву считается Китайская Народная Республика, которая, по оценкам многих аналитиков, в скором будущем станет одним из главных соперников США на мировой арене [83, с.531]. На протяжении последних десятилетий национальные интересы Китайской Народной Республики демонстрировали высокую степень стабильности и преемственности.

В их основу традиционно закладывались такие приоритеты, как обеспечение суверенитета и территориальной целостности, поддержание внутренней стабильности, устойчивое развитие экономики, а также укрепление статуса Китая как влиятельной мировой державы [84, р.19]. С ростом экономического потенциала и усилением позиций на глобальных рынках КНР постепенно начала расширять границы своих интересов за пределы национальной территории. Как отмечает Сюй Цзя, происходил медленный, но

устойчивый процесс «экспансии» сферы национальных интересов Китая за пределы его государственных рубежей [85, p.12].

Анализируя трансформацию китайских национальных интересов в исторической перспективе, Е Сяоди применяет подход неоклассического реализма, в котором в качестве независимой переменной рассматривается структура международной силы (power structure), а в качестве промежуточных - стратегическая ориентация Пекина и реакции со стороны сопредельных, приграничных и периферийных государств. На основе взаимодействия этих факторов он выделяет три типа интересов: «оборонительные национальные интересы», «конструктивные национальные интересы» и «состязательные коренные интересы», прослеживая их развитие от внутреннего и регионального к межрегиональному и глобальному уровням [86, p.78]. Согласно периодизации, предложенной Е Сяоди, в 1980-1990-х гг. при биполярной конфигурации международной системы преобладали оборонительные национальные интересы. В постбиполярный период (1991-2010 гг.), в условиях однополярности, Китай продвигал конструктивные национальные интересы, ориентированные на интеграцию в существующую мировую систему. С 2011 по 2017 гг., на фоне усиления тенденций к многополярности, начали преобладать состязательные коренные интересы, отражающие стремление КНР активно участвовать в конкуренции за глобальное влияние [87, p.79].

Эти изменения во внешнеполитических приоритетах нашли отражение и в эволюции китайской дипломатии: от позиции пассивного «участника» международных процессов в прошлом - к роли более активного «лидера» в глобальной политике [86, p.82]. Это означает, что Китай будет стремиться к усилению своей роли на международной арене без агрессивного соперничества с другими державами, особенно с США. Пекин утверждает, что его цель - это мирное развитие и сотрудничество, а не стремление к гегемонии или доминированию. Китайская Народная Республика на протяжении последних десятилетий последовательно выступает сторонником многостороннего подхода в решении глобальных вызовов, придавая особое значение участию в международных организациях и инициативах. Пекин активно участвует в деятельности таких институтов, как Организация Объединённых Наций, Всемирная торговая организация (ВТО), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АИВ), а также в стратегическом проекте «Один пояс, один путь» (Belt and Road Initiative, BRI). Через данные платформы Китай продвигает альтернативную модель экономического развития и политического взаимодействия, ориентированную на устойчивость, взаимовыгодное сотрудничество и политическую стабильность.

С 2004 года в рамках Института современных международных отношений при Университете Цинхуа под руководством профессора Янь Сюэтуна реализуется проект, направленный на количественную оценку эволюции внешнеполитических отношений Китая с ключевыми мировыми акторами, включая Соединённые Штаты, Японию, Россию, Великобританию, Францию,

Германию и Индию. Результатом этого исследования стало первое издание «Обзора международных отношений 1950-2005 гг.: количественное измерение отношений Китая с великими державами», опубликованное в 2010 году. Позднее проект получил поддержку Министерства образования КНР и был официально завершён в 2011 году [9, с.199]. Несмотря на формальное завершение государственного финансирования, исследовательская работа в этом направлении продолжается.

Так, обновлённые данные по китайско-американским отношениям уже охватывают период с 1949 по 2018 год, позволяя проследить долгосрочные тенденции в двустороннем взаимодействии. Схожие исследования параллельно ведутся и в Китайской академии современных международных отношений (中国当代国际关系研究院), что свидетельствует о систематичности и институционализации подхода Китая к анализу своей международной стратегии [9, с.201]. Региональная безопасность и влияния: Китай фокусируется на стабилизации своего непосредственного региона, включая Восточную Азию и Тихоокеанский регион.

Стратегия безопасности включает защиту национальных интересов в таких областях, как Тайвань, Южно-Китайское море, а также укрепление связей с соседними странами через экономическое сотрудничество и дипломатическое влияние. Китай продолжает использовать экономическую дипломатию как один из основных инструментов внешней политики, продвигая свои интересы через экономические проекты, такие как «Один пояс, один путь». Это способствует укреплению влияния Китая в развивающихся странах, а также стимулирует экономическую взаимозависимость, что, в свою очередь, помогает укреплять политические связи. Отношения Китая и США в начале XXI века являются важным элементом внешнеполитической доктрины Китая, а также ключевым фактором, определяющим глобальную стабильность. Китай воспринимает США как своего главного стратегического конкурента, однако при этом старается избегать прямой конфронтации. Несмотря на политическое соперничество, Китай и США имеют тесные экономические связи. США - крупнейший потребитель китайских товаров, а Китай является важным кредитором США.

Китайская модель развития и мощная экономика позволяют ему оказывать влияние на мировые рынки, а также участвовать в создании глобальных экономических стандартов. В ответ на усиливающееся присутствие Китая в Индо-Тихоокеанском регионе США и их союзники усиливают свою военную активность и политическое влияние в этом регионе. США поддерживают Тайвань и другие демократические страны региона, что вызывает напряжённость в отношениях с Китаем, который считает Тайвань частью своей территории и не исключает возможности использования силы для его воссоединения с материковым Китаем. Китай активно стремится расширить своё влияние на международной арене и использовать дипломатические каналы для укрепления позиций в глобальной политике.

С точки зрения США, китайская активность в таких странах, как Африка, Латинская Америка и Азия, воспринимается как попытка ослабить влияние

Запада. Соперничество между США и Китаем также распространяется на такие ключевые вопросы, как глобальное изменение климата, борьба с терроризмом и международная безопасность. Китай активно выступает за создание многополярного мира, где США не будут занимать центральное место в принятии решений. Китай поддерживает развитие других региональных центров силы, таких как Евразийский экономический союз, ШОС и другие многогранные структуры. Это связано с попыткой Китая уменьшить западное влияние в глобальных делах. Внешнеполитическая доктрина Китая в начале XXI века отражает его стремление укрепить свою глобальную роль при сохранении внутренней стабильности. Соперничество с США, особенно в области экономики и безопасности, становится важным компонентом китайской внешней политики. Китай стремится к многополярному миру, где его влияние будет продолжать расти, а США - это как стратегический конкурент, с которым Китай, несмотря на напряжённость, вынужден поддерживать комплексные взаимозависимые отношения.

В рамках количественного анализа международных отношений, разработанного исследовательской группой Университета Цинхуа, двусторонние отношения между государствами классифицируются по трёхуровневой системе, включающей следующие основные категории: «враждебные», «нейтральные» (в значении «не враги - не друзья») и «дружелюбные». Каждая из указанных категорий дополнительно подразделяется на две степени, что в совокупности образует шесть уровней взаимодействия с соответствующими диапазонами балльной оценки. Так, к категории «враждебных» отношений относятся: - уровень «конфронтационные» (对抗) с диапазоном от -9 до -6; - уровень «напряжённые» (紧张) - от -6 до -3. Категория «не враги и не друзья» включает: - «негармоничные» отношения (不和) - от -3 до 0; - «нормальные» (普通) - от 0 до 3. Наконец, «дружелюбные» отношения подразделяются на: - «хорошие» (良好) - от 3 до 6; - «дружественные» (友好) - от 6 до 9 [9, с.205].

Каждый из указанных уровней дифференцируется на три подуровня: низкий, средний и высокий. Например, в рамках уровня «хорошие» оценки от 3 до 4 обозначают нижнюю границу, от 4 до 5 - среднюю, и от 5 до 6 - верхнюю границу подуровня. Аналогично, уровень «напряжённости» структурируется следующим образом: -3 - -4 (низкий), -4 - -5 (средний), -5 - -6 (высокий). Для достижения максимальной точности применяется система градации, в рамках которой каждый подуровень делится на десять шкал с интервалом в 0,1 балла, что делает возможным оценку межгосударственных отношений с высокой степенью детализации. Так, например, высокая степень «хорошего» уровня может быть выражена значениями 5,1; 5,2; 5,3 ... вплоть до 5,9 [9, с.227].

В начале XXI века китайское руководство демонстрирует устойчивую преемственность во внешнеполитических принципах и стратегических установках, сформировавшихся в 1980-1990-е годы. Ключевыми приоритетами остаются обеспечение стабильного международного окружения и создание благоприятных условий для внутренней модернизации. Китай продолжает

придерживаться «пяти принципов мирного сосуществования», а также сохраняет фундаментальные установки, такие как отказ от участия в военных альянсах и размещения военных баз за рубежом [87, с.35]. Как отмечает Ф. Фукуяма, «сегодня существует глобальный консенсус по поводу легитимности либеральной демократии», при этом устойчивость демократических институтов напрямую связана с уровнем социально-экономического развития и наличием многочисленного среднего класса [88, с.20-21].

Прагматизм остается определяющим фактором внешнеполитической стратегии Китая. Официальная внешнеполитическая линия по-прежнему опирается на принципы, предложенные Дэн Сяопином, включая так называемую «формулу из 28 иероглифов». Концептуальные ориентиры, закрепленные на XIV съезде КПК (1992 г.), акцентируют внимание на таких ключевых идеях, как «мир и развитие» как основополагающий тренд эпохи, необходимость формирования нового справедливого и рационального международного порядка, а также неизбежность многополярности в мировой системе. Однако трансформация международной среды, рост глобального влияния Китая и его активное участие в мирохозяйственных процессах требуют концептуальной модернизации внешней политики. Теоретическое переосмысление отражено в так называемой «концепции современности», включающей идеи «глубинных изменений», «гармоничного мира», «совместного развития», «общей ответственности» и «активного участия».

В XXI веке Китай постепенно преодолевает региональную ограниченность своей внешней политики, расширяя стратегическое видение до глобального уровня. Одним из центральных направлений становится содействие формированию многополярного мира, в котором КНР стремится занять роль одного из ведущих полюсов. В этом контексте в Пекине уже сложилась концептуальная модель нового мирового порядка - «гармоничный мир», которая во многом вступает в противоречие с внешнеполитическими подходами США. Фрэнсис Фукуяма утверждает, что именно Китай представляет собой один из самых серьезных вызовов либеральной демократии в современном мире. Это объясняется тем, что китайская модель сочетает элементы государственного капитализма и авторитарного управления, предлагая альтернативу западной либеральной системе и бросая вызов ее универсалистским претензиям. Современное восхищение Китаем, проявляющееся как в экспертных кругах, так и в публичной риторике, во многом обусловлено не только его устойчивыми экономическими успехами, но и высокой эффективностью институциональной системы принятия решений.

В отличие от западных демократий, подверженных политической фрагментации, затяжным дебатам и временами - функциональному параличу, китайская модель характеризуется способностью к оперативному принятию стратегически значимых решений, что, по мнению ряда наблюдателей, делает её привлекательной альтернативой западной управленческой парадигме [86, с.4]. Китайские авторы, однако, предлагают несколько иную интерпретацию факторов глобального влияния КНР.

Так, Сюй Цзянь подчеркивает, что Китаю удалось предложить уникальную модель развития, не являющуюся калькой ни западной капиталистической, ни советской социалистической систем. Результаты её применения, по мнению учёного, открыли путь к формированию новой цивилизационной парадигмы. Эволюция китайской международной идентичности, как отмечает исследователь, формировалась под воздействием ряда системных вызовов, каждый из которых обусловил соответствующий этап трансформации внешнеполитического облика страны. Первый вызов - политико-дипломатический (1949-1971 гг.) - заключался в борьбе за международное признание и институциональное включение КНР в систему послевоенного мироустройства. Его преодоление ознаменовалось восстановлением за Пекином легитимного места в Организации Объединённых Наций, включая постоянное членство в Совете Безопасности. Второй вызов - экономического характера (1971-2001 гг.) - связан с необходимостью адаптации китайской экономической модели к условиям глобализирующегося мира и борьбой за её жизнеспособность. Вступление Китая в ВТО в 2001 году стало символом признания эффективности этой модели на международной арене. Третий вызов, который продолжается в настоящий момент, носит цивилизационный характер. Он сопряжён с формированием уникальной китайской идентичности в условиях растущего внешнего давления, прежде всего со стороны коллективного Запада [89, с.56].

На текущем этапе глобального соперничества США и КНР, отражающего не только геополитическое, но и идеологическое противостояние, речь идёт о конфронтации фундаментальных идентичностей и моделей развития. Предметом противостояния становятся не только вопросы политической стратегии, но и базисные категории, такие как ценностные ориентиры (智政观, чжицзегуань) и модель развития (发展模式, фачжань моши), а само это противоборство приобретает выражение в плоскости общественного сознания (意识形态领域, иши синьтай линцюй). В китайском экспертном дискурсе отмечается, что в восприятии Европы, являющейся важным выразителем международного общественного мнения, сохраняются значительные барьеры для признания «мягкой силы» Китая. В первую очередь, это обусловлено тем, что экономическое усиление КНР расценивается как угроза международному статусу ЕС, а сама китайская модель - как вызов фундаментальным ценностям западной политико-экономической парадигмы. Более того, некоторые европейские аналитики утверждают, что сотрудничество с Китаем носит сугубо инструментальный характер и обусловлено стремлением к реализации собственных интересов, а не привлекательностью китайской идеологии и нормативной системы [89, с.76].

Эти взгляды способствуют распространению в европейском политическом истеблишменте пессимизма в отношении перспектив стратегического партнёрства с КНР, выражающегося в формуле: «это не стратегическое сотрудничество и не партнёрство» (neither strategic nor a partnership). Кроме того, на фоне различий в культурных кодах и институциональных традициях всё более

заметным становится цивилизационный разрыв: Европа, опирающаяся на постсуверенную, постмодернистскую идентичность, всё чаще воспринимает восходящий Китай как «существенно Другого» (remains a significant “Other”) [89, с.89]. Внешнеполитическая доктрина Китая придает особое значение так называемым «коренным интересам», которые занимают высшую ступень в иерархии национальных приоритетов страны. Любое их нарушение или игнорирование со стороны других государств воспринимается Пекином как прямая угроза национальной безопасности. Динамичное усиление позиций Китая на международной арене привело к возникновению амбивалентности в его самоидентификации: с одной стороны, страна позиционирует себя как «ответственная великая держава», а с другой - как развивающееся государство.

Выводы по первому разделу.

Теоретико-методологический анализ американо-китайских отношений в контексте трансформации мирового порядка свидетельствует о том, что данный феномен представляет собой многосложную и динамичную систему, подверженную воздействию как эндогенных, так и экзогенных факторов. Современный мировой порядок, находящийся в стадии перехода от однополярной модели к более сложной, многополярной конфигурации, задает новые параметры конкуренции и кооперации между ведущими акторами международных отношений. Анализ экспертных оценок, базирующихся на радиоаналистической эпистемологии, демонстрирует, что политика США в отношении КНР формируется под влиянием структурных ограничений международной системы, а также внутренних политико-экономических детерминант. В первом разделе были рассмотрены теоретические и методологические основы исследования международных отношений, что позволило комплексно раскрыть эволюцию научных подходов и их трансформацию под влиянием изменений мировой системы.

Во-первых, анализ основных теоретических парадигм - реализма, либерализма, конструктивизма, неомарксизма, теории комплексной взаимозависимости, критических теорий и постмодернистских концепций - показал, что каждая из них предлагает собственное объяснение природы международных процессов. Их сравнительный анализ выявил как преимущества, так и ограничения в интерпретации глобальной политики, что делает необходимым их комбинированное использование в современных исследованиях.

Во-вторых, методологические основы современного теоретического знания продемонстрировали значительное расширение исследовательских инструментов. Традиционные методы (системный анализ, сравнительный метод, событийный анализ) активно дополняются междисциплинарными технологиями - геоэкономическими, когнитивными, сетевыми, цивилизационными. Это свидетельствует о росте сложности международной среды и необходимости интеграции различных методологических рамок.

В-третьих, выявлено, что трансформация мирового порядка оказывает критическое влияние на развитие теорий и методов изучения международных отношений. Переход от однополярности к полицентризму, усиление роли негосударственных акторов, цифровизация мировой системы, геоэкономизация внешней политики - всё это требует обновления концептуального аппарата и гибридизации теоретико-методологических подходов.

Таким образом, первый раздел показывает, что современная международная наука развивается в направлении многопарадигмальности и междисциплинарности, что создаёт основание для углубленного анализа отношений США и Китая в дальнейших главах.

2 АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА НА ИССЛЕДОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ США И КИТАЯ

2.1 Трансформация американо-китайских отношений в условиях изменения структуры мирового порядка

Современные отношения между Соединёнными Штатами Америки и Китайской Народной Республикой - результат длительного процесса взаимного восприятия, стратегических расчётов и цивилизационных различий. Историческая динамика этих отношений отражает эволюцию мирового порядка: от биполярной конфронтации к полицентричной взаимозависимости.

В аналитических исследованиях Chatham House подчёркивается, что современное соперничество между Соединёнными Штатами и Китаем носит структурный и долгосрочный характер и отражает трансформацию международного порядка от либеральной модели к более фрагментированной системе с конкурирующими центрами силы [48]. Конфликт всё в большей степени разворачивается в сферах технологий, стандартов, цепочек поставок и институционального влияния, а не ограничивается торгово-экономическими разногласиями.

Отдельные исследования указывают, что борьба за глобальное технологическое лидерство становится ключевым измерением американо-китайского соперничества, поскольку контроль над инновациями и критической инфраструктурой напрямую влияет на перераспределение власти в мировой политике [49]. В этом контексте США стремятся сохранить существующие правила международного порядка, тогда как Китай продвигает более гибкую модель, ориентированную на суверенитет, стратегическую автономию и расширение собственного международного влияния [50].

В более широком теоретическом плане аналитики Chatham House отмечают, что формирование «конкурирующих видений международного порядка» приводит к ослаблению универсальности прежних норм и институтов и вынуждает государства среднего уровня адаптироваться к условиям затяжного соперничества великих держав. Таким образом, американо-китайская конкуренция рассматривается не как временный кризис, а как системный фактор трансформации мировой политики [50].

В выступлениях и программных публикациях Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев американо-китайские отношения рассматриваются как ключевой системообразующий фактор современной международной политики, определяющий конфигурацию глобальной стабильности и динамику трансформации мирового порядка. Глава государства Касым-Жомарт Токаев последовательно подчёркивает, что соперничество США и КНР выходит за рамки традиционных торгово-экономических разногласий и приобретает характер комплексного геополитического и геоэкономического

противостояния, затрагивающего вопросы безопасности, технологий и глобального управления.

Особое внимание в работах и заявлениях глава государства Касым-Жомарт Токаев уделяется рискам эскалации стратегического соперничества между Вашингтоном и Пекином, которое, по его оценке, способно привести к фрагментации международной системы и ослаблению универсальных норм многостороннего взаимодействия. В этой связи американо-китайские отношения интерпретируются им как один из центральных вызовов для поддержания международной стабильности и предотвращения формирования жёсткой биполярной конфронтации нового типа [32, 33].

В ряде работ глава государства Касым-Жомарт Токаев подчёркивает, что устойчивость мирового порядка в значительной степени зависит от способности США и Китая сочетать стратегическую конкуренцию с элементами сотрудничества, прежде всего в сфере глобальной безопасности и международных институтов. Таким образом, двусторонние отношения США и КНР в его концептуальном видении выступают не как изолированный конфликт, а как структурный элемент трансформации всей системы международных отношений, оказывающий прямое влияние на поведение других государств и международных акторов [34].

Кризис 2008 года стал водоразделом: в США он вызвал сомнение в эффективности либерального капитализма, а в Китае - убеждение в преимуществах государственного планирования. Экономическое лидерство Запада пошатнулось, а влияние Пекина выросло. Эта смена психологического баланса предопределила начало новой эры - эры «великой конкуренции», в которой обе державы впервые за полвека оказались на сопоставимых уровнях влияния.

Период после 2010 года стал поворотным в истории американо-китайских отношений. Если на предыдущем этапе преобладал прагматизм и «управляемое партнёрство», то начиная с президентства Барака Обамы взаимодействие стало определяться логикой структурного соперничества. На смену политике engagement («вовлечения») пришёл курс strategic competition - «стратегической конкуренции».

В основе конфликта - вопрос о глобальном лидерстве в XXI веке. США стремятся сохранить либеральный порядок, в котором они играют роль нормообразующего центра, тогда как Китай предлагает альтернативную модель глобализации, основанную на экономической взаимозависимости без идеологического давления.

Финансовый кризис 2008 года выявил уязвимость американской экономики и одновременно ускорил подъём Китая, чья государственная система планирования позволила быстро восстановить темпы роста. К 2014 году ВВП КНР по паритету покупательной способности превысил американский - этот факт символизировал сдвиг в мировой экономической иерархии.

Администрация Дональда Трампа (2017-2021) оформила переход к открытой торговой конфронтации. Были введены пошлины на китайский

экспорт, ограничения на доступ к технологиям, началась кампания против Huawei и других технологических компаний. США стремились замедлить индустриально-технологическое продвижение Китая, считая его угрозой национальной безопасности.

Ответом Пекина стала стратегия технологического суверенитета и программа Made in China 2025, направленная на развитие собственных инновационных отраслей - от микроэлектроники до искусственного интеллекта. Китайская сторона одновременно усилила международное экономическое присутствие, продвигая инициативу «Пояс и путь» (Belt and Road Initiative), которая охватила свыше 140 стран и превратилась в инструмент формирования новой геоэкономической архитектуры.

Экономическое соперничество приобрело глобальный системный характер. Оно стало не просто спором о торговом балансе, а борьбой за контроль над стандартами технологий, логистическими маршрутами и финансовыми потоками. В мировой политике началась «эра взаимозависимого противостояния»: обе державы тесно связаны экономически, но всё чаще используют эту взаимозависимость как средство давления.

Военно-политическая составляющая американо-китайских отношений также претерпела глубокие изменения. С начала 2010-х годов Китай ускоренно модернизировал вооружённые силы, уделяя внимание военно-морскому флоту, ракетным войскам и кибербезопасности. В ответ США активизировали свою Индо-Тихоокеанскую стратегию, нацеленную на сдерживание Китая и сохранение свободы судоходства.

Создание формата QUAD (США, Япония, Индия, Австралия) и альянса AUKUS (США, Великобритания, Австралия) стало проявлением попытки выстроить новую систему коллективного противовеса Пекину. Вашингтон постепенно возвращается к логике «баланса сил», но в условиях полицентричного мира эта логика уже не обеспечивает стабильности [35].

В ответ Китай усиливает военно-дипломатическую активность в Азиатско-Тихоокеанском регионе: проводит учения в Южно-Китайском море, развивает военно-техническое сотрудничество с Россией, Пакистаном и странами АСЕАН. Однако Пекин избегает прямой конфронтации, предпочитая стратегию «гибкой обороны» - создание условий, при которых внешнее давление становится избыточно дорогим для противника.

В теоретическом плане эти процессы можно описать через неореализм: в условиях ослабления американской гегемонии система балансирует вокруг нескольких центров силы. Но в отличие от классического реализма, современная конкуренция США и Китая разворачивается не только в военной, но и в цифровой, экономической и культурной плоскости.

К началу 2020-х годов технологический фактор стал ядром нового этапа противостояния. США продолжают контролировать ключевые узлы мировой технологической инфраструктуры - финансовые сети, интернет-протоколы, микропроцессоры; Китай строит параллельную экосистему, продвигая

цифровые платформы Huawei, ZTE, TikTok, Alibaba, развивая собственные стандарты искусственного интеллекта и криптотехнологий.

Борьба за технологическую гегемонию имеет не только экономическое, но и ценностное измерение. Вашингтон утверждает, что либеральная демократия и свободный рынок создают лучшие условия для инноваций; Пекин отвечает, что эффективность и стабильность важнее идеологической формы. Этот спор отражает столкновение мировоззрений: индивидуалистического и коллективистского, правового и административного, западного и конфуцианского.

В результате формируется новая ось мирового порядка - «технологическая биполярность». Америко-китайская конкуренция заходит далеко за пределы экономики, становясь борьбой за контроль над будущим - над нормами, стандартами, цифровыми потоками и человеческим сознанием.

США стремятся мобилизовать союзников для сохранения либерального порядка. В 2022 году создан Индо-Тихоокеанская экономическая рамочная программа (ИПЭФ), объединяющий 14 стран региона без участия Китая. Китай, в свою очередь, укрепляет инициативу РВЭП (Региональное всеобъемлющее экономическое партнёрство) - самое крупное торговое объединение в мире [35].

Таким образом, мировая экономика фактически разделилась на две взаимосвязанные, но конкурирующие экосистемы. США доминируют в сфере финансов, инноваций и военных технологий; Китай - в производстве, инфраструктуре и логистике. Эта дуалистическая структура напоминает «новый биполяризм», но в отличие от холодной войны он основан не на идеологической изоляции, а на взаимозависимом соперничестве.

С точки зрения методологии, данный этап требует интеграции геоэкономического, системного и конструктивистского подходов: геоэкономика объясняет борьбу за ресурсы и цепочки производства; системный анализ выявляет структурные закономерности конкуренции; конструктивизм показывает, как идеологические образы - «демократический порядок» и «гармоничный мир» - формируют стратегические установки акторов.

Геоэкономика стала ключевым измерением современного американо-китайского соперничества. Если в XX веке конкуренция велась за территории, то в XXI веке - за логистику, ресурсы, рынки и технологические цепочки. Эта борьба определяет характер мировой трансформации и является центральной для понимания новой структуры власти [35].

После 2008 года мировая экономика перестала быть исключительно либеральной: государства начали активно вмешиваться в торговые процессы, применяя инструменты протекционизма, санкций и экспортного контроля. США, ранее пропагандировавшие свободный рынок, теперь используют геоэкономическое оружие - тарифы, финансовые ограничения, блокировку доступа к технологиям. Эта стратегия направлена на замедление роста Китая и сохранение технологического лидерства Запада.

Первый масштабный торговый конфликт развернулся в 2018 году, когда администрация Дональда Трампа ввела пошлины на китайские товары общей

стоимостью более 360 млрд долларов. Китай ответил зеркально, ограничив импорт американских сельскохозяйственных продуктов и замедлив доступ американских компаний на свой рынок.

Эти действия нарушили глобальные производственные цепочки и привели к реструктуризации мировой торговли. Корпорации начали переносить часть производств из Китая в страны Юго-Восточной Азии - Вьетнам, Малайзию, Индонезию, создавая модель «Китай плюс один». Однако полностью заменить китайскую инфраструктуру оказалось невозможно: Китай сохранил роль «центрального узла» в глобальной логистике [35]. США стремятся сократить зависимость от китайских поставок стратегических товаров - микрочипов, редкоземельных металлов, аккумуляторов. Принятые в 2022 году Закон о снижении инфляции, Закон о микросхемах и науке направлены на возвращение высокотехнологичных производств в Америку. Однако в краткосрочной перспективе этот процесс сопровождается ростом себестоимости и нарушением цепочек поставок. Для Китая торговая война стала стимулом к экономическому самоутверждению. Пекин начал активную политику импортозамещения, поддержку национальных корпораций и создание финансовых механизмов, независимых от доллара. Ключевую роль играет программа Dual Circulation («двойное обращение»), предполагающая развитие внутреннего спроса при сохранении экспортной ориентации.

Энергетическая безопасность - ещё один важный элемент геэкономического соперничества. США, ставшие крупнейшим производителем нефти и газа (благодаря сланцевой революции), стремятся использовать энергорынок как инструмент внешней политики. Китай, наоборот, остаётся крупнейшим импортёром энергоресурсов, что делает его уязвимым к внешним шокам. Чтобы снизить зависимость от ближневосточных поставок, Пекин диверсифицирует маршруты импорта - строит трубопроводы через Центральную Азию и Россию, развивает терминалы СПГ, инвестирует в африканские и южноамериканские месторождения [90, с. 41]. Пример - нефтепровод Казахстан-Китай и газопровод «Сила Сибири», которые символизируют формирование новой энергетической оси Евразии.

США рассматривают эти проекты как вызов собственным интересам. В ответ Вашингтон усиливает давление на энергетические компании, участвующие в китайских инициативах, продвигает идею «энергетического партнерства» с Индией и странами Индо-Тихоокеанского региона. Таким образом, энергетическая политика превращается в инструмент стратегического маневрирования обеих держав. Одним из важнейших факторов современной мировой трансформации стала борьба за контроль над инфраструктурой - морскими портами, транспортными коридорами, спутниковыми системами и цифровыми сетями.

Китай через инициативу Belt and Road создал сеть сухопутных и морских маршрутов, связывающих Азию, Европу и Африку. США, напротив, продвигают проект Build Back Better World (B3W) Инициатива «Строим лучше, чем было» и Partnership for Global Infrastructure and Investment (PGII) Партнёрство по

глобальной инфраструктуре и инвестициям, предлагая альтернативу китайским инвестициям.

Эти инициативы отражают противоположные философии:

китайская модель основана на взаимовыгодном экономическом участии без политических условий;

американская - на принципах прозрачности, прав человека и долговой устойчивости.

В результате мировая инфраструктура становится ареной идеологического соперничества, а транспортные коридоры - геополитическими инструментами. Современная конкуренция США и Китая выходит за рамки экономики и безопасности, приобретая цивилизационно-идеологический характер. Речь идёт не только о борьбе за влияние, но и о столкновении представлений о справедливости, порядке, прогрессе и роли государства. Соединённые Штаты исторически строили свою внешнюю политику на идее “manifest destiny” - миссии по распространению демократии и свободы [90, с.41].

Этот нарратив стал основой либерального международного порядка, основанного на верховенстве права, правах человека и рыночной экономике. Вашингтон продолжает утверждать, что именно либеральная система обеспечивает стабильность и развитие. Однако после неудач в Ираке, Афганистане и Ливии авторитет либерального универсализма ослаб. Во внутренней политике США усилились процессы поляризации, что подорвало моральное лидерство страны. Тем не менее, через институты вроде НАТО, Всемирного банка, МВФ и международных НПО Америка продолжает формировать глобальные стандарты и задавать нормативный контекст мировой политики. Китай продвигает альтернативную идею глобализации - «сообщество единой судьбы человечества» (人类命运共同体), впервые представленную Си Цзиньпином в 2013 году. Эта концепция предполагает не конфронтацию, а гармонию, не унификацию, а взаимное уважение культур.

Отношения между двумя берегами Тайваньского пролива на протяжении более полувека остаются одной из ключевых геополитических проблем в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Вопрос независимости Тайваня, который Пекин неизменно относит к числу своих «ключевых интересов», традиционно рассматривается КНР как основное препятствие в развитии китайско-американских отношений. Однако с углублением экономической взаимозависимости между Китаем и США, а также после прихода к власти в Тайбэе администрации Ма Инцзю в 2008 году, «тайваньский вопрос» утратил статус главного раздражителя в двусторонних отношениях. Вместо него на первый план вышли разногласия, обусловленные ростом глобального влияния Китая и стратегией «возвращения США в Азию», что подчеркивает зависимость эволюции тайваньской проблемы от динамики китайско-американских отношений.

Следует отметить, что статус Китайской Республики отличается от других частично признанных государственных образований: на данный момент 17 стран, включая Ватикан, поддерживают дипломатические отношения с Тайванем

в его официальном качестве [90, с.42]. Историческая траектория «тайваньского вопроса» включает широкий спектр событий - от мирных переговоров и подписания соглашений до периодов острой конфронтации и угрозы военного столкновения, вплоть до потенциального применения оружия массового уничтожения. Несмотря на регулярные переговорные процессы, в настоящее время китайско-тайваньские отношения сложно охарактеризовать как стабильные: каждая сторона сохраняет твердую приверженность собственной позиции, а перспективы компромисса остаются неясными.

Роль Соединенных Штатов в тайваньском вопросе неизменно оставалась ключевой на всех этапах его развития. Этот региональный конфликт рассматривается как один из примеров американского вмешательства во внутренние дела других государств. Однако, с точки зрения Вашингтона, подобная внешнеполитическая активность обусловлена стремлением к распространению демократических ценностей и поддержке государств, разделяющих этот курс. По этой причине тайваньская проблема сохраняет свою актуальность, выходя за рамки вопроса о статусе острова и охватывая более широкий контекст стратегических интересов США и КНР.

В ближайшие годы приоритетом является сохранение дружественного характера американо-китайских отношений, тогда как в долгосрочной перспективе акцент делается на необходимость пересмотра внешнеполитической стратегии США в отношении Тайваня [91, с.634]. Исследователи подчеркивают, что, оставаясь приверженными укреплению американо-китайского диалога, Соединенные Штаты, как главный гарант демократии в мире, должны разработать альтернативные механизмы обеспечения безопасности Тайваня, что позволит минимизировать риск силового сценария со стороны КНР. «Тайваньский вопрос» традиционно занимает центральное место в американо-китайских отношениях, оказывая значительное влияние на динамику двустороннего взаимодействия. В последние годы американские аналитические центры разделяют развитие тайваньского вопроса на два этапа: краткосрочную и долгосрочную перспективу [92, с.44].

Несмотря на то, что эволюция данной проблемы во многом определяется позицией КНР, внешнеполитический курс США в отношении Тайваня основывался на собственных стратегических принципах, зачастую не учитывающих интересы Пекина [92, с.76]. На сегодняшний день Тайвань представляет собой устоявшуюся политическую единицу с самостоятельной системой управления, значительно отличающейся от китайской. В условиях нарастающей напряженности возможность военного столкновения между КНР и Тайванем остается предметом активного обсуждения среди аналитиков. Однако прогнозирование реакции США на возможный конфликт осложняется сложной дипломатической конфигурацией, определяемой одновременно американо-китайскими и американо-тайваньскими отношениями. Общепринятым среди исследователей является мнение, что в случае эскалации кризиса вероятно привлечение международных миротворческих сил, а главной задачей Вашингтона в ближайшей перспективе должно стать недопущение подобного

сценария [91, с.633]. Примечательным событием в развитии «тайваньского вопроса» стали заявления избранного президента США Дональда Трампа еще до его официального вступления в должность. В декабре 2016 года Тайвань неожиданно оказался в центре международного внимания после телефонного разговора Трампа с тайваньским лидером Цай Инвэнь, что нарушило сложившуюся дипломатическую традицию. Более того, в интервью телеканалу Fox Трамп заявил о возможном пересмотре политики «одного Китая» в зависимости от гибкости Пекина в торговых переговорах [93, с.1]. Для понимания значимости данных высказываний необходимо обратиться к историческому контексту. Вопреки распространенному мнению, Тайвань не является классическим частично признанным государством, поскольку формально никогда не объявлял о своей независимости. Тайваньская политическая идентичность основана на преемственности Китайской Республики, провозглашенной в 1911 году и первоначально включавшей всю территорию материкового Китая.

В 1895-1945 годах остров находился под юрисдикцией Японской империи, а после капитуляции Японии в 1945 году предполагалось его возвращение под управление китайских властей. Однако победа коммунистов в гражданской войне 1949 года изменила политическую реальность: руководство Гоминьдана во главе с Чан Кайши эвакуировалось на Тайвань вместе с двумя миллионами сторонников, продолжая рассматривать себя как законное правительство Китая [93, с.3]. Сохранение статуса-кво Тайваня во многом обусловлено вмешательством США. В декабре 1954 года был подписан американо-тайваньский Договор о взаимной обороне (Sino-American Mutual Defense Treaty), вступивший в силу в марте 1955 года. Согласно этому соглашению, стороны обязались «сохранять и развивать индивидуальную и коллективную способность противостоять вооруженному нападению и подрывным коммунистическим действиям». Тайвань предоставил Вашингтону право использовать свою территорию, воздушное и морское пространство в целях обороны. В январе 1955 года Конгресс США принял «формозскую резолюцию», закрепившую американские обязательства по защите территории Китайской Республики в случае военного вторжения со стороны КНР. Эти меры заложили основу долгосрочной политики США в отношении Тайваня, которая и по сей день остается ключевым фактором в стратегическом балансе сил в регионе [93, с.4].

После неудачи 1949 года в установлении контроля над Тайванем Пекин не оставил попыток вернуть остров, и в 1958 году предпринял еще одну военную операцию. Однако США вновь вмешались, хотя и не напрямую, а путем поставок вооружений Тайбэю. В течение почти двух десятилетий международное сообщество в своем большинстве признавало Китайскую Республику на Тайване в качестве единственного законного представителя китайского народа. Тайвань сохранял членство в ООН и обладал правом вето в Совете Безопасности. Однако в 1970-х годах Вашингтон начал постепенный процесс нормализации отношений с Пекином, что стало серьезным вызовом для тайваньского руководства. С учетом растущего влияния КНР США уже не могли игнорировать материковый

Китай. 1 января 1979 года Соединенные Штаты официально признали Китайскую Народную Республику, однако не отказались от поддержки Тайваня. В Шанхайском коммюнике 1972 года Вашингтон признал «стремление всех китайцев к единому и неразделенному Китаю» [93, с.7]. В апреле 1979 года президент Джимми Картер подписал Акт об отношениях с Тайванем (Taiwan Relations Act), который заменил утративший актуальность Договор о взаимной обороне. В этом документе Тайвань уже не фигурировал как «Китайская Республика», а определялся как территория, управляемая «тайваньскими властями».

В соответствии с этим актом были созданы фактические дипломатические представительства в Тайбэе и Вашингтоне, а США взяли на себя обязательство предоставлять Тайваню необходимое вооружение для обеспечения «самодостаточной обороны». Любые попытки изменить статус Тайваня немирными средствами, включая блокаду или эмбарго, были признаны Соединенными Штатами недопустимыми и вызовут их «крайнюю озабоченность» [93, с.9]. В 1982 году президент Рональд Рейган подтвердил «шесть гарантий» Тайваню, которые включали обязательства не прекращать поставки вооружений, не консультироваться с КНР по этому вопросу, не изменять положения Акта об отношениях с Тайванем, не выступать посредником между Пекином и Тайбэем, не оказывать давление на Тайвань в вопросе переговоров с КНР и, что наиболее важно, не признавать формально суверенитет КНР над Тайванем. Несмотря на политическое противостояние, отношения между Тайванем и материковым Китаем не прерывались полностью. Долгое время Тайбэй придерживался жесткой линии в отношении КНР.

В 1979 году, после дипломатической изоляции, Чан Кайши отказался от предложения Дэн Сяопина о прямом почтовом и авиационном сообщении между Тайванем и материком, а также развитии торговых связей. Однако в 1986 году власти Тайваня были вынуждены вступить в диалог с Пекином для урегулирования инцидента с угнанным самолетом. Вскоре сын Чан Кайши, Цзян Цзинго, позволил гражданам острова посещать материковый Китай для воссоединения с родственниками, что стало первым шагом к возобновлению контактов. Это привело к созданию в 1990 году Фонда обменов через Тайваньский пролив, курируемого Советом по делам материкового Китая. В ответ Пекин сформировал аналогичную структуру, и в результате ряда встреч было достигнуто взаимопонимание, известное как «Консенсус 1992 года». Согласно этому соглашению, обе стороны признавали существование единого Китая, но оставляли за собой право на его интерпретацию [93, с.12]. Однако политические изменения на Тайване привели к постепенному свертыванию контактов.

Китайский исследователь Е Цзычэн, широко известный своими геополитическими концепциями в анализе внешнеполитической стратегии КНР [78], в своей работе «Великая стратегия Китая» предложил периодизацию первых трёх десятилетий внешней политики Китайской Народной Республики (1949-1978 гг.) в рамках парадигмы стратегических союзов, или так называемой

«стратегии вступления в союзы» (结盟战略, jiémeng zhanlue). В соответствии с его трактовкой, данный период условно подразделяется на три этапа: с 1949 по 1958 гг. доминировала стратегия «склонения в одну сторону» (一边倒), предполагавшая тесный союз с Советским Союзом в оппозиции к США (与苏联结盟反美); в 1958-1968 гг. была реализована стратегия «двух линий» (两条线), направленная одновременно против США и СССР (反美也反苏联); и в 1969-1976 гг. КНР перешла к стратегии «одной линии» (一条线), ориентированной на сближение с Вашингтоном с целью противодействия советскому влиянию (联美反苏) [94, p.26]. Поворотной точкой стала победа Дэн Сяопина в партийной борьбе и выдвинутая им политика «реформ и открытости» в декабре 1978 г., которая ознаменовала переход к прагматичному курсу в международных отношениях. Уже в феврале 1979 г. были установлены официальные дипломатические отношения с США, что отразило новый вектор китайской внешнеполитической стратегии, ориентированный на тесное взаимодействие с Вашингтоном, сохраняющий свою значимость и по сей день.

С позиций реалистской школы международных отношений, мировой порядок определяется динамикой баланса сил и перераспределением мощи между ключевыми акторами международной системы. Сотрудничество в рамках этой парадигмы рассматривается не как проявление нормативной солидарности, а как производное от соперничества государств и их стремления к выживанию в условиях анархичной структуры международных отношений. Таким образом, распад Советского Союза и последующее смещение баланса в рамках конфигурации «большого треугольника» привели к закреплению однополярной гегемонии США в Восточной Азии. В отсутствие альтернативного центра силы, способного бросить вызов американскому доминированию, был институционализирован соответствующий порядок и поддерживается относительная стабильность в регионе [95, p.11]. Однако после глобального финансового кризиса 2008 г. обозначился значительный сдвиг в международном распределении силы, что стало основой для усиления обеспокоенности по поводу растущего глобального влияния Китая и возможного подрыва существующих режимов, возглавляемых США [55, p.2]. Уже с 2010 г. Китай занимает второе место в мире по объёму ВВП и первое - по паритету покупательной способности. Он стал ведущим торговым партнёром для 140 государств, что существенно превосходит аналогичные показатели США. Более того, Пекин подписал соглашения о партнёрских и стратегических отношениях с 100 странами [96, с.84].

При Си Цзиньпине китайская внешняя политика характеризуется более напористым стилем, особенно в Восточной Азии, где предпринимаются меры по ограничению военного присутствия США. Знаковым шагом стало учреждение в ноябре 2013 г. зоны идентификации противовоздушной обороны (ADIZ),

охватывающей спорные острова Сенкаку/Дяоюйдао в Восточно-Китайском море. Кроме того, реализация стратегии ограничения и воспреещения доступа и маневра (A2/AD) служит инструментом для сдерживания американской военной активности как в Восточно-Китайском, так и в Южно-Китайском морях. Экономическим продолжением такой стратегии стало учреждение в октябре 2013 г. Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АИВ), отражающего стремление КНР к институционализации своего экономического лидерства в Азиатско-Тихоокеанском регионе [87, с.38]. Президент Тайваня Цай Инвэнь последовательно отвергает требования КНР, ограничиваясь признанием «консенсуса 1992 года» исключительно как исторического факта. При этом она подчеркивает, что ее политика определяется волей тайваньских избирателей и основывается на положениях «Конституции Китайской Республики». В результате складывается двусмысленная ситуация: формально не объявляется независимость, но и обязательства перед КНР не признаются.

Современные молодые тайваньцы все чаще воспринимают Китайскую Республику как нечто символическое, исторический рудимент, а не действующий политический институт. Многие из них не идентифицируют себя как китайцы, что усугубляется очевидными культурными и социальными различиями с жителями материкового Китая. Формировавшиеся в различных идеологических и экономических системах, жители КНР и Тайваня имеют разное представление о мире, что становится особенно заметным при личных контактах, например, в туристической сфере. Хотя язык остается общим, различия все же присутствуют, в частности, в системе письменности: Тайвань сохранил традиционные иероглифы, в то время как материковый Китай перешел на упрощенную графику. Кроме того, политическая и социальная терминология, привычная для жителей КНР, зачастую непонятна тайваньцам [89]. В этих условиях на острове усиливаются призывы к отказу от таких обозначений, как «Китайская Республика» или «Китайский Тайбэй» (термин, используемый в международных организациях), в пользу простого и однозначного названия - Тайвань. Эти настроения вызывают обеспокоенность в Пекине, поскольку переход к официальному использованию названия «Тайвань» без привязки к Китаю рассматривается как шаг к формальному провозглашению независимости. Фактически, Тайвань обладает всеми атрибутами суверенного государства: стабильной экономикой, развитой политической системой и международными экономическими связями, которые во многом превосходят возможности ряда признанных государств. Тем не менее, позиция КНР остается неизменной: любое официальное провозглашение независимости Тайваня повлечет за собой немедленный военный ответ. Председатель КНР Си Цзиньпин и другие высокопоставленные китайские чиновники не раз подчеркивали, что Пекин не оставит без ответа подобное развитие событий. Однако остается вопрос: готов ли Пекин довести ситуацию до полномасштабного конфликта, и какова будет реакция Соединенных Штатов - основного гаранта нынешнего статус-кво Тайваня? С учетом стремительного роста военной мощи КНР в последние годы в случае открытого конфликта Тайваню будет трудно

удерживать оборону более нескольких недель, как признают сами тайваньские военные. Основная надежда острова заключается в том, что Вашингтон оперативно вмешается и окажет военную поддержку. Однако уверенность в этом шаге постепенно снижается: перспектива прямого военного столкновения с Китаем вызывает серьезные опасения в США, что делает вопрос об их потенциальном вмешательстве неопределенным [79].

На этом фоне избрание Дональда Трампа президентом США внесло дополнительную неопределенность в американо-тайваньские отношения. Вопреки устоявшемуся дипломатическому «этикету», он допустил возможность пересмотра политики «одного Китая», что вызвало резонанс как в Пекине, так и на Тайване. Если воспринимать слова Трампа буквально, отказ от концепции «одного Китая» может означать фактическое признание независимости Тайваня, особенно если власти острова, вдохновленные такой перспективой, решатся на официальный шаг. В этом случае вероятность военного столкновения с КНР станет практически неизбежной, что способно привести к серьезному региональному, а возможно, и глобальному кризису. Подобное развитие событий чревато новым расколом мирового сообщества, где, вероятно, большинство стран все же поддержат позицию Пекина, пусть и без особого энтузиазма.

Последствия возможного кризиса также будут тяжелыми для Тайваня: экономика острова критически зависит от экспорта и стабильных торговых связей, а любая военная эскалация неизбежно подорвет его экономические позиции. Туристическая отрасль, играющая важную роль в экономике Тайваня, также окажется под угрозой. В случае ухудшения ситуации вернуть прежний статус-кво будет крайне сложно, поскольку формальный отказ от независимости после ее провозглашения может не привести к восстановлению прежних отношений с Пекином.

С учетом всего этого остается открытым вопрос, действительно ли Дональд Трамп не осознает глубину проблемы, или же его заявления являются частью продуманной стратегии давления на Китай. Если верно последнее, то остается неизвестным, сработает ли этот расчет. Существует вероятность, что Си Цзиньпин может воспользоваться сложившейся ситуацией как предлогом для активных действий в отношении Тайваня, что, в свою очередь, укрепит его внутриполитические позиции, особенно на фоне экономических вызовов, с которыми сталкивается КНР.

Что касается реакции самих тайваньцев, то среди них есть те, кто рассматривает заявления Трампа как долгожданный сигнал к кардинальным изменениям. Они надеются, что Вашингтон и международное сообщество, наконец, перейдут от деклараций о поддержке демократии на острове к более активным действиям. Однако остается вопрос, насколько реальны эти ожидания и действительно ли США готовы пересмотреть свои обязательства перед Тайванем в условиях возрастающего давления со стороны КНР [93, с.13]. Хотя сторонников официального провозглашения независимости Тайваня относительно немного, они существуют. Эти группы убеждены, что остров

должен активнее работать над формированием позитивного имиджа в США, стремясь заручиться поддержкой будущего американского президента.

Однако большинство тайваньских аналитиков воспринимают нынешнюю ситуацию с настороженностью, полагая, что Дональд Трамп, скорее всего, использует Тайвань как инструмент давления на Китай в торговых переговорах. В этом контексте возникает риск того, что Тайвань окажется в уязвимом положении - играя роль разменной монеты в соперничестве двух сверхдержав, он может в конечном итоге остаться без поддержки Вашингтона перед лицом китайского давления. Таким образом, несмотря на внешне позитивные сигналы, реальная ситуация для Тайбэя лишь усложняется. Политические маневры Трампа, особенно если они действительно направлены на возможное дипломатическое признание Тайбэя вместо Пекина, могут привести к серьезным негативным последствиям для острова. Подобное развитие событий не только подорвет сложившийся статус-кво, но и создаст дополнительные препятствия для возможного диалога между Тайванем и КНР.

Процесс примирения двух берегов Тайваньского пролива, который и без того переживает период стагнации, может оказаться полностью свернутым [93, с. 21]. В более широком контексте встает вопрос о том, каким будет дальнейший курс США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Останется ли он ключевым стратегическим приоритетом для Вашингтона? Насколько далеко готов зайти Трамп в обеспечении свободы судоходства в Южно-Китайском море, которое Пекин рассматривает в качестве своей территории? Как изменится торговая политика США в регионе, учитывая отказ администрации Трампа от Транстихоокеанского партнерства? Эти вопросы вызывают обеспокоенность не только на Тайване, но и в Японии - одном из важнейших союзников США в регионе. Японские власти также встревожены позицией Трампа, особенно его предвыборными заявлениями о возможном прекращении военной поддержки Японии, если Токио не возьмет на себя полное финансирование американских военных баз. Для японского общества вопрос иностранного военного присутствия остается крайне чувствительным. После Второй мировой войны Япония конституционно ограничила свою армию, ограничившись только «Силами самообороны».

В этих условиях дислоцированные на Окинаве американские войска играют ключевую роль в обеспечении безопасности страны. Хотя присутствие военных США периодически вызывает протесты среди местного населения из-за ряда инцидентов, оно также служит гарантом стабильности как для самой Японии, так и для стран региона, пострадавших от японской агрессии в первой половине XX века. Если США действительно сократят свое военное присутствие в регионе, это может привести к серьезным изменениям в стратегическом балансе сил. Некоторые японские политические круги воспримут подобный шаг как возможность для пересмотра ограничений, наложенных на японскую армию. Премьер-министр Синдзо Абэ уже неоднократно выражал намерение изменить девятую статью Конституции, ограничивающую военный потенциал страны.

Для этого потребуется общественная поддержка и референдум, однако необходимые настроения в обществе постепенно формируются.

При наличии соответствующих финансовых и технологических ресурсов Япония способна в кратчайшие сроки нарастить военную мощь, что приведет к появлению нового серьезного противника для Китая в регионе [93, с.25]. В более краткосрочной перспективе Тайвань, чье существование во многом зависит от американской поддержки, с тревогой наблюдает за развивающимися событиями. Учитывая потенциальные геополитические риски, более пристальное внимание к ситуации в регионе следует проявлять и другим государствам, включая Россию. В случае обострения ситуации Пекин, вероятно, попытается заручиться поддержкой Москвы в вопросе «воссоединения Родины». Однако тайваньский вопрос слишком сложен и имеет множество исторических нюансов, чтобы рассматривать его исключительно как внутреннее дело Китая.

Россия, в свою очередь, заинтересована в развитии конструктивных отношений как с КНР, так и с Японией. Политика президента Владимира Путина, направленная на укрепление российско-японских связей, вызывает определенное недовольство в Пекине, что свидетельствует о тонком балансе в региональной дипломатии. Отдельным аспектом остается ситуация в Южно-Китайском море, где Китай продолжает проводить политику, игнорирующую мнение соседних государств. Пекин считает эти воды своей территорией, что периодически приводит к конфликтам с такими странами, как Вьетнам и Филиппины. Пока присутствие американских военно-морских сил сдерживает активность КНР, но их возможный уход может привести к эскалации напряженности. Гипотетическое ослабление роли США в регионе в целом может соответствовать российским стратегическим интересам.

Однако такой сценарий должен сопровождаться надежными международными гарантиями, обеспечивающими Тайваню защиту от силового давления со стороны Китая. В противном случае любое изменение статус-кво может привести к дестабилизации региона и созданию новых угроз для глобальной безопасности [94, р.26]. К концу 1990-х годов тайваньская ядерная программа, развивавшаяся с высокой степенью секретности, была обнародована, что вызвало резкую реакцию со стороны США. Под давлением Вашингтона Тайбэй был вынужден свернуть реализацию соответствующего проекта [97]. Однако, по мнению ряда экспертов, Тайвань и поныне сохраняет технологический потенциал, позволяющий при необходимости в короткие сроки развернуть программу по созданию ядерного оружия. В контексте обострившейся международной ситуации, в особенности на фоне конфликта в Украине и усиления военных амбиций КНР, в тайваньском обществе и научных кругах наблюдается рост дискуссий по поводу целесообразности обладания Тайванем собственным ядерным потенциалом [98].

Некоторые тайваньские аналитики считают, что обладание таким арсеналом могло бы служить инструментом обеспечения национальной безопасности и фактором стратегического сдерживания в регионе. В аналогичном ключе выступает и американский эксперт Иэн Истон, который в

одном из своих интервью провёл параллель между Тайванем и Израилем. Последний, обладая ядерным оружием, обеспечивает себе относительную безопасность от внешней агрессии, несмотря на окружение более мощными государствами. С этой точки зрения, наличие ядерного потенциала могло бы усилить позиции Тайбэя в условиях региональной турбулентности [99].

Однако для Пекина такая перспектива является категорически неприемлемой. КНР последовательно наращивает свои оборонные мощности, что воспринимается на Тайване как прямая угроза [100]. Согласно последним данным, Пекин планирует утроить свой ядерный арсенал к 2035 году, что ещё более усиливает напряжённость в регионе [101]. Эти процессы акцентируют стратегическую значимость Тайваньского вопроса не только для КНР, но и для США. На фоне усиливающегося соперничества между Вашингтоном и Пекином, Тайвань всё чаще оказывается в эпицентре геополитических дебатов. После очередного витка кризиса, отношения между Китаем и США перешли в стадию острой конфронтации, что потребовало от сторон дополнительных дипломатических усилий для стабилизации ситуации. В июле американский Конгресс принял резолюцию, подтверждающую обязательства США по обеспечению безопасности Тайваня, в то время как Палата представителей рекомендовала воздержаться от применения силы в отношении острова, тем самым обозначив поддержку статуса-кво [102].

Таким образом, Вашингтон продолжает политику стратегического баланса: с одной стороны, он стремится не допустить эскалации конфликта с КНР, с другой - демонстрирует твёрдую приверженность поддержке Тайбэя и его демократического развития. Признание же Тайваня в качестве суверенного государства было бы выгодным шагом для США и их союзников, однако неизбежно вызвало бы жесткое противодействие со стороны Китая. С учётом концепции «одного Китая», Тайвань остаётся для Пекина краеугольным камнем внешнеполитической стратегии и важнейшим, до сих пор нерешённым вопросом национального суверенитета. Следует подчеркнуть, что после возвращения Гонконга под юрисдикцию КНР в 1997 году идеологема «Один Китай» получила дальнейшее развитие в концепции «одна страна - две системы» (一国两制), которая была предложена как универсальная формула для реинтеграции территории с особым политико-экономическим статусом, включая Тайвань [103]. Несмотря на усилия Пекина, Тайбэй, прошедший путь демократизации и глубоких экономических реформ, начал все активнее воспринимать себя в качестве самостоятельного политического субъекта, а не части единого китайского государства.

В 2000 году новоизбранный президент Чэнь Шуйбянь в своей инаугурационной речи дал обещание воздерживаться от официального провозглашения независимости Тайваня. Тем не менее, в политическом дискурсе острова все чаще звучали предложения о проведении референдума по вопросу государственного суверенитета. Кульминацией данного курса стало упразднение в 2006 году Совета национального объединения, действовавшего с 1990 года,

что, по мнению Пекина, означало утрату доверия к обязательствам администрации Чэня относительно сохранения статус-кво [104].

В ответ на эти вызовы, в 2005 году КНР приняла Закон «О противодействии расколу страны» (反分裂国家法), который юридически закрепил возможность применения вооружённой силы в случае попыток Тайваня провозгласить независимость. Этот шаг вызвал озабоченность со стороны Вашингтона и Токио, которые официально включили Тайвань в зону своих совместных стратегических интересов. В их интерпретации, усиливающееся военное присутствие КНР и давление на Тайбэй могли привести к дестабилизации обстановки в Азиатско-Тихоокеанском регионе [105]. В этом контексте Соединённые Штаты сохраняют ключевую роль в обеспечении баланса сил в Тайваньском проливе, выступая в качестве гаранта региональной безопасности [105].

С приходом к власти Ма Иньцзю (2008-2016), наблюдалось относительное снижение уровня напряжённости в китайско-тайваньских отношениях. Одним из значимых событий в этом направлении стала первая за более чем пятьдесят лет встреча лидеров КНР и Тайваня в 2015 году. Несмотря на развитие экономического и культурного сотрудничества, стороны не смогли достичь прогресса по наиболее чувствительным вопросам, связанным с политическим статусом острова. С позиций Пекина, Тайбэй продолжает курс на фактическое обособление, в то время как КНР стремится к мирной реинтеграции Тайваня в рамки китайского государства. Обе стороны продолжают ссылаться на так называемый «консенсус 1992 года» (九二共识) как основу взаимодействия, однако его интерпретации в Пекине и Тайбэе существенно различаются.

Это расхождение усугубляет взаимные обвинения в нарушении достигнутых договорённостей. США, в свою очередь, продолжают подчёркивать важность соблюдения договорных рамок и принципа «одного Китая». Однако разногласия в трактовке этого принципа по обе стороны Тайваньского пролива, а также активная поддержка Тайваня со стороны Вашингтона, создают постоянное напряжение в стратегическом треугольнике КНР-США-Тайвань и препятствуют устойчивому урегулированию ситуации. Одним из поворотных моментов в обострении американо-китайских отношений стал телефонный звонок от главы Тайваня Дональду Трампу, на тот момент избранному президенту США, а также последовавшая за этим публикация в социальной сети. Эти действия вызвали резкую реакцию Пекина и поставили двусторонние отношения на грань дипломатического кризиса. В ответ Белому дому пришлось вновь подтвердить приверженность ранее достигнутым договоренностям, включая политику «одного Китая» [106]. В дальнейшем Трамп выступил с заявлением, в котором выразил сомнение в необходимости для США продолжать следование данной политике в контексте отношений с Тайванем, фактически подвергнув сомнению устоявшуюся основу взаимодействия с Пекином [107, p.83].

Углубление противоречий между двумя державами нашло отражение и в экономической плоскости: во время президентства Трампа началась торговая

война между США и КНР, продиктованная стремлением Вашингтона сократить торговый дефицит и защитить американский рынок [108, p.85]. Однако анализ хода торговой конфронтации показывает, что обе стороны проявляли определённую осторожность в принятии ограничительных мер, что свидетельствует о взаимной зависимости и высоком уровне экономической взаимосвязанности [108, p.86]. В период с 2018 по 2019 годы в результате введения тарифов объёмы двусторонней торговли существенно сократились [109, p.52].

Тем не менее, уже в 2020-2021 гг., несмотря на глобальный кризис, вызванный пандемией, наблюдалось восстановление и рост товарооборота между двумя странами, что подтверждает устойчивость торговых связей [108, p.87]. Протекционистская политика, реализованная США, принесла определённые результаты для внутреннего рынка, однако продемонстрировала и пределы возможностей американской экономической дипломатии.

В то же время Китай, столкнувшись с внешним давлением, предпринял активные шаги по расширению собственной экспортной географии, диверсификации рынков сбыта, а также по развитию внутреннего технологического и инновационного потенциала. Пекин значительно укрепил экономическое взаимодействие с государствами АСЕАН и странами Латинской Америки, что стало частью долгосрочной стратегии по снижению зависимости от западных рынков. Несмотря на торговые споры, США по-прежнему остаются одним из ключевых внешнеэкономических партнёров Китая, что отражает высокую степень взаимозависимости двух экономик.

Показательно, что объёмы торговли между КНР и Тайванем достигли рекордных показателей по итогам 2021 года, увеличившись на 27,3% [38], что подтверждает устойчивый характер экономических связей, несмотря на политические противоречия. Тайвань входит в число десяти крупнейших торговых партнёров как для Китая, так и для США [110, p. 10], что придаёт ситуации вокруг острова дополнительную геоэкономическую значимость. Соединённые Штаты продолжают усиливать своё стратегическое присутствие в Азиатско-Тихоокеанском регионе, выстраивая сеть альянсов и партнёрств, направленных на сдерживание растущего влияния КНР.

В числе ключевых партнёров Вашингтона в регионе находятся государства Океании, отдельные члены Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), а также Япония, Республика Корея и Тайвань. Эти страны играют важную роль как в обеспечении региональной безопасности, так и в продвижении американских интересов в АТР [108, p.89]. В 2022 году между Тайванем и Соединёнными Штатами были инициированы переговоры в рамках совместной инициативы по торговле XXI века, направленной на упрощение процедур и устранение барьеров в двусторонней торговле. Эта инициатива отражает стремление Тайбэя к более глубокой интеграции в региональные экономические механизмы, в частности в систему Транс-Тихоокеанского партнёрства, из которого США вышли в 2017 году. В перспективе подобные инициативы могут привести к созданию зоны свободной торговли между

Тайванем и Соединёнными Штатами, что, безусловно, вызывает обеспокоенность Пекина. Усиление торгового сотрудничества между Вашингтоном и Тайбэем способствует экономической автономии Тайваня и укреплению его позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе, подрывая китайскую стратегию по изоляции острова в международной системе.

В американском экспертном сообществе продолжаются дискуссии о стратегической значимости Тайваня для внешней политики США. С одной стороны, существует точка зрения, согласно которой Тайвань представляет собой скорее фактор дестабилизации в американо-китайских отношениях, нежели актив стратегического характера. Сторонники данной позиции считают, что учитывая возросшие риски прямой конфронтации с КНР, Соединённым Штатам следует пересмотреть свою политику в сторону деэскалации и восстановления стабильного диалога с Пекином. С другой стороны, альтернативный подход предполагает, что отказ от поддержки Тайваня в условиях усиления международных позиций Китая может нанести ущерб региональной архитектуре безопасности, ослабив влияние США и их союзников в АТР [109, p.51]. В условиях сложившегося геополитического баланса Вашингтон, по сути, реализует «симптоматическую» политику, балансируя между необходимостью сдерживания амбиций Пекина и поддержанием обороноспособности Тайваня, избегая при этом прямого военного столкновения.

2.2 Сравнительный анализ теоретических интерпретаций динамики и этапов отношений США и Китая

Можно утверждать, что Китай сформировался в контексте системы баланса сил между капитализмом и социализмом. В этом процессе Коммунистическая партия Китая сыграла ключевую роль, участвуя в анти-японской войне сопротивления (1937-1945 гг.) и затем в гражданской войне с Гоминьданом (1946-1949 гг.), возглавляемым Цзян Цзешу (Чан Кайши), который получал значительную поддержку от США, как в финансово-экономическом, так и в военно-политическом плане. Вследствие этих исторических событий психология военной организации и доминирование силы в внешней политике закрепились в сознании китайских лидеров на многие десятилетия.

После создания Китайской Народной Республики (КНР) и последующего участия сотен тысяч китайских добровольцев в Корейской войне (1950-1953 гг.), где они сражались с вооружёнными силами США в составе Объединённых сил ООН, двусторонние отношения между Китаем и США приобрели антагонистический характер. Это также повлияло на длительное отсутствие дипломатического признания КНР со стороны США, других западных стран и многих развивающихся государств [9, с.193]. Этот эпизод демонстрирует усиливающееся военное соперничество между КНР и США в регионе Большой Восточной Азии. Недавний инцидент в акватории, прилегающей к острову Окинава, где в непосредственной близости (примерно в пяти километрах) от американской авианосной группы всплыла китайская подводная лодка, стал ярким проявлением возросших возможностей ВМС Китая. Данное событие

свидетельствует не только о возросшем уровне амбиций Пекина в регионе, но и о том, что стратегическое соперничество между США и КНР продолжает набирать обороты [111, с.165].

В последние годы противостояние между двумя крупнейшими державами за влияние в Юго-Восточной Азии стало более очевидным. Если ранее инициатива преимущественно находилась в руках Китая, который последовательно расширял свое экономическое и военно-политическое присутствие в регионе, то в последнее время Вашингтон предпринимает активные шаги для сдерживания Пекина и укрепления своих позиций. Стратегическая значимость ЮВА объясняется не только его географическим положением на пересечении Индийского и Тихого океанов, но и экономическими факторами: регион выступает одним из крупнейших центров глобального экономического роста, обладает богатейшими природными ресурсами и формирует один из наиболее перспективных потребительских рынков с населением более 500 миллионов человек.

На протяжении десятилетий Соединенные Штаты совместно с Японией сохраняли значительное влияние в ЮВА, обеспечивая устойчивость существующего регионального порядка. Созданная в 1967 году Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) во многом находилась под влиянием американо-японского альянса. Китай, напротив, долгое время воспринимался как ревизионистская сила, угрожавшая стабильности региона, особенно в 1960-1970-е годы, когда Пекин активно поддерживал местные коммунистические движения. В 1980-х годах ситуация изменилась: КНР начала активно расширять свое присутствие в Южно-Китайском море, что привело к территориальным конфликтам с Филиппинами (риффы Мисчиф) и Вьетнамом (Парасельские острова). На тот момент подобные столкновения казались достаточным фактором для ограничения китайского влияния в ЮВА.

Однако, в последние десятилетия произошло два ключевых сдвига, изменивших баланс сил: ослабление американского военного потенциала в регионе и превращение Китая в ведущего экономического и политического игрока Восточной Азии. В результате статус-кво, сохранявшийся долгие годы, начал разрушаться, причем на начальном этапе Вашингтон, по-видимому, недооценивал масштабы происходящих изменений. США, будучи сосредоточены на других приоритетных направлениях внешней политики, рассматривали ЮВА скорее как стабильный регион с прочными американскими позициями, а не как арену стратегического соперничества. Однако, по мере того как влияние Китая начало возрастать, Вашингтон был вынужден пересмотреть свою региональную стратегию и усилить военно-политическое присутствие.

Одним из главных направлений американской стратегии стало наращивание военной мощи в Тихоокеанском регионе. В настоящее время в Тихом океане находится четыре авианосные группы, а также почти 60% всех американских ядерных подводных сил [111, с.165]. Дополнительно в регион из Атлантики перебрасываются шесть субмарин. В 2005 году началась передислокация истребителей F-15 и бомбардировщиков B-2 на военно-

воздушную базу на острове Гуам - ту самую базу, с которой в 1960-е годы вылетали бомбардировщики В-52 для нанесения ударов по Вьетнаму [112]. Впервые после окончания Вьетнамской войны в регионе достигнута столь высокая концентрация американских военных кораблей. Пентагон в своем докладе 2006 года прямо обосновал необходимость увеличения военного присутствия «возрастающей стратегической угрозой со стороны Китая» [113].

В то же время Китай активно развивает военно-политическое и экономическое сотрудничество с государствами АСЕАН. В мае 2006 года были подписаны декларации, направленные на укрепление взаимодействия между КНР и ЮВА, включая Декларацию о дружбе и сотрудничестве и Пекинскую декларацию о молодежном сотрудничестве. Китай также приступил к практике регулярных совместных военных учений с государствами региона, включая Филиппины (2007 г.) [113]. Признаком растущего китайского влияния является и то, что офицеры вооруженных сил стран АСЕАН все чаще изучают китайский язык, проходят стажировки в подразделениях Народно-освободительной армии Китая (НОАК) и осваивают совместные военные стратегии. Исследователи Университета национальной обороны США отмечают, что объем помощи КНР таким стратегически важным странам, как Индонезия и Филиппины, уже превысил аналогичные американские показатели.

Особое внимание Китай уделяет развитию отношений с Сингапуром - одним из ключевых союзников США в регионе. Пекин стремится одновременно углублять научные и культурные связи с этой страной, используя концепцию «общекитайских ценностей», и оказывать давление с целью снижения уровня взаимодействия Сингапура с Тайванем. В 2006 году КНР и Сингапур подписали соглашение о научных и культурных обменах, а также начали обсуждение создания зоны свободной торговли. Учитывая, что Сингапур является крупнейшим инвестором китайской экономики среди стран АСЕАН, отказаться от такого сотрудничества ему крайне сложно. Вместе с тем Китай продолжает настаивать на официальном признании политики «одного Китая» [112].

Таким образом, Пекин использует в ЮВА комплексный подход, сочетая экономическое партнерство с элементами «мягкой силы» и демонстрацией военной мощи. Стратегия Китая сочетает политику «кнута и пряника», что в условиях углубляющейся интеграции в региональную систему международных отношений делает ее все более эффективной. Важным элементом этой стратегии является формирование атмосферы доверия среди элит и широких слоев населения стран АСЕАН. Основы для этого были заложены еще в 1997-1998 годах, когда во время финансового кризиса КНР отказалась от девальвации юаня и оказала значительную экономическую помощь пострадавшим государствам региона. Сегодня в Пекине осознают, что укрепление доверия возможно лишь на основе долгосрочной стратегии примирения и равноправного партнерства. В то же время Китай все активнее продвигает концепцию «азиатского национализма», позиционируя себя как державу, способную отстаивать интересы азиатских стран перед лицом внешних вызовов [112].

В результате окончания холодной войны рухнула биполярная система международных отношений. В свою очередь, это повлекло за собой коренные изменения баланса сил в мире. Начался период американской монополярности, США получили колоссальное преимущество в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Вашингтон стал абсолютным гегемоном в бассейне Тихого океана. КНР оказалась в условиях необходимости приспособления к изменившемуся мировому порядку, первостепенной стала задача сохранения и защиты социалистического строя в Китае, недопущение развития событий по советскому сценарию. Главный ресурс, на который она опиралась - это военная мощь. Стратегия внешней политики Советского Союза определяла и стратегию внутреннего развития, заставляя советскую экономику встать на военизированный путь. Эти сдвиги проявились в качественных улучшениях в двусторонней и многосторонней дипломатии Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе, что успешно позволило Пекину продемонстрировать свой благоприятный образ.

Американские официальные лица и эксперты мало верили в будущее Китая в качестве мировой державы и не могли предположить намерений Китая изменить преобладающую международную систему и угрозу интересам США [102]. По мере роста экономической мощи Китая и, как следствие, изменения политической среды стали увеличиваться и глобальные интересы КНР, изменилась её внешнеполитическая риторика.

КНР в процессе достижения экономического развития и повышения уровня жизни китайского народа в течение следующих лет не будет дестабилизировать международный порядок или угнетать своих соседей в Азиатско-Тихоокеанском регионе [102]. Несмотря на совершенно неагрессивную трактовку термина «возвышение» китайской стороной, на Западе концепция была воспринята неоднозначно, поскольку ставила под сомнение Американскую гегемонию в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Среди американских учёных распространилось представление о надвигающейся «китайской угрозе», которая бросает вызов монополярности мироустройства. В данных обстоятельствах китайское руководство решает отойти от концепции «мирного возвышения» к концепции «мирного развития» (和平发展 hépíng fāzhǎn), однако концепция не претерпела серьёзных изменений в содержательном плане, большинство американских экспертов уверены, что это был лишь вопрос терминологии [113].

В 2017 году администрация Дональда Трампа представила ряд стратегических документов, определяющих ключевые направления внешнеполитического курса США. Одним из наиболее значимых из них стала «Стратегия национальной безопасности», опубликованная в конце 2017 года [113]. Значительное внимание в данном документе уделено Азиатско-Тихоокеанскому региону (АТР), в отношении которого администрация Трампа предложила реализацию так называемой «Индо-Тихоокеанской стратегии». Данный концепт, нацеленный на расширение традиционного понимания АТР, в

действительности означал усиление американского присутствия в регионе, прежде всего за счет активизации военно-политических инструментов влияния.

Основной причиной подобного курса стало усиление позиций Китая в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, в частности, размещение военной инфраструктуры на спорных территориях, находящихся под контролем Пекина [113]. Китайские притязания распространяются на 90% акватории Южно-Китайского моря, однако они были оспорены в Международном суде в Гааге на основании Конвенции ООН по морскому праву. В июле 2016 года суд вынес решение, отвергающее территориальные претензии КНР [114]. Несмотря на это, Пекин отказался признавать постановление, вновь подтвердив «непререкаемый» суверенитет Китая над данными территориями.

Данный фактор указывает на низкую вероятность урегулирования территориальных споров в Восточно-Китайском море в обозримой перспективе. В частности, КНР продолжает оспаривать территориальную принадлежность островов Сенкаку (Дяоюйдао), на которые претендует Япония. Следует отметить, что сама концепция «Индо-Тихоокеанской стратегии», закреплённая администрацией Трампа, была первоначально предложена премьер-министром Японии Синдзо Абэ. Впервые он изложил ее основные положения в 2007 году в своей речи перед индийским парламентом во время первого премьерского срока [114]. Сегодня Тихий и Индийский океаны взаимно влияют друг на друга, создавая условия для свободы и процветания. Концепция «Большой Азии», которая уже выходит за пределы своих географических границ, начинает обретать четкие очертания. Обе страны обладают возможностью расширить эту территорию ещё дальше, и их ответственность заключается в поддержке и развитии этого пространства двух океанов, превращая его в зону открытости [114].

Президент Трамп проводит политику протекционизма, отказываясь от идеи «глобализма» и, несмотря на официальные заявления США о приверженности «порядку, основанному на правилах», активно отстаивает интересы американского суверенитета. Концепция «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» была впервые детализирована министром обороны США Джеймсом Мэттисом на ежегодном Азиатском саммите по безопасности (Диалог Шангри-Ла).

В своём выступлении он выделил четыре ключевых аспекта, которые в значительной степени совпадают с подходами Японии, Австралии и Индии: «море является всеобъемлющим благом, а морские торговые пути - артериями экономической жизни, необходимыми всем странам. США будут содействовать партнёрам в создании морского потенциала и обеспечении соблюдения международных норм с целью мониторинга и защиты существующего порядка на море, а также интересов стран региона; мы будем стремиться к большей интеграции наших вооружённых сил с вооружёнными силами других государств; поддерживаем укрепление верховенства права, развитие гражданского общества и открытость в регулировании; США намерены совершенствовать финансовые и инфраструктурные институты, признавая

необходимость увеличения инвестиций в эти сферы» [114]. США продолжают укреплять оборонное сотрудничество с Индией как на двустороннем уровне, так и через многосторонние механизмы, включая ежегодные военно-морские учения «Малабар» с участием США, Японии и Индии. В дополнение к этому, в рамках Инициативы в области морской безопасности Юго-Восточной Азии, объявленной в 2015 году с бюджетом в 425 млн долларов, Вашингтон оказывает содействие ключевым государствам АСЕАН, таким как Вьетнам, Филиппины, Малайзия и Индонезия, в развитии их морских возможностей. Эти меры представляют собой ответ на растущую активность Китая в Южно-Китайском море и координируются с Японией и Австралией.

Однако реализация американской стратегии балансирования Китая и укрепления регионального порядка сталкивается с серьезными вызовами. В Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) сохраняется структурное несоответствие между динамичным экономическим развитием и нарастающими вызовами в сфере безопасности. С одной стороны, продолжается экономическая интеграция: внутри региона осуществляется более 53 % торговых операций, увеличиваются межрегиональные инвестиции, а совокупный объем экономики оценивается в 20 трлн долларов. С другой стороны, ситуация в сфере безопасности остается сложной: регион характеризуется нерешенными территориальными спорами, высоким уровнем недоверия, ростом национализма и милитаризацией. Эти тенденции привели к гонке вооружений, особенно в морской сфере. Несмотря на глобальное замедление роста военных расходов, страны Азии инвестируют в оборонный сектор значительно больше, чем европейские государства.

При этом Китай остается крупнейшим торговым партнером практически всех ведущих экономик региона, включая Японию, Южную Корею, страны АСЕАН, Индию и Австралию. Экономическая взаимозависимость формирует предпосылки для создания всеобъемлющей региональной экономической архитектуры, в то время как инклюзивная система безопасности представляется менее вероятной. Помимо торговых связей, китайская инициатива «Один пояс, один путь» предлагает странам региона дополнительные стимулы для сотрудничества, охватывая широкий спектр проектов от Южной Азии до государств АСЕАН. Хотя методы Китая, включая элементы принуждения, вызывают определенное беспокойство среди соседних стран, у большинства участников региональной системы отсутствуют альтернативные стратегии, кроме как искать пути взаимодействия с Пекином.

Таким образом, с точки зрения Вашингтона, Индо-Тихоокеанский регион (ИТР) представляет собой стратегически важное пространство, где экономические, политические и военно-стратегические интересы ключевых акторов пересекаются, формируя сложную систему многоуровневых взаимодействий «от западных берегов Индии до западного побережья США» [114]. Индо-Тихоокеанский регион (ИТР) занимает центральное место в стратегии США, поскольку его контроль позволяет уравновешивать растущее влияние Китая в Восточной Азии - ключевом геополитическом центре Азиатско-

Тихоокеанского региона (АТР). Восточная Азия играет роль естественной оси АТР, и доминирование в этом пространстве предоставляет возможность проецировать влияние не только на региональном, но и на глобальном уровне. В этом контексте границы ИТР во многом совпадают с зоной ответственности Тихоокеанского командования США.

Как подчеркивает И. Кравченко, эксперт Российского совета по международным делам, стратегическое переосмысление региона Соединенными Штатами связано с необходимостью создания противовеса растущему влиянию Китая и обеспечения сохранения американского лидерства в международной системе. В контексте президентства Трампа это выражается в стремлении установить более тесное взаимодействие с ведущими странами региона. Конкретно речь идет о формировании оси, объединяющей США, Индию, Японию, Южную Корею и Австралию, с учетом их противоречий с Китаем. Пекин активно развивает военные базы на новых островах в Южно-Китайском море и оказывает значительное влияние через спонсирование портовых проектов в Пакистане и на Шри-Ланке. Это нарастающее влияние Китая вызывает обеспокоенность в Индии и других странах региона, у которых имеются нерешенные вопросы с КНР [115, с.118].

Преемник Дональда Трампа на посту президента США, Джо Байден, также обозначил отношения с Китаем в качестве ключевого геополитического вызова для США в XXI веке. Это свидетельствует о преемственности внешнеполитического курса Вашингтона, в котором Индо-Тихоокеанский регион (ИТР) продолжает оставаться приоритетным направлением американской дипломатии и стратегии безопасности. В данном контексте администрация Байдена фактически развивает и адаптирует концепцию Индо-Пацифики, заложенную при Трампе, с целью укрепления позиций США в регионе и сдерживания нарастающего влияния Китая «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», Ключевой целью данной стратегии является сдерживание амбиций Китая на лидерство, а также ограничение его возможностей за счёт консолидации поддержки со стороны союзников и партнёров США.

Во «Временном стратегическом руководстве» отмечается, что КНР демонстрирует всё большую напористость и рассматривается как единственный системный конкурент США, обладающий потенциалом интеграции экономической, дипломатической, военной и технологической мощи для противодействия стабильному и открытому мировому порядку. Документ выделяет основные направления стратегии сдерживания Китая, направленные на защиту интересов США и их союзников в условиях растущего соперничества в международной системе. «Мы будем бороться с несправедливой и незаконной торговой практикой, киберворовством и принудительными экономическими методами, которые наносят ущерб нашим передовым и новым технологиям и стремятся к подрыву нашего стратегического преимущества и национальной конкурентоспособности» [115, с. 122].

Стремление Китая к экономическому доминированию, а в перспективе - к мировому лидерству, воспринимается американскими стратегами как угроза устоявшемуся миропорядку, в котором ведущую роль играют США. В военной доктрине Вашингтона Китай рассматривается как государство, проводящее скрытную стратегическую конкуренцию с целью замещения Соединённых Штатов в качестве глобальной сверхдержавы. Ссылаясь на работы председателя КНР Си Цзиньпина, участники Форума по безопасности в Колорадо (2018) отмечали, что это противостояние отличается от конфронтации между СССР и США в эпоху «холодной войны» - как по своим целям, так и по средствам, направленным на подрыв позиций Америки без перехода к открытому военному конфликту.

В этом контексте официальный дискурс американских политиков акцентирует внимание на том, что Китай представляет более серьёзный вызов для США, чем Россия, поскольку сосредоточен на долгосрочном превращении в ведущую мировую державу. Кроме того, всё чаще звучат опасения о возможности новой «холодной войны» между Вашингтоном и Пекином. Как отмечает политолог Грэм Эллисон, динамика американо-китайских отношений всё в большей степени напоминает «ловушку Фукидида», где восходящая держава (Китай) бросает вызов доминирующей силе (США), что исторически нередко приводило к военным столкновениям, «риск возникновения такого конфликта повышается из-за цивилизационной несовместимости США и КНР, усугубляющей их конкуренцию и затрудняющей взаимодействие на региональном уровне, где важнейшим плацдармом в соперничестве США и Китая является Восточная Азия» [114]. Вашингтон рассматривает растущее военное присутствие Китая в Южно-Китайском море как стратегическую попытку расширения его военного влияния и создания плацдарма для контроля над ключевыми морскими коммуникациями в регионе. Это, в свою очередь, направлено на отдаление тихоокеанской группировки ВМС США от побережья Китая и ставит под вопрос американское военное превосходство в западной части Тихого океана.

Дополнительным подтверждением глобальных военных амбиций КНР стало создание в 2017 году первой зарубежной военной базы НОАК в Джибути, что свидетельствует о способности Китая проецировать военную силу не только на региональном, но и на глобальном уровне. В экспертном сообществе США существует консенсус относительно восприятия растущего военного потенциала Китая и его активной внешнеполитической стратегии как долгосрочного вызова американскому доминированию в ключевых регионах мира. Если в начале XXI века в Вашингтоне преобладал подход, предполагающий баланс между элементами сдерживания Китая и поиском компромиссов по спорным вопросам - включая предложение Пекину концепции «G2» для совместного управления мировым порядком, - то во втором десятилетии XXI века этот курс перестал отвечать стратегическим интересам США. Американо-китайские отношения стали всё больше рассматриваться через призму геополитического

соперничества и военно-политического противостояния, с акцентом на сдерживание внешнеполитической активности Китая.

Это осуществляется по нескольким направлениям: расширение американского военного присутствия в АТР; укрепление оборонных возможностей союзников и партнёров США для противовеса растущей мощи Китая; ограничение стратегического манёвра КНР путём вовлечения государств, расположенных по периметру китайских границ, в американские альянсы и сферы влияния. Администрация Дональда Трампа сосредоточила усилия на развитии партнёрства «трёх демократий вокруг Китая» - Японии, Австралии и Индии, тогда как администрация Джо Байдена инициировала создание военно-политического союза AUKUS, направленного на сдерживание Китая в АТР. Этот альянс также соответствует интересам Индии, которая конкурирует с КНР за региональное лидерство.

Тем не менее, Нью-Дели продолжает придерживаться стратегии «стратегической автономии», избегая жёстких военно-политических союзов с ведущими державами. В этом контексте показательным является отказ Индии участвовать в совместном патрулировании Южно-Китайского моря с ВМС США, несмотря на ожидания Вашингтона. Более того, в июне 2017 года Индия официально вступила в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) наравне с Китаем, что свидетельствует о её стремлении к многовекторному внешнеполитическому курсу. Помимо Китая, важным фактором, влияющим на стратегию США в АТР, остаётся Северная Корея, чья ракетно-ядерная программа представляет угрозу для Вашингтона и его союзников. Это находит отражение в американо-китайских и американо-японских отношениях. В частности, на совместной пресс-конференции 6 ноября 2017 года президент США и премьер-министр Японии заявили о намерении усилить давление на КНДР, продолжавшую развитие ядерного оружия.

Они также подтвердили готовность к реализации совместной стратегии в ИТР. Сенатор-республиканец Том Коттон утверждает, что наличие ядерного потенциала у Северной Кореи играет на руку Китаю, поскольку отвлекает внимание США от его экономической экспансии и других стратегических инициатив в АТР. Политик Пол Рон разделяет данную точку зрения, подчеркивая, что, несмотря на свою уязвимость по отдельности, Китай и Россия становятся значимой силой, когда действуют совместно. По его мнению, их стратегическое партнерство представляет собой прямую угрозу для США, так как оба государства дополняют друг друга, создавая мощный союз [115, с.125]. Стратегия противодействия Китаю и России со стороны США реализуется по нескольким направлениям. Первым приоритетом выступает усиление экономической и военной мощи США через ускоренное развитие и технологическую трансформацию национальной экономики, а также наращивание военного потенциала, включая формирование мобилизационного резерва вооружения и техники, необходимого на случай возможной эскалации конфликта с Китаем и Россией до уровня прямого вооруженного противостояния.

Второе стратегическое направление сосредоточено на смещении военно-стратегической конкуренции с КНР в те области, где США могут обеспечить устойчивое преимущество в долгосрочной перспективе - в частности, в космической и киберсферах. Третьим направлением является попытка активизировать проамериканский альянс, используя такие страны, как Индия, Япония и другие государства, в качестве стратегических партнёров в противостоянии с Китаем. Однако степень их готовности следовать в фарватере американской политики, особенно в контексте возможной конфронтации с КНР или тем более с Россией, остаётся неопределённой [115, с.127].

Реализация стратегии Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) представляет собой вызов для национальных интересов Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) [114]. Основой стратегии Соединённых Штатов в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР) является противодействие китайской инициативе «Экономический пояс Шёлкового пути» (ЭПШП), которую Вашингтон рассматривает как вызов собственным экономическим интересам в Азии и как инструмент экспансии китайского экономического влияния в регионе [103]. Важным компонентом американской стратегии также выступает обеспечение свободы передвижения Военно-морских сил США в акваториях Тихого и Индийского океанов, в соответствии с принципом свободы мореплавания.

В этом контексте попытки Китая установить суверенитет над Южно-Китайским морем и разрешить территориальные споры на своих условиях воспринимаются США как нарушение норм международного морского права и принципов открытости и свободы судоходства. Вашингтон также обвиняет Пекин в подрыве суверенитета соседних государств и в попытках превратить их в зависимых геополитических акторов, что логично вписывается в рамки стратегического подхода США в ИТР [112]. При этом Северо-Восточная Азия (СВА) становится ареной усиливающегося соперничества между США и Россией, превращаясь в ключевой геополитический узел и важнейший центр экономической активности, где пересекаются стратегические интересы Вашингтона и Пекина.

С геостратегической точки зрения Россия в СВА выполняет функцию «северного тыла» Китая и альтернативного поставщика энергоресурсов для Пекина на случай возможной морской блокады со стороны ВМС США в Персидском заливе и водах Африки [112]. Одним из ключевых вызовов для государств АТР остаётся необходимость выбора между США и Китаем. Одно дело - стремление минимизировать риски, связанные с неопределённостью долгосрочного присутствия США в регионе и растущей ролью КНР, но совершенно другое - необходимость принимать однозначное решение в случае кризисных ситуаций или вооружённых конфликтов в ключевых зонах напряжённости, таких как Южно-Китайское море, индийско-китайская граница, Тайвань или Корейский полуостров [113]. В этом контексте географический фактор играет решающую роль: Китай имеет сухопутные границы с 14 государствами в Азии, тогда как США опираются на удалённые военные

форпосты, такие как остров Гуам, что накладывает ограничения на их стратегическое влияние в регионе.

Государства АСЕАН, руководствуясь принципом консенсуса и приверженностью нейтралитету, оказываются неспособными выработать единую позицию по территориальным спорам в Южно-Китайском море, несмотря на то, что четыре члена организации имеют противоречия с Китаем в данном вопросе. Подобные стратегические дилеммы актуальны и для других стран региона. Австралия, чья экономика во многом зависела от торговли с Китаем, вынуждена балансировать между экономическими интересами и стратегическим партнёрством с США [114]. Республика Корея, заинтересованная в разрешении северокорейской ядерной проблемы и возможном будущем объединении с КНДР, также не может игнорировать свою экономическую зависимость от Пекина. Даже для самих США представление Китая исключительно как «стратегического конкурента» выглядит чрезмерным упрощением, учитывая сложный характер американо-китайских отношений. Торговый оборот между двумя странами превышает 600 млрд долларов ежегодно, американские инвестиции в китайскую экономику достигают 100 млрд долларов, а необходимость взаимодействия по вопросам Северной Кореи и другим международным проблемам остаётся значимой.

С учётом этих факторов, влияющих на реализацию Индо-Тихоокеанской стратегии США, целесообразно рассмотреть возможные сценарии развития региона до 2025 года, отражающие различные траектории взаимодействия ключевых акторов - от наиболее оптимального до менее благоприятного [113].

Первый сценарий предполагает сочетание элементов кооперации и конкуренции. Он основан на продолжении экономических реформ в Китае, включая дальнейшую либерализацию рынка, расширение доступа для иностранных инвестиций в ранее ограниченных секторах, сокращение субсидирования государственных предприятий, а также заключение инвестиционных соглашений с США и ЕС, обеспечивающих взаимные гарантии инвестиций. В технологической сфере данный сценарий подразумевает участие Китая в регулировании цифровой торговли в рамках ВТО и других международных соглашений [114]. В области безопасности возможна активизация дипломатических усилий по урегулированию северокорейской ядерной проблемы через возобновление шестисторонних переговоров, а также достижение договорённости между США и Китаем о контроле над вооружениями. Одним из элементов данного сценария является также заключение мирного соглашения между США и талибами в Афганистане, что позволит наладить взаимодействие между движением «Талибан» и соседними странами под эгидой ШОС для совместной борьбы с терроризмом и наркоторговлей, при условии отказа талибов от распространения радикальной идеологии за пределами страны и ликвидации присутствия ИГИЛ в регионе. В этом формате Индо-Тихоокеанский стратегический диалог выступает преимущественно в роли механизма консультативного взаимодействия и дискуссионной площадки.

Второй сценарий предполагает стагнацию и постепенное нарастание напряжённости. В рамках данного развития событий отношения между Китаем, Индией и рядом других региональных акторов будут характеризоваться усилением конкурентного противостояния, ростом конфликтного потенциала в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, а также ограниченным сотрудничеством по северокорейскому вопросу. Вероятным исходом станет частичное сворачивание ядерной программы КНДР и создание механизма контроля за разработкой межконтинентальных баллистических ракет, однако без полной их ликвидации [115, с.129].

Экономическое соперничество между США и Китаем в сфере торговли и передовых технологий будет нарастать, при этом Вашингтон и его союзники продолжают оказывать давление на Пекин, стремясь привести его торговую и инвестиционную политику в большее соответствие с международными нормами. В то же время государства Индо-Тихоокеанского региона, ориентированные на сотрудничество с США, будут усиливать свои оборонные возможности, что создаст дополнительный баланс сил на случай дальнейшего обострения американо-китайских противоречий. Третий сценарий развития событий предполагает рост напряжённости и переход к открытой конфронтации. Торговая война между США и КНР в этом случае усилится, причем обе стороны будут уверены в своей способности добиться победы. Длительная конфронтация окажет негативное влияние на фондовые рынки и приведёт к замедлению экономического роста в АТР. Однако, после периода эскалации стороны могут предпринять умеренные шаги для частичной нормализации торговых отношений [113]. Помимо американо-китайского противостояния, данный сценарий предусматривает рост военно-политической напряжённости между Индией и Пакистаном из-за спорных территорий в Гималаях. Параллельно Китай, избегая прямого столкновения с Вашингтоном, будет наращивать своё присутствие в регионе, развивая военную инфраструктуру на спорных территориях Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей. Хотя основное назначение этих объектов будет заключаться в мониторинге ситуации в акваториях, их милитаризация станет частью стратегии Пекина по обеспечению своего контроля над морскими коммуникациями. В целях укрепления своих позиций Китай будет пытаться вовлечь страны АСЕАН в процесс легитимации сложившегося статус-кво, создавая для них дополнительные стимулы для экономического и политического сотрудничества.

В свою очередь, США будут активно использовать обеспокоенность соседних с Китаем государств его территориальной экспансией, провоцируя их на более жёсткую позицию. Это может привести к перерастанию локальных противоречий в открытые конфликты, в том числе на фоне возросшего присутствия американских военно-морских сил в регионе. Вашингтон, стремясь ослабить стратегические позиции Китая, будет привлекать к участию в антикитайской коалиции геополитических оппонентов Пекина, вынуждая его перераспределять ресурсы и вовлекаться в многовекторное противостояние со странами Юго-Восточной Азии. В рамках этого сценария Индо-Тихоокеанский

формат приобретёт более активную роль как инструмент стратегического планирования США, направленного на сдерживание Китая.

В частности, ключевой целью станет противодействие китайской стратегии контроля над региональными морями и формирование международной коалиции, ориентированной на ограничение китайского влияния [115, с.126]. Анализ позиций ведущих политологов относительно стратегий ключевых акторов в АТР позволяет выделить ряд направлений для российско-китайского сотрудничества, направленного на нейтрализацию вызовов, связанных с реализацией Индо-Тихоокеанской стратегии США. Совместные усилия Москвы и Пекина могут быть сосредоточены на создании альтернативных механизмов безопасности, экономической кооперации и институционального взаимодействия, которые позволят минимизировать негативные последствия сдерживающей политики Вашингтона в регионе. В первую очередь, ситуация в сфере безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) остается динамичной и характеризуется высокой степенью неопределенности.

Это подтверждается активными усилиями администрации США по реализации Индо-Тихоокеанской стратегии (ИТР), эскалацией ракетно-ядерного кризиса на Корейском полуострове, вступлением Индии и Пакистана в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), а также внешнеполитическим курсом России, направленным на углубление взаимодействия с Китаем в регионе. В этой связи особую значимость приобретает координация усилий в рамках таких организаций, как ШОС и БРИКС, что позволит выстроить эффективную систему безопасности в АТР, а также минимизировать риски трансформации Индии в стратегического оппонента Китая. С учётом этого заслуживает внимания предложение ряда экспертов, занимающихся проблемами безопасности и изучением деятельности организаций, в которых КНР и РФ играют ведущую роль, о расширении многостороннего сотрудничества на основе модели «ШОС+».

Согласно мнению аналитика Центра изучения глобальных проблем агентства «Синьхуа» Шэн Шиляна, одной из перспективных инициатив в сфере международной безопасности может стать институционализация партнерских форматов между Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС) и ключевыми международными акторами. Речь идет о создании форматов «ШОС+АСЕАН», «ШОС+ЕС», «ШОС+США» и других, способных способствовать выстраиванию архитектуры коллективной безопасности на принципах равноправия и взаимного уважения. Подобный подход может служить основой для устойчивого регулирования региональных и глобальных угроз, а также стабилизации международных отношений в условиях усиливающейся турбулентности мировой политики [115, с.126].

В свою очередь, заместитель председателя Социал-демократической партии Казахстана «Азат» Петр Своик сравнивает перспективную модель многополярного мира с концепцией «матрёшки», в рамках которой ШОС будет выполнять функцию внешней геополитической оболочки. Однако встает вопрос

о сбалансированности внутренних интересов, в первую очередь Китая и России, а также о распределении ролей между другими государствами-членами Организации. Кроме того, остаются открытыми параметры стратегического поведения США, РФ и КНР на Ближнем Востоке, что придает региону дополнительную нестабильность.

Директор армянского филиала Института стран СНГ Александр Маркаров подчеркивает, что одним из ключевых направлений выхода из текущей геополитической конфигурации может стать сопряжение китайской инициативы «Один пояс - один путь» с проектами евразийской интеграции. Такая синергия обеспечит ШОС выход на новый уровень экономического взаимодействия за счёт развития инфраструктурных и логистических коридоров, охватывающих как страны Евразийского экономического союза (ЕАЭС), так и Китай. К числу приоритетных задач ШОС также относится снижение уровня внутриорганизационных противоречий.

Это требует активизации двусторонних механизмов урегулирования и углубления диалога с государствами-наблюдателями и партнерами по диалогу. Важным шагом в этом направлении может стать трёхсторонний переговорный процесс между Индией, Пакистаном и Китаем на платформе ШОС, направленный на деэскалацию напряженности и предупреждение военных инцидентов в Азиатско-Тихоокеанском регионе, прежде всего в Южной Азии. Кроме того, Россия и Китай демонстрируют высокую степень совпадения стратегических позиций в отношении ключевых международных проблем. Обе страны разделяют схожие оценки угроз и вызовов, связанных с политикой США в АТР, конфликтами в Сирии и Афганистане, а также ситуацией на Корейском полуострове. Это обуславливает необходимость наращивания координации усилий двух государств в сфере безопасности, как в двустороннем формате, так и в рамках многосторонних механизмов, включая ООН, ШОС, АСЕАН и БРИКС [115, с.127].

2.3 Методологические особенности анализа факторов и противоречий во взаимоотношениях США и Китая

Современный этап мировой политики характеризуется глубокой трансформацией системных параметров, при которой меняются не только соотношения сил, но и природа внешнеполитического анализа. Если в XX веке исследования опирались на бинарные модели - «Восток - Запад», «капитализм - социализм», «центр - периферия», - то в XXI веке международные отношения приобрели сетевой, фрагментарный и полицентричный характер. Это требует переосмысления методологии анализа внешней политики, особенно в отношении США и КНР - двух держав, определяющих траекторию глобального порядка.

Методологическая сложность анализа внешнеполитических процессов в период трансформации обусловлена тремя ключевыми факторами:

1. Многослойность международной реальности - пересечение глобального, регионального и национального уровней;

2. Изменение природы силы - переход от материальных параметров (армия, территория) к нематериальным (информация, технологии, нарративы);

3. Рост значения восприятия и символической политики - интерпретация и нарратив становятся не менее важными, чем реальные действия.

Завершение биполярной системы в 1991 г. открыло новую эпоху методологических поисков. Американская наука международных отношений сделала ставку на интердисциплинарность - сочетание политологии, экономики, психологии и теории коммуникации. Китайская же школа международных исследований, напротив, стала развивать метод «синтетического реализма», соединяющий классические и цивилизационные элементы анализа [116, с.4].

Так возникла методологическая асимметрия: Запад продолжал искать универсальные модели, а Восток - культурно-специфические способы интерпретации внешней политики. Для анализа американо-китайских отношений эта асимметрия имеет решающее значение. Вашингтон воспринимает международную политику как арену конкуренции институтов и норм, Пекин - как систему взаимных обязательств и морального равновесия. Следовательно, выбор методологии зависит от культурной природы исследуемого актора. Внешнеполитический анализ в условиях трансформации требует осознания границ знания и зависимости науки от политического контекста. Современная методология базируется на двух уровнях - позитивистском и постпозитивистском.

Позитивизм стремится к объективности, использует количественные методы, статистику, модели рационального выбора. Для США этот подход традиционно доминирует: внешняя политика рассматривается как рациональный отклик на угрозы и возможности, а государство - как единый рациональный актор. Постпозитивизм, напротив, подчёркивает контекстуальность знания, влияние культуры, языка и восприятия. Китайская внешнеполитическая мысль ближе к постпозитивизму: она рассматривает политику как процесс гармонизации, а не борьбы, и придаёт особое значение ценностным основаниям действий.

Одним из центральных вопросов методологии остаётся уровень анализа - от чего начинается объяснение внешней политики: от личности лидера, от государства или от международной системы.

Американская традиция выделяет три уровня по К. Уолтцу: человеческий - роль лидера и восприятия; государственный - особенности политического режима, бюрократии и общественного мнения; системный - структура международной среды.

Китайская традиция добавляет четвёртый уровень - цивилизационный, где решающую роль играют исторические коды и философские принципы. Например, концепт тянься «всё под небом» определяет китайское восприятие мира как моральной системы, где порядок обеспечивается гармонией, а не гегемонией [116, с.6].

Таким образом, в исследовании внешней политики США и КНР важно использовать многоуровневую методологию, сочетающую системный,

институциональный и культурный анализ. Американский подход к внешнеполитическому анализу опирается на рационализм, эмпиризм и прогнозирование. США активно применяют методы моделирования сценариев, количественного анализа рисков, big data в дипломатии и разведке. Китай, напротив, акцентирует внимание на качественных методах: интерпретации текстов, историко-философских аналогиях, использовании метафор, например, «одна семья под небом» или «гармоничный мир». Эта разница формирует два типа методологической культуры: аналитико-техническую США и ценностно-рефлексивную КНР. Современная наука требует их синтеза. Без учёта культурной специфики невозможно понять реальные мотивы и цели внешней политики. Так, анализ американской стратегии Indo-Pacific Framework без учёта китайского концепта хэ - гармония приводит к искажению смыслов и неверной интерпретации действий Пекина.

Трансформация мирового порядка сопровождается кризисом теоретической определённости. Ни один из традиционных подходов - реализм, либерализм или конструктивизм - не способен в одиночку объяснить сложные процессы взаимодействия США и КНР. Отсюда возникает потребность в гибридных методологиях, которые объединяют количественные и качественные инструменты, нормативные и материальные факторы, анализ текста и данных [115, с.119].

Примером может служить mixed-methods analysis, применяемый в современных исследованиях: количественная статистика используется для выявления закономерностей, а качественный дискурс-анализ - для объяснения причин. Внешнеполитические отношения США и Китая, будучи одновременно экономическими, идеологическими и культурными, требуют именно такого комплексного подхода. Методологическая задача исследователя - не свести реальность к одной модели, а построить мост между разными уровнями анализа.

Методология анализа внешней политики США и Китая в эпоху трансформации мировой системы должна исходить из понимания, что ни один метод не является универсальным. Мировой порядок стал нелинейным, гибридным и многомерным; следовательно, его исследование требует совмещения разных логик - от системной до рефлексивной. Системный подход остаётся фундаментом внешнеполитического анализа. Его основная идея - рассматривать государство не изолированно, а в рамках международной системы, где каждое изменение одного элемента вызывает перестройку всей структуры К. Уолтц.

Для США системный метод применим в контексте объяснения стратегии глобального лидерства: сохранение статуса гегемона, управление институтами, баланс сил. Для Китая - в контексте адаптации к существующему порядку и одновременного создания альтернативных структур (ШОС, БРИКС, РСЕР). Системный метод позволяет увидеть взаимозависимость внешней и внутренней политики, объясняя, как экономические циклы, технологические кризисы или социальные трансформации воздействуют на внешнеполитические решения. Например, американская «стратегия сворачивания глобализации» после 2008 г.

и китайская концепция «двойного обращения» (dual circulation) - это системные реакции на одно и то же явление - перераспределение мировой экономической мощи. Сравнительный анализ особенно важен при изучении отношений США и КНР, так как позволяет выявить постоянные закономерности поведения великих держав. Американская внешняя политика опирается на традицию экспансионизма и миссионерства, восходящую к доктрине Монро и «манифесту судьбы». Китайская же дипломатия - на исторический опыт «Срединного государства» и принцип «взаимной выгоды без вмешательства». Сравнительно-исторический метод помогает проследить, как эти архетипы влияют на современные стратегии - «Америка прежде всего» и «китайская мечта».

Он также раскрывает механизмы памяти и идентичности в внешней политике, что особенно важно для понимания реакций на кризисы Тайвань, Южно-Китайское море, торговые санкции. Институциональный анализ позволяет рассматривать внешнюю политику как результат взаимодействия различных акторов: исполнительной власти, парламента, лоббистских групп, корпораций, НПО. В США государственный департамент, конгресс и военно-промышленный комплекс влияют на формирование внешнеполитического курса не меньше, чем президент. В Китае ключевым центром является Комитет по внешним делам ЦК КПК и Министерство иностранных дел, чья работа координируется через партийные структуры. Структурно-функциональный метод Т. Парсонс позволяет понять, как институты распределяют роли и выполняют функции в поддержании внешнеполитического равновесия [116, с.7].

Он полезен для анализа взаимодействия военных, дипломатических и экономических механизмов в рамках индо-тихоокеанской и евразийской архитектур безопасности. Дискурсивный анализ основан на изучении языка внешней политики - официальных речей, доктрин, медиа-нарративов. Он раскрывает, как через словесные формулы формируется восприятие врага или союзника. Так, в речах американских президентов Китай часто описан как «системный вызов», а в официальных заявлениях Пекина США определяются как «государство, продвигающее гегемонизм и идеологию холодной войны» [117].

Дискурсивный анализ не только фиксирует разницу в лексике, но и показывает, как эта разница влияет на практическую дипломатию. Он позволяет проследить влияние внутренней риторики на внешнюю политику и оценить, насколько язык служит инструментом власти. Кейс-метод позволяет изучить внешнеполитические решения через анализ конкретных ситуаций Тайваньский кризис 2022 г., торговая война 2018-2019 гг., встречи на высшем уровне.

Главная цель - понять мотивы действий акторов и механизмы принятия решений. Кейс-анализ соединяет описательный и объяснительный подходы, что делает его универсальным для международной практики. Для США он используется в рамках policy planning - разработки сценариев и оценки эффективности решений [118, с.82].

В XXI веке Африка продолжает оставаться ареной стратегического соперничества между ведущими мировыми державами. Интерес к африканскому

континенту обусловлен рядом ключевых факторов, среди которых можно выделить: наличие богатых залежей практически всех видов полезных ископаемых, выгодное географическое положение, обеспечивающее контроль над стратегически важными морскими коммуникациями и портами, наличие дешевой рабочей силы, перспективы расширения рынков сбыта, а также возможность заручиться поддержкой африканских государств в процессе голосования на международных площадках. Несмотря на частую критику китайской политики в Африке, ряд американских экспертов признает, что экономическая экспансия Китая на континенте имеет социальную направленность и способствует социально-экономическому развитию африканских государств [119]. В то же время политика администрации США в отношении Африки в последние годы характеризуется снижением дипломатического внимания к региону. Так, во время визита президента Руанды Пола Кагаме в Соединенные Штаты в марте 2017 года ни один из высокопоставленных американских чиновников не принял участия в официальных консультациях. В апреле 2017 года госсекретарь Рекс Тиллерсон организовал встречу с комиссаром Африканского союза Муссой Факи, однако в ходе беседы покинул переговоры, сославшись на другие неотложные дела. В дополнение к этому, администрация Трампа неоднократно пыталась сократить объем американской помощи иностранным государствам на 30 %, приостановила финансирование Фонда ООН в области народонаселения и сократила поддержку других международных инициатив [116, с.9].

Подход Вашингтона к африканскому континенту также проявился в публичных выступлениях президента Дональда Трампа. В частности, в сентябре 2017 года во время выступления перед африканскими лидерами на Генеральной Ассамблее ООН он дважды упомянул несуществующую страну «Намбия», что вызвало широкий общественный резонанс. Более того, как отмечают Питер Брукс и Джи Хе Шин, ряд его заявлений носил оттенки риторики, напоминающей колониальную эпоху, что породило вопросы о характере восприятия Африки американским руководством: «У меня так много друзей, которые собираются в ваши страны, пытаюсь разбогатеть. Я поздравляю вас. Они тратят много денег» [116, с.11]. В начале 2018 года произошел крупный дипломатический скандал, связанный с высказываниями президента США Дональда Трампа. Согласно сообщениям в СМИ, во время встречи в Белом доме с группой конгрессменов он подверг критике инициативу по приему иммигрантов из Африки и Гаити, используя при этом крайне оскорбительную лексику, назвав эти страны «странами-отходами». В ходе той же дискуссии он, как утверждается, выразил предпочтение иммигрантам из Норвегии и ряда азиатских стран, заявив, что они обладают большей ценностью для Соединенных Штатов [18, с.137].

Эти высказывания вызвали волну возмущения по всему африканскому континенту, а также широкий резонанс в международном сообществе [108]. Реакция африканских лидеров и дипломатов была острой, ряд стран потребовал официальных разъяснений со стороны Вашингтона. В экспертных кругах данная

риторика также подверглась жесткой критике. Аналитики Джон Норрис и Каролин Кинни из Центра за американский прогресс отметили, что «Представление о том, что Соединенные Штаты бесцеремонно отвергают важность целого континента, должно быть абсурдным, и было бы легко списать нынешнюю позицию как просто отражающую мировоззрение президента Дональда Трампа как личности. Однако взгляд США на Африку более глубоко укоренился, чем президент Трамп» [106]. Аналитики в целом скептически оценивают готовность США к формированию целостной стратегии в отношении Африки.

В экспертном сообществе доминирует мнение о фрагментарности подходов Вашингтона и отсутствии четко сформулированных долгосрочных приоритетов. В связи с этим специалисты предлагают ряд рекомендаций, направленных на повышение эффективности американской политики на континенте. Прежде всего, подчеркивается, что Африка представляет собой один из наиболее динамично развивающихся регионов с быстрорастущими рынками, обладающий значительным потенциалом для экспорта американских товаров и услуг. В этом контексте эксперты призывают Вашингтон к немедленному восполнению вакантных позиций в Государственном департаменте и Агентстве США по международному развитию (USAID), непосредственно связанных с африканским направлением. Кроме того, настоятельно рекомендуется интенсифицировать усилия по реализации программы «Процветающая Африка» вне зависимости от отношения нынешней администрации к инициативам ее предшественников.

Также подчеркивается необходимость отказа от универсального подхода к африканским государствам, поскольку специфика социально-экономического и политического развития на континенте требует гибкости и дифференцированных стратегий взаимодействия. Среди ключевых направлений деятельности американской администрации в Африке выделяется поддержка процессов региональной экономической интеграции. В частности, предлагается устранение бюрократических барьеров на границах, совершенствование инфраструктуры, гармонизация регуляторных норм и унификация стандартов, что позволит повысить эффективность экономических процессов в регионе. Дополнительно отмечается важность активизации программ, способствующих диверсификации экспорта африканских стран, что создаст предпосылки для долгосрочного и устойчивого экономического сотрудничества между США и государствами континента.

«В то время, когда Китай и Европа также активно конкурируют за участие в Африке, жизненно важно, чтобы Соединенные Штаты оказались на правильной стороне истории, поддерживая позиции на континенте, охватывающем свободные правительства и рынки» [118, с.76]. К позитивным действиям администрации Трампа эксперты отнесли подписание «Закона об экономическом росте и возможностях в Африке» (AGOA) Закон «О модернизации при вызове тысячелетия» внес ряд корректировок в существующие механизмы торговых преференций, предоставляемых

африканским странам, обеспечивая обновление ключевых положений инициативы. Одним из центральных элементов американско-африканских экономических отношений продолжает оставаться Африканский закон о росте и возможностях (AGOA), который играет важную роль в торговой политике США в регионе [118, с.78].

В декабре 2018 года, после продолжительных дискуссий, администрация Дональда Трампа официально представила новую стратегию в отношении Африки. Презентация документа сопровождалась выступлением советника по национальной безопасности Джона Болтона, который представил основные положения стратегии в ходе мероприятия, организованного «Фондом наследия». В своем комментарии Болтон подчеркнул, что «Конкуренты великой державы, а именно Китай и Россия, быстро расширяют свое финансовое и политическое влияние по всей Африке. Они намеренно и агрессивно направляют свои инвестиции в регион, чтобы получить конкурентное преимущество над Соединенными Штатами» [118, с.79]. В своем выступлении Джон Болтон охарактеризовал деятельность Китая в Африке как «хищническую», обвиняя Пекин в использовании коррупционных схем при реализации инфраструктурных и инвестиционных проектов. Он также отметил, что китайские инициативы отличаются более низкими экологическими и этическими стандартами по сравнению с программами развития, продвигаемыми Соединенными Штатами.

Кроме того, мероприятия, осуществляемые в Африке, были представлены как элементы «более широких китайских стратегических инициатив, в том числе «Один пояс, один путь» конечной целью которых является продвижение китайского глобального господства» [118, с.80]. Советник по национальной безопасности Джон Болтон также уделил внимание военному присутствию Китая в Африке, в частности, его военной базе в Джибути. В своей итоговой оценке стратегических действий конкурентов он подчеркнул, что «хищническая практика Китая и России сдерживает экономический рост в Африке; угрожает финансовой независимости африканских стран; ограничивает возможности для инвестиций США; вмешивается в военные операции США; представляет значительную угрозу интересам национальной безопасности США» [118, с.80].

В своей речи советник по национальной безопасности Джон Болтон обозначил ключевые направления американской политики в Африке, среди которых разработка инициативы «Процветающая Африка» для стимулирования инвестиций США, содействие африканским лидерам в выборе прозрачных и устойчивых проектов, заключение современных торговых соглашений, поддержка африканских правительств в развитии потенциала в сфере безопасности, пересмотр миротворческих миссий ООН и разработка новой стратегии иностранной помощи, ориентированной на защиту интересов США. Болтон подчеркнул, что вся поддержка региону-включая безопасность, гуманитарную помощь и развитие-должна соответствовать американским интересам.

Он также заявил, что страны, регулярно голосующие против США на международных платформах или действующие вопреки их интересам, не

должны рассчитывать на американскую помощь [118, с.81]. Оценка выступления Болтона среди официальных лиц и экспертов в США была неоднозначной. Многие выразили обеспокоенность долгосрочными последствиями предложенных инициатив для стратегических интересов Вашингтона в Африке. Речь советника также подверглась критике за «отсутствие приверженности продвижению прав человека и демократии на континенте» [117]. Новая стратегия, по мнению аналитиков, демонстрирует, что «для Трампа действительно важна не Африка, а сдерживание и противодействие Китаю... Трамп проявил мало интереса или сочувствия к Африке. И много вражды по отношению к Китаю» [117]. В последние десятилетия Соединенные Штаты и Китай не исключают перспективу расширения трехстороннего сотрудничества в формате Африка-КНР-США.

Однако следует отметить, что на современном этапе африканские государства не могут позволить себе отказаться от взаимодействия с обеими державами, несмотря на существующие вызовы и издержки, обусловленные этим сотрудничеством [119]. На современном этапе Китай выступает в качестве доминирующего торгово-экономического партнёра большинства государств африканского континента, существенно опередив в этой роли Великобританию, Францию и Соединённые Штаты уже в начале 2000-х годов.

Экономический рост КНР сопровождался возрастающей потребностью в природных ресурсах - прежде всего, в углеводородах и металлах, - что предопределило активное вовлечение Пекина в экономическое взаимодействие с ресурсно насыщенной, но слабо индустриализированной Африкой. Одновременно африканские страны стали благоприятным рынком для экспорта китайской продукции, спрос на которую в регионе демонстрирует устойчивую динамику роста. Потенциал континента сохраняется на высоком уровне: так, в 2015 году объём потребительских расходов в Африке достиг 2,1 трлн долларов, а к 2030 году, по прогнозам, может вырасти до 2,5 трлн долларов. Кроме того, согласно прогнозам Всемирного банка, африканский рынок продовольствия может достичь объёма в 1 трлн долларов к 2030 году, что втрое превышает текущий уровень в 300 млрд долларов [120, с.83]. США, реагируя на растущее экономическое присутствие Китая в Африке, столкнулись с новыми вызовами в рамках своей торговой стратегии.

Китайская продукция сегодня прочно заняла значительную нишу на африканских рынках - от одежды и обуви до бытовой электроники и игрушек, что снижает эффективность американской инициативы AGOA (African Growth and Opportunity Act). Принятый в 2000 году и продлённый в 2015 году на очередное десятилетие, этот закон был нацелен на стимулирование торговли между США и странами Африки к югу от Сахары, в том числе с учетом усиления китайского влияния в регионе [120, с.84]. В период с 2002 по 2008 год благодаря AGOA африканские государства получили беспопшлинный доступ к американскому рынку по более чем 6,5 тыс. товарных позиций, что позволило довести объём торговли между США и Африкой до 100 млрд долларов [121].

Однако уже в 2017 году этот показатель упал до 39 млрд долларов, опустив США на третью позицию после Китая и ЕС по объемам внешней торговли с африканскими странами. Снижение связано, в частности, с изменениями в структуре американского энергетического импорта: в 2008 году поставки нефти и газа из Африки в США достигали 99,5 млрд долларов, тогда как к 2018 году они сократились до 17,6 млрд долларов - результат роста сланцевой добычи и увеличения внутреннего энергетического производства в США.

Кроме того, значительное препятствие для экспансии американского экспорта в Африку составляет высокая стоимость американской промышленной продукции, включая автомобили, авиационную технику и оборудование, которые зачастую проигрывают в конкурентной борьбе более доступным китайским аналогам. За последние два десятилетия экономическое взаимодействие между Китаем и странами Африки приобрело институционализированную форму, что, по мнению американских аналитиков, стало важным фактором устойчивого расширения двустороннего сотрудничества. Центральным механизмом данного процесса является Форум китайско-африканского сотрудничества (ФОКАК), учреждённый в 2000 году. Этот формат предусматривает регулярные встречи экспертов и политиков, включая трёхлетние саммиты на уровне глав государств, которые чередуются по месту проведения между Пекином и столицами африканских стран.

Тем не менее, начиная с 2020 года, активность форума несколько снизилась, что в значительной степени обусловлено последствиями пандемии COVID-19. Динамика китайских прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в африканские экономики свидетельствует о стремительном росте: с 2000 года ежегодные темпы увеличения составляли в среднем 40%, а уже в 2013 году объём китайских вложений превзошёл американские [44]. По данным на 2019 год, общий объём китайских ПИИ достиг 2,7 млрд долларов, при этом ключевыми реципиентами выступили ресурсоемкие экономики, такие как Демократическая Республика Конго и Ангола [122]. Около 30% инвестиций направляются на развитие инфраструктуры и строительной сферы, тогда как около 25% приходится на добывающий сектор. Следует отметить, что большинство китайских инвестиций ориентированы на Африку. Издание Forbes охарактеризовало китайскую инвестиционную политику в инфраструктурном развитии Африки как стратегически успешную, позволившую Пекину обойти США и Европейский союз [123] взаимодействие с африканскими правительствами или с китайскими компаниями, действующими в регионе. Финансирование же малых и средних предприятий, принадлежащих африканским предпринимателям, остаётся ограниченным, что, по мнению американских экспертов, создаёт окно возможностей для Вашингтона в контексте поддержки частного сектора и выстраивания альтернативной модели инвестиционного партнёрства [123].

С 2009 года Китай не только закрепился в качестве крупнейшего торгового и инвестиционного партнёра Африки, но и стал активно участвовать в подготовке инженерно-технических кадров. В частности, более 200 тысяч специалистов прошли обучение в африканских странах, а ещё 40 тысяч - в Китае

[45]. Российские исследователи акцентируют внимание на нарастающем «сращивании» новой индустриальной Африки с китайской экономической моделью, что существенно усиливает вовлечённость континента в орбиту китайского влияния. Производственная активность Китая на африканской территории также демонстрирует значительный рост.

В частности, китайские предприятия ежегодно выпускают десятки тысяч грузовиков, сотни тысяч кондиционеров, более полумиллиона холодильников, около 400 тысяч телевизоров и порядка 1,6 млн тонн цемента, большая часть которого предназначена как для внутреннего потребления, так и на экспорт. К концу 2016 года при содействии Фонда китайского развития в Африке было реализовано строительство свыше 100 промышленных парков, 4335 км автомобильных дорог, 9 морских портов, 14 аэропортов, 34 электростанций и 10 гидроэлектростанций различной мощности [124]. Таким образом, хотя китайско-африканское экономическое сотрудничество по-прежнему сосредоточено на традиционных сферах - таких как инфраструктура и сырьевые ресурсы, - в последние годы наблюдается расширение присутствия китайских производственных компаний: по данным на 2017 год, они обеспечивали около 12% от общего объёма продукции обрабатывающей промышленности на континенте [125].

В параллель с экономическим проникновением Пекин активно применяет инструменты «мягкой силы» в целях формирования позитивного имиджа Китая среди африканского населения. Одним из ключевых элементов этой стратегии являются Институты Конфуция, количество которых выросло с одного в 2005 году до 54 в настоящий момент. Хотя официально их деятельность направлена на популяризацию китайского языка и культуры, критики указывают на возможное использование этих институтов как инструментов влияния, включая продвижение официальной идеологии, цензуру и контроль над информационной средой. После завершения холодной войны в международной практике внешней политики заметно усилилось использование «ненасильственных» инструментов влияния, объединяемых в концепции «мягкой силы». Согласно Джозефу Наю, данная модель предполагает способность государства добиваться желаемых политических результатов не через принуждение, а посредством формирования привлекательности собственной культуры, политических ценностей и внешнеполитического курса, благодаря чему другие акторы начинают добровольно ориентироваться на заданные стандарты. Центральным элементом этой концепции выступает «притяжение», рассматриваемое как наиболее устойчивый механизм влияния в системе международных отношений.

При этом Дж. Най рассматривает «жёсткую» и «мягкую» силу как взаимодополняющие элементы единой стратегии государства. Однако в отношении Китая он выражает критические замечания, связанные с попытками Пекина институционализировать «мягкую силу» преимущественно через государственные структуры и официальные каналы публичной дипломатии. В частности, распространение китайского влияния через Институты Конфуция, государственные медийные и культурные проекты, по оценке Ная, не всегда

обеспечивает ожидаемую степень международной привлекательности, поскольку избыточная централизация и ориентация на государственную пропаганду ограничивают эффективность подобных инструментов. В этом контексте он подчеркивает, что наиболее результативная «мягкая сила» формируется не сверху, а через активность гражданского общества и его естественное участие в глобальных процессах.

Особое значение концепция «мягкой силы» приобретает в африканском направлении внешней политики Китая, где Пекин активно использует культурные, образовательные и гуманитарные инструменты для укрепления своего присутствия. В странах Африки китайская стратегия сочетает экономическое взаимодействие с расширением образовательных программ, медиаприсутствия и культурной дипломатии, что позволяет формировать долгосрочное политико-экономическое влияние и усиливать доверие к КНР как к альтернативному центру развития. При этом, как отмечают исследователи, эффективность китайской «мягкой силы» в Африке определяется не только масштабами инвестиций, но и способностью адаптировать инструменты влияния к местному социокультурному контексту [42, с.2]. Вашингтон, осознавая возрастающее влияние Китая в этой сфере, предпринимает ответные шаги. В 2010 году президент Барак Обама запустил инициативу «Молодые африканские лидеры» (Young African Leaders Initiative, YALI), направленную на вовлечение талантливых и амбициозных африканцев в сферу американского влияния.

Основная цель программы - содействие обучению, повышению квалификации, развитию предпринимательских навыков, а также стажировке в американских компаниях. Кроме того, одним из приоритетов YALI является формирование нового поколения лидеров, которые могли бы занимать руководящие позиции в своих странах, а также в Африканском союзе. Программа предусматривает обучение африканцев в возрасте 25-35 лет как в США, так и в странах их проживания. В рамках инициативы были созданы четыре региональных центра лидерства (Regional Leaders Centers) в Кении, ЮАР, Сенегале и Гане, предлагающие тренинги по лидерству, профессиональному развитию и предпринимательству. В дополнение к этому, обучение доступно через онлайн-платформу YALI, что делает его более доступным для широкой аудитории.

При рассмотрении взаимодействия Китая со странами Латинской Америки можно выделить очаг трения между США и КНР реализацию китайской инициативы «Один пояс - один путь». Соединенные Штаты призывают страны региона запрещать китайские передовые технологии для обеспечения национальной безопасности, так как в электронных коммуникациях конфиденциальность утрачивается и используется манипулятивная функция. Это связано с политической спецификой Китая: существует закон, требующий тесного взаимодействия разведывательных служб с частными компаниями [126]. Тем не менее, государства Латинской Америки идут на сотрудничество с компанией по поводу распространения технологии 5G, благодаря которой обеспечивается повышение эффективности как добывающей сферы, так и

логистики производственных циклов стран ЛА. Исходя из примеров видно, что адаптировать регион Латинской Америки к интересам США является трудной задачей, поскольку уровень взаимоотношений стран региона с Китаем достиг значительных высот, и китайское присутствие для стран ЛА значимо.

По мнению ряда аналитиков, данная инициатива, наряду с другими образовательными программами США, представляет собой стратегический инструмент расширения американского влияния на континенте [126]. Китайско-латиноамериканские отношения стали активизироваться двадцать лет назад. Причиной этому послужило вступление КНР в ВТО в 2001 г., повышение в Китае спроса на продукты питания, минеральные и энергетические товары [128, p.73]. За время взаимодействия Китая со странами Латинской Америки китайским компаниям удалось реализовать в регионе около 150 инфраструктурных проектов и инвестировать более 143 млрд долл. Нарастающее присутствие актора из другого полушария в делах Латинской Америки (ЛА) обеспокоило США, вследствие чего Д. Трамп, будучи президентом, предпринял меры по возвращению к «доктрине Монро», предполагающей минимизацию вмешательства иностранных государств в дела стран западного полушария.

Но Соединенные Штаты остаются крупным торговым партнером и источником иностранных инвестиций для многих из 33-х стран региона [27, с.32]. Таким образом, двойная гегемония - наиболее вероятный исход в конкуренции КНР и США на территории стран ЛА. А вероятность превосходства КНР над США в макрорегионе мала в силу влияния факторов геополитики и культуры. В условиях современного конфликта многополярности Соединенные Штаты и Китайская Народная Республика играют ключевую роль в экономическом и политическом развитии государств Латинской Америки. Их влияние в регионе распространяется на широкий спектр сфер, включая международную политику, торгово-экономические отношения и кредитно-финансовые механизмы.

Политика Вашингтона и Пекина во многом определяет стратегическую траекторию развития отдельных государств Латинской Америки, а также общее положение дел в регионе. Следует отметить, что присутствие США и Китая в Латинской Америке различается как с точки зрения исторического контекста, так и по своим текущим масштабам и глубине. Соединенные Штаты исторически рассматривали этот регион как сферу своей экспансии, начиная с XIX века, тогда как Китай значительно укрепил свои позиции в Латинской Америке только за последние полтора десятилетия. Это стало возможным благодаря быстрому росту китайской экономики и внешнеторговой активности, что способствовало превращению КНР в одного из ведущих игроков мировой системы.

На сегодняшний день Китай демонстрирует устойчивое и всеобъемлющее присутствие практически во всех странах Латинской Америки, вступая в острую конкуренцию с Соединёнными Штатами за экономическое и политическое влияние в регионе. Исторически Латинская Америка, после получения независимости в первой трети XIX века, превратилась в арену стратегического соперничества между крупными внешними акторами. Изначально основными

источниками военно-политической, финансовой и торгово-экономической экспансии здесь выступали США, Великобритания и Франция. Существенным поворотным моментом в американской региональной политике стало послание президента Джеймса Монро Конгрессу в декабре 1823 года, в котором был провозглашён ключевой внешнеполитический принцип США, впоследствии известный как «Доктрина Монро». Заявление о том, что «Америка для американцев», отражало стремление Вашингтона превратить Западное полушарие в исключительную сферу своих интересов, недопустимую для вмешательства европейских держав.

Выводы по второму разделу.

Современное состояние американо-китайских отношений, проанализированное через призму теорий реализма и неореализма, свидетельствует о системном характере стратегического соперничества двух ведущих держав, обусловленного структурными факторами международной системы. Баланс сил, борьба за сферы влияния и конкуренция за институциональное лидерство формируют основные векторы их внешнеполитического взаимодействия, подтверждая фундаментальные положения данных теоретических подходов.

Тайваньская проблема, являясь ключевым элементом американо-китайского взаимодействия, иллюстрирует реалистический тезис о первичности национальных интересов и военной мощи в международных отношениях. США рассматривают Тайвань как стратегический оплот своей региональной стратегии сдерживания Китая, обеспечивая ему военную и дипломатическую поддержку. В то же время для КНР данный вопрос является экзистенциальным вызовом территориальной целостности и национального суверенитета, что предопределяет жесткость ее подхода. В данном контексте Тайваньская проблема представляет собой как региональный фактор дестабилизации, так и элемент глобального стратегического противостояния.

Соперничество между США и Китаем в Юго-Восточной Азии подтверждает ключевые положения неореалистической парадигмы, согласно которым международная структура детерминирует поведение государств, вынуждая их конкурировать в условиях анархии. Вашингтон стремится сохранить доминирующее положение в регионе, используя механизмы военно-политических альянсов (ANZUS, AUKUS, QUAD) и дипломатического давления, в то время как Пекин реализует стратегию постепенного вытеснения американского влияния через экономическую экспансию, инициативу «Один пояс - один путь» и создание альтернативных институциональных механизмов сотрудничества.

Во второй главе проведён комплексный анализ американо-китайских отношений в условиях трансформации мирового порядка, что позволило выявить ключевые тенденции стратегического взаимодействия двух держав.

Во-первых, исследование динамики отношений США и Китая показало, что в XXI веке их взаимодействие приобретает формат структурного

соперничества. Экономическая взаимозависимость, бывшая основой стабильности, трансформируется в инструмент стратегического давления. Усиливаются элементы технологической, военно-политической, идеологической и геоэкономической конкуренции. При этом сохраняются области сотрудничества, обусловленные глобальными вызовами - климатом, торговлей, финансовой стабильностью.

Во-вторых, сравнительный анализ теоретических подходов к изучению американо-китайских отношений продемонстрировал, что ни одна парадигма не способна исчерпывающе объяснить динамику двустороннего соперничества. Реализм объясняет борьбу за власть; либерализм - институциональную взаимозависимость; конструктивизм - ценностные различия и идентичностные конфликты; геоэкономика - стратегию использования экономических инструментов как рычагов давления. Только интегративная парадигма позволяет адекватно отражать сложность отношений двух держав.

В-третьих, методологические особенности анализа внешней политики США и Китая показывают необходимость применения многомерного подхода, учитывающего экономические, военные, дипломатические, идеологические и символические инструменты. Особую значимость приобретает геоэкономический анализ, позволяющий оценивать политику через призму торговых войн, санкций, технологического давления и глобальных цепочек поставок.

В целом, второй главе подтвердил, что американо-китайские отношения являются центральным элементом современного мирового порядка, определяющим структуру глобальной конкуренции и формирование новых международных норм.

3 СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ США И КИТАЯ В ПЕРИОД ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА

3.1 Системная модель анализа американо-китайских отношений в условиях глобальной трансформации

Геоэкономика — это направление в международных исследованиях, возникшее на стыке геополитики и мировой экономики. Её основатели - Э. Люттвак, П. Кеннеди, Дж. Най, Р. Гилпин, Ж. Аттали - утверждали, что борьба держав перемещается из военной в экономическую сферу. Государства конкурируют не столько за территорию, сколько за рынки, технологии, транспортные коридоры и финансовое влияние.

Если геополитика оперирует категориями пространства и силы, то геоэкономика - категориями стоимости, цепочек добавленной стоимости и контроля над потоками капитала, данных и энергоресурсов. В этом контексте геоэкономическая мощь государства определяется не количеством вооружений, а степенью его включённости в глобальные производственные сети.

Распад Советского Союза в 1991 году привел к изменению глобального баланса сил, что способствовало возобновлению сближения между КНР и США. Китайское руководство предприняло шаги по совершенствованию законодательства в сфере внешнеэкономической деятельности. В 1990 году были внесены поправки в Закон о совместных предприятиях, которые запрещали их национализацию, отменяли ограничения на срок их функционирования и позволяли иностранным гражданам занимать ключевые посты в правлении таких предприятий. В 1991 году был принят новый закон о подоходном налоге, который устанавливал единую ставку налогообложения для всех совместных и иностранных предприятий. В то же время проводилась политика стимулирования инвестиций в производственный сектор и открытые экономические районы, включая предоставление иностранным гражданам права на долгосрочную аренду земли (от 5 до 90 лет) и приобретение недвижимости [128, p.72].

В ноябре 1993 года в Сиэтле, в рамках саммита Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), состоялась встреча председателя КНР Цзян Цзэминя и президента США Билла Клинтона, на которой были достигнуты договоренности о дальнейшем укреплении двусторонних отношений. По данным американской статистики, начиная с 1995 года китайский экспорт в США демонстрировал стремительный рост. Доля китайских товаров в общем объеме импорта США достигла 5,5 %. К 1996 году число объектов с участием американских инвестиций в Китае увеличилось до 22 240 шт., а общий объем вложенных средств составил 14 млрд долларов [28, с.53]. На протяжении 1990-х годов экономика Китая демонстрировала высокие темпы роста, что позволило стране не только обойти ряд развитых государств, но и стать значимым игроком на мировой арене. С середины 1990-х годов КНР занимает лидирующие позиции среди стран-реципиентов иностранного капитала, привлекая инвестиции из все

большого числа государств. Это, в свою очередь, усилило экономическую конкуренцию между Китаем и США. Однако в конце 1990-х годов отношения между двумя странами вновь ухудшились. Одним из наиболее серьезных инцидентов стало уничтожение посольства Китая в Белграде в результате удара американской ракеты, что вызвало острое возмущение китайского руководства. Тем не менее в ходе последующего саммита АТЭС Цзян Цзэминь и Билл Клинтон пришли к соглашению о необходимости выхода на новый уровень взаимодействия. Основное внимание уделялось извлечению взаимной выгоды и укреплению доверия в международных отношениях. Однако растущее влияние КНР на мировой арене в начале 2000-х годов, по мнению исследователей, привело к выработке Соединенными Штатами стратегии сдерживания Китая, направленной на ограничение его геополитического и экономического подъема.

Для анализа американо-китайских отношений геоэкономический подход позволяет выявить, как экономические стратегии, валютная политика, энергетическая безопасность и технологические стандарты становятся инструментами внешней политики.

Геоэкономический анализ опирается на междисциплинарные методы:

- политико-экономическое моделирование, рассматривающее государство как стратегического игрока в мировой системе;
- структурно-функциональный метод, выделяющий взаимосвязь между институтами, потоками ресурсов и центрами силы;
- сравнительный анализ, позволяющий сопоставлять стратегии США и Китая в разных секторах (финансы, технологии, инфраструктура);
- метод сценарного прогнозирования, оценивающий вероятные траектории эволюции мировой системы.

В представленной 4 таблице раскрывается структурный уровень глобальной архитектуры геоэкономической силы в контексте соперничества Соединённых Штатов и Китайской Народной Республики. Таблица систематизирует ключевые элементы мировой экономической инфраструктуры - финансовые институты, торговые сети, технологические платформы и энергетическую политику - и демонстрирует различия в стратегиях двух держав, а также характер их взаимодействия.

Анализ проводится на макросистемном уровне, где государства выступают не только как политические акторы, но и как центры институционального и инфраструктурного конструирования мировой экономики. США представлены как исторически закреплённый архитектор послевоенной финансово-экономической системы, основанной на долларовой гегемонии и доминировании в международных институтах. Китай, в свою очередь, формирует параллельные институциональные и инфраструктурные механизмы - от создания альтернативных финансовых институтов до развития собственных цифровых и технологических экосистем.

Сопоставление элементов показывает, что конкуренция между двумя державами разворачивается в плоскости стандартов, правил и инфраструктур глобального обмена. Валютная конкуренция, региональные интеграционные

проекты, технологическая дуополия и трансформация энергетической политики свидетельствуют о постепенном перераспределении геоэкономических центров влияния. Таким образом, таблица иллюстрирует переход от единой либеральной архитектуры мировой экономики к формированию частично параллельных и конкурирующих систем.

Представленная структурная модель подтверждает тезис о том, что современная трансформация мирового порядка носит не только военно-политический, но прежде всего геоэкономический характер, а американо-китайское соперничество является системообразующим фактором изменения глобальной архитектуры силы.

Таблица 4 - Структурный уровень: глобальная архитектура геоэкономической силы

Элемент	США	Китай	Характер взаимодействия
Финансовые институты	МВФ, Всемирный банк, долларовая система	Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, юань	Валютная конкуренция и борьба за стандарты расчётов
Торговые сети	NAFTA, WTO, Индо-Тихоокеанская стратегия	BRI (Пояс и путь), RCEP	Конкуренция региональных интеграций
Технологические платформы	Silicon Valley, цифровая гегемония	Huawei, Alibaba, TikTok, цифровой юань	Технологическая дуополия
Энергетическая политика	Контроль над морскими коммуникациями	Инвестиции в зелёную энергетику	Перенос энергетических центров влияния

В таблице 5 представлена периодизация эволюции стратегий Соединённых Штатов и Китайской Народной Республики в постбиполярный период, а также типология их двустороннего взаимодействия. Таблица отражает динамику трансформации американо-китайских отношений от этапа кооперативного взаимодействия к фазе системной конфронтации.

Первый этап (1990-е гг. - 2008 г.) характеризуется стратегией вовлечения Китая в либеральный международный порядок со стороны США и модернизационной стратегией интеграции со стороны КНР. Взаимодействие в этот период носило преимущественно кооперативный характер и базировалось на экономической взаимозависимости.

Второй этап (2008-2016 гг.) связан с постепенным усилением стратегического соперничества. Политика «Pivot to Asia» и элементы технологического сдерживания со стороны США совпали с активизацией китайской инициативы «Пояс и путь», что придало взаимодействию смешанный характер, сочетающий элементы конкуренции и ограниченной кооперации.

Третий этап (2017-2024 гг.) ознаменован переходом к открытой стратегической конфронтации, выраженной в торговых войнах, санкционном давлении и ускорении технологического разрыва. Китайская стратегия в ответ ориентирована на технологическую автономию, цифровой суверенитет и снижение зависимости от западных рынков и финансовых инструментов.

Таким образом, таблица демонстрирует качественную трансформацию американо-китайских отношений - от интеграционного взаимодействия к модели системной стратегической конкуренции. Представленная периодизация подтверждает гипотезу о том, что после 2008 года двусторонние отношения перестали быть элементом либерального порядка и превратились в ключевой драйвер его структурной трансформации.

Таблица 5 - Эволюция стратегий США и Китая и типология их взаимодействия (1990-е гг. - 2024 г.)

Период	Основная стратегия США	Основная стратегия Китая	Тип взаимодействия
1990-е - 2008	Вовлечение Китая в глобальную экономику	Модернизация через интеграцию	Кооперативный
2008 - 2016	«Pivot to Asia» и технологическое сдерживание	Активизация инициативы «Пояс и путь»	Смешанный
2017 - 2024	Торговая война, санкции, технологический разрыв	Ответная стратегия самообеспечения, цифровой юань	Конфронтационный

На рисунке 1 представлена структурно-функциональная модель геоэкономической системы, отражающая взаимосвязь между институциональными механизмами, центрами экономической силы и глобальными потоками в условиях современного мирового порядка. В основе модели находится нормативно-институциональный уровень, включающий международную валютную систему, стандарты и платежную инфраструктуру, а также деятельность международных организаций. Данный уровень формирует правила функционирования мировой экономики и определяет условия взаимодействия государств.

Следующий уровень представлен структурой распределения геоэкономической силы, где США выступают в качестве финансово-институционального центра, Китай — производственно-логистического центра, а Центральная Азия выполняет функции транзитно-энергетического узла. Такое распределение отражает сложившуюся специализацию участников мировой экономики и их место в глобальной системе хозяйственных связей.

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Рисунок 1 - Авторская структурно-функциональная схема геоэкономической модели

Функционирование указанных центров обеспечивается посредством глобальных потоков товаров, капитала, финансовых ресурсов и энергоресурсов. Именно данные потоки формируют материальную основу современной геоэкономики и создают условия для взаимозависимости государств. В результате между ключевыми акторами одновременно возникают процессы конкуренции и взаимозависимости, которые являются характерной особенностью современного этапа развития международных отношений.

Для достижения своих стратегических целей государства используют различные политико-институциональные инструменты, включая санкции, торговые ограничения, интеграционные объединения, а также международные стандарты и договоры. Применение данных механизмов позволяет влиять на распределение ресурсов и регулировать направления глобальных потоков. Вместе с тем высокая степень взаимосвязанности мировой экономики приводит к формированию феномена взаимозависимой конфронтации, при котором государства продолжают конкурировать за влияние и ресурсы, однако не могут полностью отказаться от сотрудничества вследствие существующей экономической взаимозависимости.

Рисунок 2 отражает авторскую геоэкономическую модель взаимодействия США, Китая и Казахстана, основанную на анализе потоков как ключевого источника власти в современной мировой системе. В отличие от классических геополитических подходов, модель исходит из того, что определяющим фактором международного влияния становится контроль над торговыми, финансовыми, технологическими и энергетическими потоками.

Глобальные институты и стандарты формируют рамочные условия функционирования системы, однако реальная динамика определяется действиями ключевых акторов, выполняющих различные функциональные роли. США концентрируются на финансовом и нормативном контроле, Китай - на производственно-инфраструктурном расширении, а Казахстан и Центральная Азия выполняют роль транзитного и энергетического узла, обеспечивающего связность евразийского пространства.

Политические и институциональные решения в модели рассматриваются как инструменты управления потоками, а не как самостоятельные источники власти. В результате формируется режим взаимозависимой конфронтации, при котором соперничество и сотрудничество сосуществуют, а устойчивость системы определяется способностью акторов балансировать взаимные зависимости.

Дополнительно следует отметить, что предложенная модель носит не статичный, а динамический характер, отражая постоянную трансформацию структуры глобальных потоков под воздействием технологических изменений, геополитической конкуренции и кризисных факторов. При этом возрастает значение «узловых» пространств Евразии, способных перераспределять потоки в зависимости от изменения политических режимов доступа, инфраструктурных ограничений и санкционных режимов.

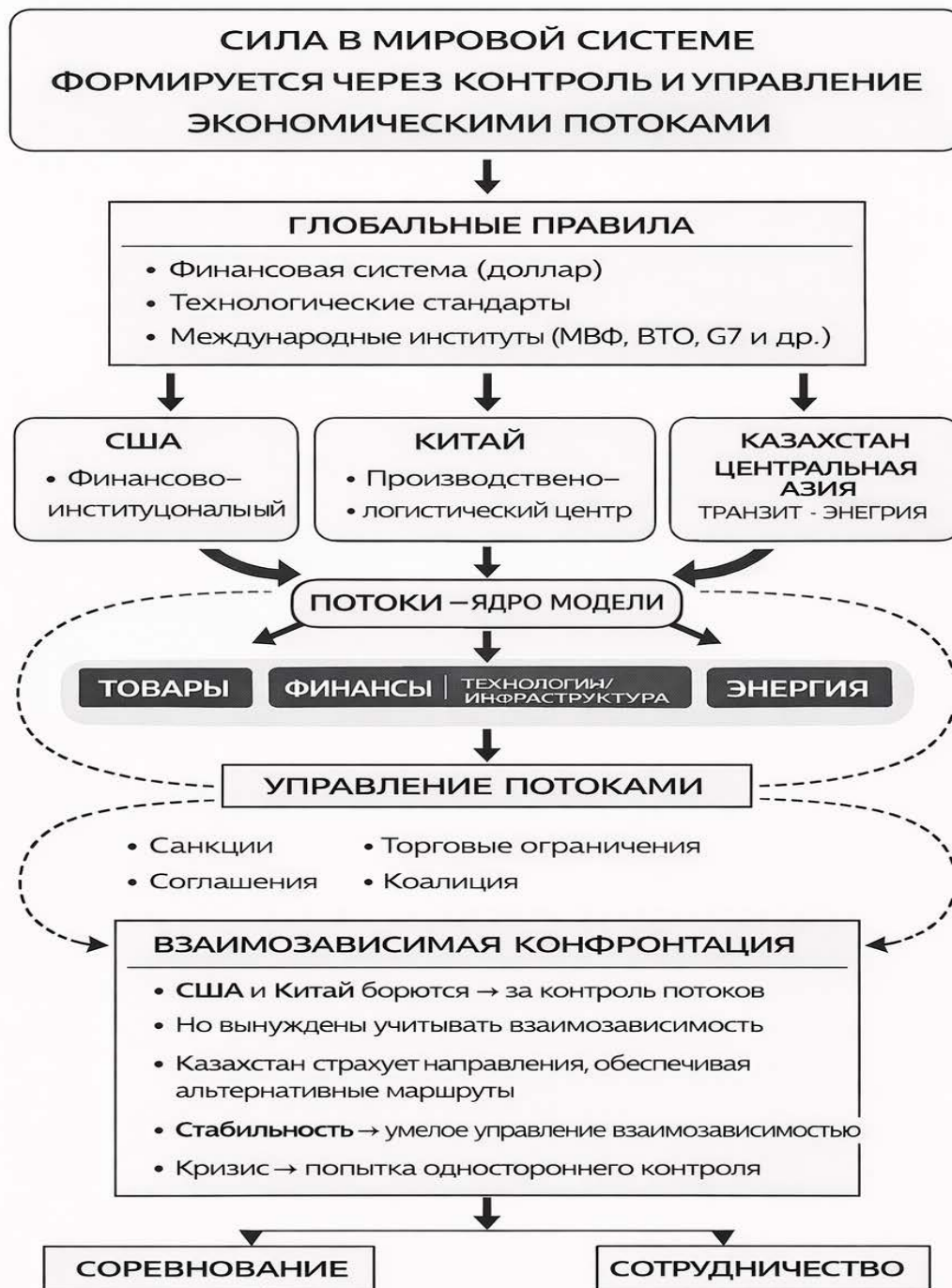

Рисунок 2 - Геоэкономическая модель взаимодействия США-Китай-Центральная Азия

В таблице 6 представлен сравнительный анализ ключевых показателей геоэкономической мощи Соединённых Штатов, Китайской Народной Республики и Республики Казахстан по состоянию на 2024 год. Таблица

отражает количественные параметры экономического, технологического, финансового, цифрового и энергетического потенциала государств, а также их позиции в глобальной торговле и логистике.

Сравнительный формат позволяет выявить асимметрию масштабов геоэкономического влияния и определить структурные различия в моделях развития. Соединённые Штаты сохраняют доминирующее положение по совокупному объёму экономики, инновационному потенциалу и контролю над глобальными цифровыми платформами. Китай демонстрирует устойчивую динамику наращивания экономической и технологической мощи, занимая ведущие позиции в мировой торговле, объёме золотовалютных резервов и высокотехнологичном экспорте. Казахстан представлен как государство со средней экономикой, обладающее стратегическим значением благодаря энергетическим ресурсам, транзитному потенциалу и относительной финансовой устойчивости.

Особое внимание уделяется показателям, отражающим трансформацию мирового порядка в геоэкономическом измерении: перераспределению торговых потоков, росту роли высоких технологий, усилению цифровой экономики и изменению энергетических центров влияния.

Часть макроэкономических и структурных показателей (номинальный ВВП, доля в мировой торговле, уровень внешнего долга, доля в мировой цифровой экономике) рассчитана и сопоставлена на основе данных World Bank. World Development Indicators [123], которые обеспечивают сопоставимую статистическую базу по странам и позволяют проводить межстрановой анализ в динамике.

Таблица 6 - Сравнительные показатели геоэкономической мощи США, Китая и Казахстана

Показатель	США	Китай	Казахстан	Аналитический комментарий
1	2	3	4	5
Номинальный ВВП (трлн долл. США)	27,0	17,5	0,26	США сохраняют мировое лидерство по совокупной экономической мощности; Китай демонстрирует ускоренный рост; Казахстан - типичный «геоэкономический узел» со средней, но устойчивой экономикой.
Доля в мировой торговле, %	8,5	15,3	0,25	Китай - крупнейший экспортер, США сохраняют статус крупнейшего импортёра; Казахстан усиливает позиции на энергетическом и транзитном рынках.

продолжение Таблицы 6

1	2	3	4	5
Объем золотовалютных резервов (млрд долл.)	240	3 200	37	Китай обладает крупнейшими резервами в мире, что обеспечивает устойчивость к санкционному давлению; Казахстан - умеренный уровень для стабилизации тенге.
Технологический индекс (R&D расходы, % ВВП)	3,5	2,4	0,15	США лидируют в инновационном потенциале; Китай быстро сокращает разрыв; Казахстан только формирует инновационную экосистему.
Доля высокотехнологичного экспорта, %	19	30	1,3	Китай превратился в глобальный центр производства высокотехнологичных товаров; США - в центр проектирования и НИОКР; Казахстан - в стадии технологического импорта.
Доля в мировой цифровой экономике, %	36	25	0,1	США контролируют глобальные платформы (Apple, Google, Meta); Китай развивает собственную экосистему (Alibaba, Tencent); Казахстан подключается к цифровым коридорам.
Энергетический баланс: добыча нефти (млн барр./сут.)	12,3	4,4	1,7	США - крупнейший производитель нефти; Китай - крупный импортер; Казахстан - региональный экспортер и стратегический поставщик.
Уровень внешнего долга (в % к ВВП)	124	65	28	Высокая долговая нагрузка США компенсируется долларовой монополией; Китай поддерживает умеренный долг; Казахстан демонстрирует финансовую устойчивость.
Позиции в мировой логистике (индекс LPI Всемирного банка)	3,9	3,7	2,9	Казахстан развивается как транзитный хаб между Европой и Азией, что усиливает его значение в рамках инициативы BRI.

Таким образом, таблица выполняет функцию систематизации статистических данных по ключевым параметрам геоэкономической мощи государств и служит основой для последующего аналитического осмысления выявленных тенденций. На основе представленных в таблице показателей возможно обоснование тезиса о геоэкономическом характере современной трансформации мирового порядка, а также определение места Республики Казахстан в структуре глобального соперничества крупных держав.

Китайская Народная Республика, стремясь минимизировать негативное влияние Соединенных Штатов в Азиатско-Тихоокеанском регионе, активно выступает против усиления американского присутствия и одновременно усиливает свои позиции как ключевого актора в обеспечении региональной и глобальной стабильности. Вновь пересмотрев внешнеполитическую стратегию, китайское руководство выработало новую концепцию международных отношений, предполагающую интеграцию экономического и политического компонентов в рамках формирования альтернативного мирового порядка. В данной концепции центральное место занимает идея неформального лидерства КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе, что подчеркивает стратегическую направленность Пекина на региональное доминирование как условие устойчивого социально-экономического развития страны [37, с.352].

В основе обновленного внешнеполитического курса КНР в 2000-х годах лежат концепции «нового мирового порядка» и «новой безопасности», которые стали базой для развития стратегического партнерства с рядом государств. Данный подход предполагает выстраивание долгосрочных, стабильных и взаимовыгодных отношений, основанных на принципе учета национальных интересов. При этом Китай рассматривает экономические противоречия как основной источник потенциальных международных конфликтов, что определяет его приверженность политике невмешательства во внутренние дела других стран. Несмотря на тесные экономические связи между КНР и США, конкуренция за лидерство в Азиатско-Тихоокеанском регионе обострилась в начале XXI века. Администрация Дональда Трампа реализовала собственную стратегию регионального влияния, консолидировав союзников, таких как Япония и Австралия, и инициировав переговоры с Индией о формировании четырехстороннего альянса с целью сдерживания Китая.

Кроме того, Вашингтон активно пытался привлечь к данному курсу своих традиционных партнеров за пределами Азии. В рамках экономического давления были введены торговые санкции не только против КНР, но и в отношении Европейского Союза и Канады, чтобы сохранить единство западного блока в американо-китайском противостоянии [37, с.357]. В ответ на эти действия Китай выбрал стратегию «мягкой силы», акцентируя внимание на мирном развитии и взаимовыгодном сотрудничестве. Данный подход включает в себя активное продвижение китайской культуры, развитие образовательных программ для иностранных студентов, стимулирование международного туризма и расширение культурных обменов. Такая политика позволила КНР закрепить имидж ответственного и стабильного актора в международных отношениях. До

мирового финансово-экономического кризиса 2008 года темпы роста ВВП Китая в среднем составляли около 9 % в год.

Однако последовавшие экономические потрясения несколько замедлили динамику развития страны. Тем не менее взаимозависимость экономик КНР и США оставалась значительной. Американский рынок являлся крупнейшим и самым быстрорастущим направлением экспорта для Китая, в то время как Китай предоставлял США обширные возможности для реализации продукции и инвестиций. Данная взаимозависимость основывалась на структурных различиях двух экономик: Китай располагал значительным объемом дешевой рабочей силы, но отставал от США в области передовых технологий и научных разработок [128, p.62].

Таким образом, несмотря на периодические кризисы в двусторонних отношениях, КНР и США на протяжении начала XXI века сохраняли высокую степень экономической взаимозависимости, что оказывало стабилизирующее влияние на международную систему. Однако стратегическое соперничество между двумя державами, особенно в контексте регионального доминирования в Азиатско-Тихоокеанском регионе, оставалось ключевым фактором мировой политики. Взаимовыгодное торгово-экономическое сотрудничество между США и Китаем в начале XXI века способствовало не только росту взаимозависимости двух экономик, но и приносило ощутимые выгоды американским потребителям. В частности, в период с 2000 по 2007 гг. объем импорта недорогих потребительских товаров из Китая достиг 202 млрд долларов, что способствовало снижению цен на внутреннем рынке США и оказывало благоприятное влияние на двусторонние отношения [34]. Однако за последние два десятилетия американский политический дискурс в отношении Китая претерпел значительные изменения. Если ранее КНР рассматривалась как важный экономический партнер, то в последующем она все чаще стала восприниматься как главный экономический конкурент, а затем - как стратегическая угроза для национальной безопасности США.

В рамках экономического взаимодействия между двумя странами можно выделить как позитивные, так и негативные аспекты. В частности, период с 1999 по 2011 гг. ознаменовался значительными потерями рабочих мест в обрабатывающей промышленности США, что привело к росту социальной напряженности и усилило критику либеральных принципов международной торговли. Экономический подъем Китая начал ослаблять глобальные позиции Соединенных Штатов, способствуя увеличению внешнего долга, росту безработицы и ухудшению положения американского среднего класса. Данные тенденции вызвали недовольство значительной части населения, особенно среди представителей традиционных отраслей промышленности, малого бизнеса и жителей малых городов [36, с. 25].

Это свидетельствовало о намерении Вашингтона пересмотреть глобальные экономические отношения в свою пользу, что, в свою очередь, способствовало дальнейшей эскалации американо-китайских противоречий. Си Цзиньпин, напротив, позиционировал себя как сторонник свободной торговли, выступая за

более сбалансированный и инклюзивный процесс глобализации. Однако с приходом к власти администрации Д. Трампа напряженность в американо-китайских отношениях значительно возросла, а ряд экспертов интерпретирует данную динамику как начало экономической войны между двумя государствами.

В основе претензий США к Китаю лежит несколько ключевых аспектов, касающихся структуры двусторонней торговли и политики Пекина в сфере поддержки национального бизнеса. В частности, Вашингтон требует от Китая: прекратить практику обязательной передачи технологий китайским компаниям со стороны иностранных предприятий, ведущих деятельность в КНР; отказаться от предоставления государственных субсидий китайским компаниям, особенно в высокотехнологичных секторах, поскольку это создает неравные условия конкуренции; снизить торговые барьеры, ограничивающие доступ американской сельскохозяйственной продукции на китайский рынок; уменьшить значительный торговый дисбаланс в двусторонней торговле; прекратить валютные интервенции и манипулирование курсом юаня, что, по мнению США, дает Китаю преимущество в международной торговле.

Особенно остро стоит вопрос торгового дефицита США в отношениях с КНР. Многие американские экономисты, участвующие в разработке внешнеторговой стратегии США, считают, что данный дефицит обусловлен несправедливой торговой политикой Китая. Однако существуют и альтернативные взгляды, согласно которым официальная статистика по торговому дефициту дает искаженную картину двусторонних экономических отношений, поскольку не учитывает косвенные поставки продукции американских транснациональных корпораций [37, с.359]. Более того, традиционные методы расчета внешнеторгового оборота не всегда точно отражают добавленную стоимость, создаваемую в разных странах в процессе глобальных производственных цепочек.

Не менее значимой проблемой остается защита интеллектуальной собственности. Американская сторона регулярно обвиняет Китай в незаконном присвоении интеллектуальных активов компаний, работающих на его территории. Впервые за всю историю американо-китайских экономических связей объем противоречий между сторонами достиг такого уровня напряженности. В ответ Вашингтон активизировал сотрудничество с Японией и Европейским союзом, поддерживая их позицию относительно несовершенного перехода Китая к рыночной экономике. С точки зрения США, элементы протекционизма в политике Пекина нарушают принципы справедливой рыночной конкуренции, предоставляя необоснованные преимущества китайским компаниям [36, с.26].

На рисунке 3 представлена концептуальная схема геоэкономического взаимодействия трёх ключевых акторов — США, Китайской Народной Республики и Республики Казахстан в контексте формирующегося мирового порядка и перераспределения экономических центров влияния.

Слева показана модель Соединённых Штатов, основанная на доминировании в сфере финансов и технологий. Ключевыми характеристиками

выступают контроль над цифровыми платформами, высокая концентрация технологической мощи и возможность применения санкционных инструментов как элемента геоэкономического давления. Данная модель отражает переход от классического промышленного лидерства к лидерству в сфере финансово-информационной архитектуры глобальной экономики.

Справа представлена модель Китая, ориентированная на производственное и инфраструктурное доминирование. В её основе лежит контроль глобальных цепочек поставок, развитие инфраструктурных проектов в рамках инициативы «Пояс и путь», а также формирование альтернативных механизмов расчётов. Это отражает стратегию Китая по укреплению материальной базы глобального влияния через индустриальную и логистическую экспансию.

Центральное положение занимает Казахстан и более широко — Центральная Азия, которые представлены как связующий геоэкономический узел между Востоком и Западом. В данной модели регион выполняет функцию транзитного коридора, сырьевой базы и пространства сопряжения интересов двух крупнейших центров силы. Таким образом, Казахстан включается в формирующуюся многовекторную систему глобальных потоков капитала, товаров и логистики.

Представленная схема основана на сравнительном анализе макроэкономических и структурных показателей, включая данные по торговле, логистике, энергетике и цифровой экономике, которые сопоставляются в рамках международной статистики World Bank. World Development Indicators [123]. Использование данной базы позволяет обосновать различия в уровнях экономического развития и структурных моделях государств, а также подтвердить тенденции асимметрии глобальной геоэкономической системы.

Рисунок 3 - Сравнительный геоэкономический профиль США, Китая и Казахстана (радиальная схема)

Несмотря на существующие ограничения, конкурентоспособность китайской экономики продолжает расти. В 2018 г. США занимали 1-е место в мировом рейтинге конкурентоспособности с 85,6 балла из 100 возможных, тогда

как Китай находился на 28-й позиции с 72,6 балла. Однако динамика улучшения позиций Китая свидетельствует о его возрастающем влиянии на глобальной арене и позволяет предположить дальнейшее укрепление его позиций в рейтинге Всемирного экономического форума. Результатом продолжающегося экономического противостояния между США и Китаем стало введение американской администрацией ряда санкционных мер, что оказало ощутимое влияние на двустороннюю торговлю.

В частности, за первые три месяца 2019 г. объем торговли между двумя странами сократился на 15 %. Отсутствие прогресса в ходе переговорного процесса привело к тому, что в мае 2019 г. Д. Трамп объявил о намерении повысить тарифные ставки на китайские товары общей стоимостью 300 млрд долларов на 25 % [36]. Некоторые исследователи полагают, что столь жесткая риторика Вашингтона является частью стратегической линии на завышение требований с последующим достижением компромисса. Однако торгово-экономические разногласия привели к дальнейшему обострению внешнеполитических отношений между двумя державами, что неизбежно отразилось на глобальной системе международных экономических связей. США стремятся защитить свое экономическое лидерство и укрепить позиции в мировой экономике, опираясь на концепцию «Америка прежде всего». Используя свои сильные позиции в ВТО и обладая значительным влиянием в глобальной торговле, американская администрация инициировала выход из Транстихоокеанского партнерства (ТТП) и запустила «расследование» против ряда государств, особенно Китая [37, с.354].

Данные меры, по мнению китайской стороны, демонстрируют стремление США к укреплению своей доминирующей роли в мировом порядке. При этом такие действия, будучи направленными против норм международной торговли, подрывают авторитет ВТО и вызывают обеспокоенность со стороны государств, придерживающихся принципов стабильности и мирного экономического сотрудничества. Оценка конкурентоспособности Китая требует учета ряда факторов, включая сильные и слабые стороны его экономического развития, а также внешние возможности и угрозы, способные повлиять на его позиции в международном хозяйстве. Среди ключевых преимуществ КНР можно выделить: выгодное географическое положение, способствующее развитию торговых связей; высокие темпы экономического роста; развитую промышленную инфраструктуру, особенно в ключевых регионах; благоприятный инвестиционный климат, создающий привлекательные условия для вложений; наличие значительных трудовых ресурсов, обеспечивающих низкую себестоимость производства; широкий внутренний рынок и диверсифицированные внешнеэкономические связи, способствующие устойчивости китайской экономики.

Одним из наиболее значимых достижений Китая последних лет стало стремительное развитие высокотехнологичных отраслей, включая авиацию, электронные технологии, а также информационно-коммуникационный сектор. Однако зависимость от зарубежных технологических инноваций остается

потенциальным вызовом для Китая. В данном контексте укрепление национальной конкурентоспособности требует наращивания инвестиций в собственные исследования и разработки, а также активного продвижения китайского бизнеса на международных рынках. Расширение присутствия китайских компаний за пределами страны, включая создание новых рабочих мест за рубежом, может способствовать снижению зависимости от иностранных технологических решений и укреплению позиций КНР в глобальной экономике.

Таким образом, на современном этапе экономическое взаимодействие между США и Китаем претерпевает качественные изменения. В отличие от предыдущих двух десятилетий, когда двусторонние отношения характеризовались растущей взаимозависимостью и активным сотрудничеством, в последние годы на первый план выходит фактор конкуренции. Тем не менее, несмотря на существующие противоречия, ряд американских региональных правительств продолжает активно взаимодействовать с Китаем в таких сферах, как чистая энергетика и инновационные технологии. В рамках мероприятий, организованных в ходе «Китайской недели», губернатор Калифорнии Джерри Браун подчеркнул значимость глобальных интеграционных процессов, отметив: «Глобализация - это неизбежная тенденция, и Китай и Соединённые Штаты могут учиться друг у друга» [38, с.114]. Подобные заявления, наряду с как официальными, так и неформальными двусторонними контактами, свидетельствуют о продолжающемся интересе обеих сторон к углублению сотрудничества, несмотря на сохраняющиеся разногласия и вызовы.

В условиях современной архитектуры международных отношений особое значение приобретает научно-технический потенциал, выступающий одним из ключевых факторов, определяющих темпы и характер глобализации. В условиях взаимозависимости экономик США и Китая, значительно усиленной благодаря технологическому прогрессу и транснациональному характеру производства, на первый план выходит противоречие между необходимостью кооперации и конкуренцией за глобальное лидерство. Обе державы стремятся укрепить собственные позиции в мировой экономической системе, что объективно способствует нарастанию соперничества между ними. При этом анализ развития американо-китайских отношений демонстрирует, что на начальном этапе их экономическое сближение имело в большей степени геостратегическую, нежели исключительно экономическую направленность.

В условиях трансформации современного мирового порядка отношения США и Китая приобретают системообразующее значение для международной безопасности и глобального баланса сил. Как отмечает Л.М. Иватова, взаимодействие ведущих держав оказывает существенное влияние на формирование международной среды безопасности, в которой государства вынуждены адаптировать свою внешнюю политику к меняющемуся распределению силы и интересов. В данном контексте американо-китайские отношения следует рассматривать не только как двустороннее взаимодействие,

но и как один из ключевых факторов трансформации международной системы [38, с.115].

Усиление международной конкуренции между США и КНР выходит за пределы исключительно военно-политического соперничества и охватывает сферы стратегических ресурсов, технологий, энергетики и международного влияния. В исследованиях Л.М. Иватовой подчеркивается возрастающее значение сотрудничества и конкуренции ведущих держав в вопросах безопасности и глобального управления, что позволяет рассматривать геэкономическое измерение как важный инструмент анализа современных международных отношений [40, с.12].

С позиции теории международных отношений взаимодействие США и Китая может быть интерпретировано через призму баланса сил, стратегической конкуренции и институционального сотрудничества. Анализируя сотрудничество крупных держав, Л.М. Иватова указывает на значимость международных механизмов регулирования и координации интересов в сфере глобальной безопасности. Это позволяет использовать инструментарий неореализма, неолиберального институционализма и концепции глобального управления для исследования современных американо-китайских отношений [40, с.13].

3.2 Комплексный методологический подход к исследованию американо-китайских отношений

Концепция «китайской угрозы», заложенная в работах западных теоретиков международных отношений, таких как Дж. Миршаймер и Дж. Икенберри, стала доминирующим аналитическим нарративом в исследовании взаимодействия Китая с развитыми странами, в первую очередь с Соединёнными Штатами, в XXI веке. В целях анализа вероятности стремления Китая к глобальной гегемонии в обозримом будущем, западное академическое сообщество активно прибегает к методологическим установкам неолиберальной парадигмы.

При этом китайские исследователи, оперируя схожими теоретико-методологическими основаниями, предлагают альтернативную аргументацию, направленную на демонстрацию неагрессивного характера внешнеполитической стратегии КНР. Неолиберализм, сохраняя основополагающие постулаты неореализма - такие как признание анархичности международной системы и рациональности государств, стремящихся к максимизации национальных интересов - делает акцент на потенциал международных институтов (например, ВТО и МВФ) в снижении конфликтности и обеспечении кооперации. Согласно данному подходу, Китай может быть интегрирован в существующий либеральный международный порядок без угрозы его разрушения.

Глубокая вовлеченность китайской экономики в глобальные экономические процессы служит, с точки зрения неолибералов, фактором стабилизации. Так, между 1978 и 2017 годами вклад КНР в глобальный экономический рост увеличился с 2,3% до 34% [129, p.11]. Вместе с тем

современный этап трансформации мирового порядка характеризуется состоянием стратегической неопределённости, обусловленным ослаблением доминирующих позиций западных государств во главе с США и одновременно незавершённостью процесса консолидации новых центров силы, прежде всего Китая.

В условиях формирующегося глобального баланса Казахстану необходимо опираться преимущественно на собственный потенциал, используя дипломатические, интеллектуальные, технологические и финансово-экономические ресурсы для защиты национальных интересов, минимизации внешнеполитических рисков и укрепления собственной роли в международных отношениях. В данной логике особую значимость приобретает постепенный переход Казахстана от положения преимущественно геополитического объекта к статусу самостоятельного и активного субъекта мировой политики [29, с.23].

Тем не менее, в Пекине недооценили масштаб трансформации стратегического мышления Вашингтона, что отразилось в неожиданном для китайских аналитиков развязывании торговой войны и введении санкций против высокотехнологической корпорации Huawei.

Несмотря на усиливающееся противостояние и потерю «стратегического доверия», китайская политико-дипломатическая риторика по-прежнему нацелена на поддержание образа КНР как кооперативного партнёра США. При этом ведущие китайские эксперты призывают к пересмотру двусторонних отношений с учётом эволюции внутренней социально-политической структуры США, изменений в международном порядке, соотношении сил, национальных интересов и стратегических реалий. Особое внимание уделяется исследованию взаимодействия в стратегических треугольниках: КНР - США - РФ, КНР - США - ЕС, а также КНР - США - Япония [129, р.2].

Рисунок 4 иллюстрирует динамику взаимозависимости США и Китая через показатели общего торгового оборота и доли высокотехнологичных товаров в двусторонней торговле в период 2000-2025 гг. График демонстрирует, что несмотря на усиление стратегического соперничества и торгово-санкционные ограничения, экономические связи между двумя странами не разрушаются, а трансформируются.

Рост доли высокотехнологичной торговли указывает на углубление структурной взаимозависимости, при которой разрыв цепочек поставок становится экономически затратным для обеих сторон. Даже в периоды снижения общего товарооборота сохраняется высокая роль технологий, что свидетельствует о невозможности полного экономического размежевания.

Таким образом, данные подтверждают ключевое положение авторской модели о взаимозависимой конфронтации, в рамках которой соперничество между США и Китаем развивается не через разрыв связей, а через их селективную перестройку и перераспределение.

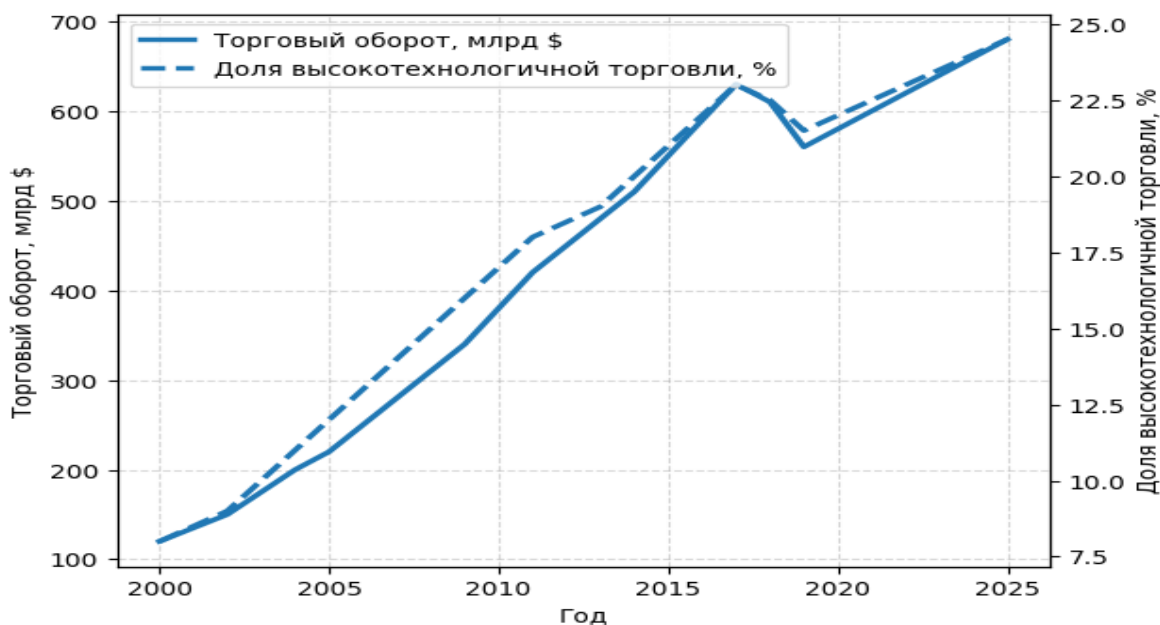

Рисунок 4 - Взаимозависимость США и Китая: торговый и доля высокотехторговли (2000-2025).

Рисунок 5 представляет сравнительный профиль геоэкономической мощности США и Китая по ключевым функциональным параметрам, нормированным по шкале от 0 до 100. В отличие от агрегированных показателей, диаграмма позволяет выявить структурную асимметрию источников силы двух государств.

Геоэкономический профиль США характеризуется доминированием в институциональной, технологической и цифровой сферах, что обеспечивает контроль над глобальными стандартами, финансовыми потоками и платформенной экономикой. Высокие значения в области R&D и институтов отражают способность США формировать правила функционирования мировой системы.

Китай демонстрирует максимальные показатели в сфере торговли и высокие значения в цифровой экономике и инфраструктурно-технологическом развитии. Его геоэкономическая стратегия ориентирована на расширение производственных цепочек, логистических сетей и альтернативных каналов экономического взаимодействия.

Сопоставление профилей показывает, что геоэкономическое соперничество США и Китая носит не симметричный, а комплементарно-конкурентный характер: стороны доминируют в разных сегментах системы, что формирует устойчивую взаимозависимость и ограничивает возможности полного экономического разрыва.

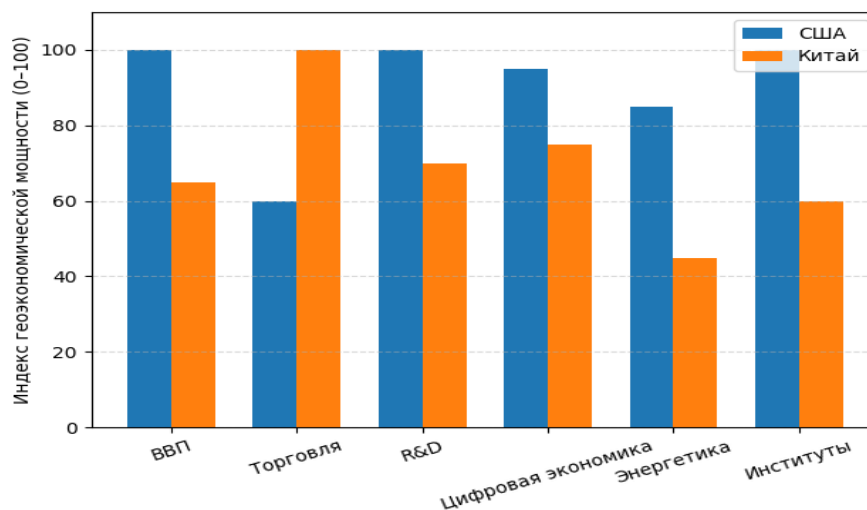

Рисунок 5 - Сравнительный профиль геоэкономической мощности США и Китая

Рисунок 6 отражает сценарный прогноз динамики ключевых геоэкономических показателей США и Китая до 2030 г., нормированных по базовому уровню 2024 г. (=100). Прогноз носит индикативный характер и используется для выявления относительных траекторий развития, а не для точной количественной оценки.

Данные демонстрируют асимметричную динамику роста: США сохраняют устойчивое лидерство в сфере научно-исследовательских разработок и цифровой экономики, тогда как Китай демонстрирует более высокие темпы роста по всем ключевым направлениям. При этом ускорение китайских показателей не приводит к устранению взаимозависимости, а, напротив, усиливает структурную связанность двух экономик.

Таким образом, сценарный прогноз подтверждает положение авторской модели о взаимозависимой конфронтации, в рамках которой соперничество между США и Китаем сочетается с сохранением общих технологических и экономических траекторий развития.

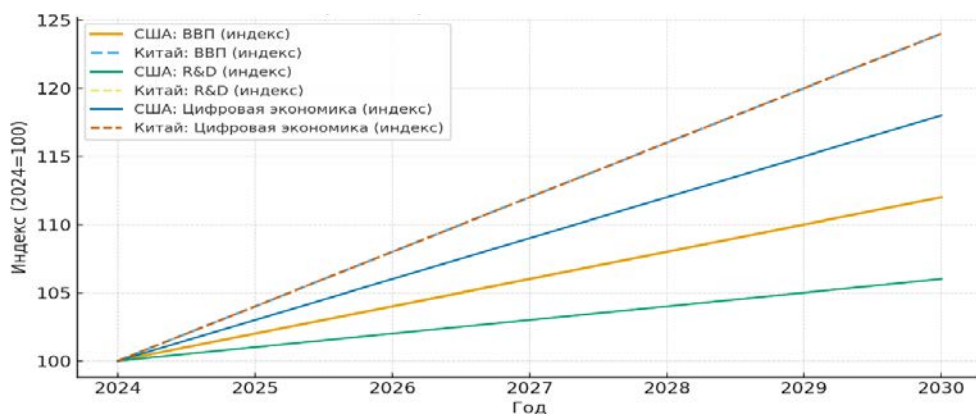

Рисунок 6 - Сценарный прогноз до 2030 года (индексы 2024=100)

Рисунок 7 представляет геоэкономическую матрицу влияния США и Китая, отражающую относительный уровень доминирования в ключевых секторах мировой экономики. Индекс доминирования нормирован в диапазоне от 0 до 1 и используется для сопоставления структурных источников влияния, а не для оценки абсолютной экономической мощи.

Матрица демонстрирует выраженную асимметрию геоэкономических профилей. США обладают наибольшим уровнем влияния в финансовой и цифровой сферах, а также в институционально-технологических сегментах, что позволяет им формировать глобальные стандарты и правила экономического взаимодействия. Китай, в свою очередь, демонстрирует наивысший уровень доминирования в сфере торговли, отражающий его ключевую роль в глобальных производственных и логистических цепочках.

Перекрывающиеся зоны влияния в энергетике и технологиях указывают на конкурентный характер взаимодействия, в то время как различие доминирующих сфер подтверждает вывод о структурной взаимодополняемости экономик США и Китая. Тем самым матрица эмпирически подтверждает положение авторской модели о взаимозависимой конфронтации, при которой соперничество развивается внутри общей системы взаимосвязанных потоков.

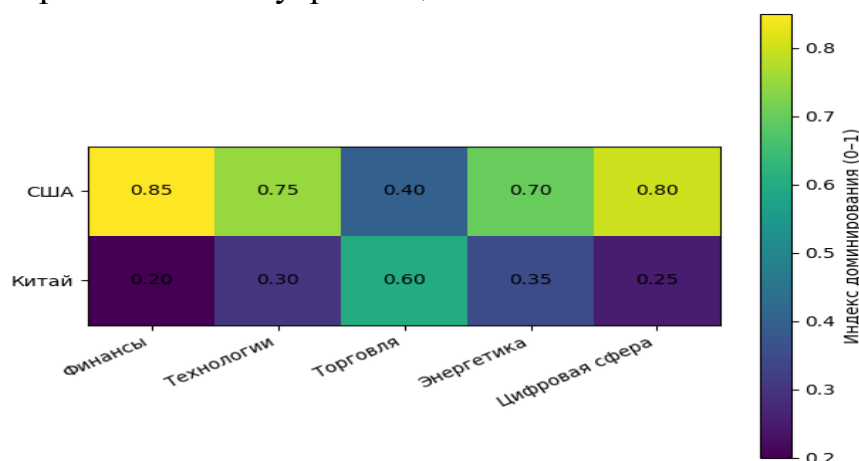

Рисунок 7 - Геоэкономическая матрица влияния (индекс доминирования)

Китайские аналитики признают эффективность уникальной переговорной тактики Д. Трампа, повлиявшей на трансформацию модели глобального взаимодействия. В связи с этим предлагается не только придерживаться долгосрочной дипломатической стратегии, но и адаптировать тактику с учётом «детальной структуры» американской политики в отношении КНР. В частности, Китай должен проявлять тактическую гибкость и непредсказуемость, при этом сочетая элементы давления и уступок («кнут и пряник») таким образом, чтобы минимизировать потери от внешнего давления. Более того, в контексте современных реалий Пекину рекомендуется отходить от пассивной внешнеполитической линии и активнее действовать в «серой зоне» международной политики - категории, под которую с 2014 года подпадают, в частности, действия России в Крыму или активность Китая по созданию искусственных островов в Южно-Китайском море [45; 9, с.196].

В современных международных отношениях противостояние и взаимодействие США и Китая представляют собой сложную динамику, определяющую глобальный порядок. Теория неолиберализма утверждает, что международная система, несмотря на анархическую природу, регулируется институтами, нормами и экономической взаимозависимостью, что способствует сотрудничеству даже между геополитическими соперниками. Историк и политолог Булат Султанов отмечает, что центр глобального влияния постепенно смещается с Запада на Восток, в то время как традиционный мировой порядок теряет устойчивость. Пандемия COVID-19 стала катализатором серьёзного экономического кризиса, что привело к усилению международной напряжённости и росту взаимного недоверия между государствами.

Все большее внимание исследователей и аналитиков привлекают последствия торгового противостояния между США и Китаем. Протекционистская политика администрации Дональда Трампа оказывает сдерживающее воздействие на развитие китайской экономики. Давление на Пекин усиливается, включая систематическое повышение таможенных тарифов. Особую обеспокоенность на Западе вызывает стремительное развитие Китая в сфере цифровых технологий, на базе которых он планирует закрепить своё лидерство в высокотехнологичных отраслях. Сегодня цифровые корпорации выглядят значительно перспективнее по сравнению с традиционными секторами, такими как нефтегазовая промышленность, автомобилестроение и авиастроение. Пандемия COVID-19, по мнению ряда аналитиков, стала своего рода "репетицией" глобального перераспределения влияния в мире. Китайские эксперты утверждают, что цели США выходят далеко за рамки заключения новых торговых соглашений.

В стратегической перспективе Вашингтон стремится сдержать усиление Китая, ограничивая его технологическое развитие, оказывая финансовое давление и провоцируя нестабильность в приграничных регионах. Глава ФБР Кристофер Рэй заявил, что Китай представляет собой «наиболее серьёзную долгосрочную угрозу» экономической устойчивости и национальной безопасности Соединённых Штатов. По его словам, Пекин намерен достичь статуса единственной мировой сверхдержавы, используя широкий спектр методов - от промышленного шпионажа и кибератак до подкупа, шантажа и кражи интеллектуальной собственности. Однако сами США нередко прибегают к спорным практикам. Так, одним из примеров может служить указ президента Трампа от 6 августа, который запретил американским компаниям и частным лицам любые сделки с китайскими приложениями TikTok и WeChat через 45 дней после его издания.

Этот шаг был предпринят несмотря на тот факт, что управляющий персонал TikTok состоит преимущественно из граждан США, а серверы и центры обработки данных расположены на территории Соединённых Штатов и в Сингапуре. Более того, на момент принятия решения в компании работали 1,5 тысячи американских сотрудников, а в дальнейшем планировалось создать ещё около 10 тысяч рабочих мест [130]. Идеологическое и геополитическое

противостояние сохраняется, но экономика, глобальные вызовы и международные нормы способствуют формированию механизмов кооперации.

В долгосрочной перспективе вероятен сценарий "соперничества в рамках кооперации", где конкуренция не перерастёт в открытую конфронтацию, но сохранит высокую степень стратегической напряжённости [9, с.201]. Центральная Азия рассматривается как динамичное геополитическое пространство, границы которого могут изменяться под воздействием конкурирующих геополитических силовых полей. Под силовым полем понимается структура геополитического влияния, формируемая государствами или их коалициями с целью установления контроля над определённой территорией. Настоящее исследование посвящено анализу процессов формирования и трансформации силовых полей США и Китая в Центральной Азии в контексте глобального геополитического взаимодействия.

Значительный вклад в изучение исторического развития Синьцзяна внесли Н.Ә. Алдабек и А.Ә. Түргенбай в учебном пособии «Шыңжаң тарихы (Ежелгі заманнан XX ғасырдың ортасына дейін)». Авторы комплексно исследуют историческую эволюцию Синьцзяна, рассматривая регион как важное геополитическое пространство Центральной Азии. Особое внимание уделяется политике китайских государств в отношении региона, этнодемографическим процессам, а также влиянию Китая, России и Советского Союза на судьбу Синьцзяна в контексте международных отношений и соперничества держав [127, 5 б.].

Геополитические изменения в Евразии происходят с высокой интенсивностью, что подтверждает концепцию Х. Маккиндера, согласно которой этот континент представляет собой «осевую область» мирового геополитического пространства. В центре этих трансформационных процессов оказались новые независимые государства, возникшие после распада СССР, что открыло возможности для ведущих мировых держав усилить своё присутствие в регионе. Развивая идеи Николаса Спайкмена, американский политик и дипломат Генри Киссинджер отмечает, что стратегическая цель США заключается в консолидации разрозненных прибрежных зон Евразии в единое целое, что обеспечит атлантистам контроль над континентом, особенно над постсоветским пространством.

В свою очередь, З. Бжезинский подчёркивает, что США должны препятствовать возникновению в Евразии доминирующей силы или коалиции, включающей Россию, Китай и Иран, поскольку их консолидация способна ограничить американское влияние в регионе. Согласно его концепции, Центральная Азия входит в так называемые «Евразийские Балканы» - территорию с высоким конфликтным потенциалом, определяющую дальнейшую геополитическую динамику региона. В рамках исследования также использован функциональный метод, позволяющий сопоставить совпадающие и противоречивые интересы сторон, а также оценить потенциал кооперации и конфронтации в регионе. Анализ стратегии США в Центральной Азии показывает, что геополитическое соперничество между Вашингтоном и

Пекином оказывает непосредственное влияние на формирование внешнеполитических решений Казахстана как одного из ключевых акторов региона. Соединённые Штаты стремятся сохранить и укрепить своё присутствие преимущественно через механизмы безопасности, военно-политическое сотрудничество и экономические инструменты, тогда как Китай последовательно расширяет своё влияние посредством инфраструктурных проектов и инициатив экономического развития.

В результате Казахстан оказывается в поле стратегического балансирования между двумя великими державами, что отражает структурные изменения региональной и глобальной политической среды и подтверждается анализом региональной политики [26, p.234]. Данный подход применён при изучении экономических и политических связей, военного взаимодействия, особенностей стратегического противостояния и формирования нового баланса сил в регионе. Определяя свои экономические интересы в регионе, Вашингтон связывает их с общеевропейской региональной стратегией, а также с конкретными экономическими целями в отдельных странах Центральной Азии.

Одним из приоритетов политики США является интеграция государств региона в глобальную экономику, что предполагает расширение их экономических связей с Европой. В долгосрочной перспективе это способствует ослаблению позиций ОПЕК на мировых энергетических рынках за счёт предложения дополнительных объемов энергоносителей из Центральной Азии. Поддерживая развитие транспортной инфраструктуры, Вашингтон решает не только экономические, но и военно-стратегические задачи. В частности, США активно участвуют в развитии транспортных коммуникаций между Таджикистаном и Афганистаном, что позволяет им укреплять своё влияние в регионе.

Кроме того, значительное внимание уделяется деятельности различных государственных и негосударственных фондов, которые анализируют политико-экономическую ситуацию в регионе, обучают национальные кадры и оказывают консультативную поддержку для американского и европейского бизнеса в Казахстане, Узбекистане и Кыргызстане. В настоящее время двусторонние инвестиционные соглашения США заключены только с Казахстаном и Кыргызстаном. Хотя американские корпорации осуществляют крупные инвестиции в экономику стран региона, их основное присутствие сосредоточено в топливно-энергетическом комплексе Казахстана.

Практически во всех крупных проектах данного сектора присутствует американский капитал, однако в других сферах экономики он проявляет себя менее активно. В целом, Вашингтон избегает вовлечения в сложные и капиталоемкие проблемы региона, такие как водно-энергетический вопрос, предпочитая наблюдать за инициативами Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана и России без активного вмешательства. Соединённые Штаты Америки выступают одним из ведущих акторов, активно продвигающих идею создания альтернативных энергетических маршрутов,

направленных на снижение зависимости Центральной Азии от транзита через Россию.

В рамках этой стратегии Вашингтон инициирует и поддерживает различные проекты, обеспечивающие выход региональных энергоносителей на мировые рынки в обход Российской Федерации. Одновременно американская политика направлена на минимизацию транзитного потенциала Ирана, что ограничивает возможности Центральной Азии в диверсификации своих энергетических поставок. Одним из ключевых проектов США в данной сфере является Транскаспийский газопровод, который рассматривается в качестве альтернативного маршрута по отношению к Прикаспийскому газопроводу, продвигаемому Россией. В сентябре 2007 года представитель Государственного департамента США Д. Салливан предпринял дипломатические шаги, позволившие сорвать переговоры президентов России, Туркменистана и Казахстана в Ашхабаде, целью которых было согласование строительства Прикаспийского газопровода. Помимо энергетической стратегии, значительное влияние на экономические и политические приоритеты США в регионе оказывает иранский фактор. Ограниченные возможности взаимодействия с Ираном существенно сужают спектр инструментов, доступных Вашингтону для реализации своей политики в Туркменистане и особенно в Таджикистане.

Регион Центральной Азии в современных международных отношениях выступает одним из ключевых пространств соперничества ведущих мировых держав, где каждая из сторон использует собственные инструменты политического, экономического и дипломатического воздействия, включая механизмы диалога, давления, уступок и компромиссов. США, Россия и Китай, обладая во многом схожими стратегическими интересами в регионе, реализуют их посредством различных внешнеполитических подходов и рычагов влияния. Центральная Азия в настоящее время представляет собой значимый источник экономических ресурсов, а её богатая природная и энергетическая база, а также выгодное геостратегическое положение и транзитный потенциал способствуют активному вовлечению региона в орбиту интересов внешних акторов [43, с.27]

Россия, ранее воспринимавшая Центральную Азию преимущественно как постсоветское пространство периферийного значения, постепенно усиливает своё присутствие, стремясь восстановить и закрепить утраченные позиции. Её стратегия в регионе направлена на защиту традиционных сфер влияния, которые оказались под давлением в условиях возросшей конкуренции со стороны других крупных держав. Китай рассматривает Центральную Азию прежде всего через призму долгосрочной экономической экспансии и стратегической безопасности, при этом приоритетное значение для Пекина имеет обеспечение стабильности, развитие экономического взаимодействия и доступ к энергетическим ресурсам. В свою очередь, Соединённые Штаты Америки ориентированы на продвижение процессов политической и экономической трансформации региона, включая его более тесную интеграцию в глобальные и западные институциональные структуры, а также распространение принципов либерального международного порядка.

В последнем американские интересы сосредоточены в первую очередь на обеспечении поддержки операциям США и НАТО в Афганистане. Политическая стратегия Вашингтона в отношении постсоветской Центральной Азии претерпела несколько трансформаций, которые можно разделить на четыре ключевых этапа: Начало 1990-х годов - в этот период политика США ориентировалась преимущественно на выстраивание отношений с Россией, а Центральная Азия воспринималась как периферийное пространство российской сферы влияния. Данный этап совпал с администрациями Дж. Буша-старшего и первого срока У. Клинтона.

Вторая половина 1990-х годов - в этот период Вашингтон активизировал свою деятельность на постсоветском пространстве, однако стратегический приоритет России в регионе оставался неизменным. Хотя США начали усиливать своё присутствие, концепция Центральной Азии как «заднего двора» РФ всё ещё сохранялась. Этот этап пришёлся на второй срок президентства У. Клинтона. Начало 2000-х годов - теракты в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 года стали катализатором значительной коррекции американской стратегии в регионе. Вход США и их союзников в Афганистан способствовал усилению американского влияния в Центральной Азии, а также обострению соперничества с Россией и Китаем.

Наибольшая напряжённость в геополитическом противостоянии пришлась на период «цветных революций» в постсоветском пространстве и войну России с Грузией в 2008 году. Этот этап охватывает президентство Дж. Буша-младшего. Президентство Б. Обамы - администрация Обамы предприняла попытки выстраивания диалога с Россией и КНР, что сопровождалось снижением стратегической значимости постсоветского пространства. Особое внимание уделялось афганскому вопросу, который прошёл эволюцию от наращивания военного присутствия (начало президентского срока) до постепенного вывода войск и осознания потенциального стратегического поражения США. С учётом растущих угроз, связанных с афганским фактором, можно прогнозировать дальнейшее увеличение интереса США, России и Китая к постсоветской Центральной Азии.

Это может привести как к усилению соперничества, так и к возможному формированию механизмов сотрудничества. Учитывая, что проблемы безопасности в Афганистане представляют угрозу для всех трёх держав, существует вероятность достижения компромиссов по вопросам стабильности и регионального взаимодействия. В случае переизбрания Б. Обамы можно ожидать усиления тенденции к поиску дипломатических путей для координации позиций США с другими мировыми державами [131, с.29]. Однако наряду с этим Вашингтон продолжит традиционную риторику, связанную с продвижением демократии, защитой прав человека и поддержкой институтов гражданского общества в Центральной Азии.

Несмотря на некоторые корректировки внешнеполитического курса, США продолжают заявлять о своей приверженности взаимодействию с правительствами и гражданским обществом стран региона. В официальной

риторике Вашингтона регулярно поднимаются вопросы соблюдения прав человека, развития демократии и расширения религиозных свобод, а также выражается обеспокоенность состоянием гражданских институтов на всём пространстве от Каспия до границ Китая. Одним из приоритетных направлений внешнеполитической стратегии США в Центральной Азии остаётся наблюдение за динамикой процессов, связанных с распространением террористической идеологии и усилением радикальных настроений в пенитенциарной системе стран региона.

На фоне сохраняющейся глобальной террористической угрозы, обострившейся в результате террористических актов в Европе, а также эскалации вооружённых конфликтов в Сирии, Ираке и Йемене, Вашингтон выражает серьёзную обеспокоенность по поводу радикализации заключённых в тюрьмах республик Центральной Азии. Вместе с тем, американская сторона акцентирует внимание на необходимости комплексного подхода к решению данной проблемы, предполагающего реформирование судебных и уголовно-исполнительных институтов, совершенствование процедур амнистии и механизмов ресоциализации, обеспечение профессиональной адаптации и занятости лиц, освобождённых из мест заключения.

Такая стратегия увязывается с традиционной для США установкой на содействие построению более открытых и инклюзивных обществ, минимизирующих мотивацию к радикальным действиям. Однако в условиях нарастающих рисков и вызовов, американская администрация может быть вынуждена пересмотреть подход к бывшим заключённым, рассматривая их как возможных рекрутов в нелегальные вооружённые формирования. Несмотря на наличие у США значительного геополитического ресурса, они не могут игнорировать активизацию других ключевых внешнеполитических акторов в регионе.

В американском аналитическом и политическом дискурсе Южная и Центральная Азия трактуются как отдельные геополитические пространства, что позволяет разграничить внешних игроков (Китай, Россия, Турция, Иран и др.) и внутренних (Индия, Пакистан), оказывающих разностороннее влияние на региональные процессы. В ходе многолетней антиталибской операции в Афганистане зависимость Центральной Азии от экономических связей с КНР существенно возросла. Китай стал крупнейшим торговым партнером республик региона, опередив Россию даже несмотря на активизацию последней. В Вашингтоне это вызывает противоречивые эмоции, а также пристальное внимание к характеру китайского инвестирования.

Среди ключевых аспектов, вызывающих озабоченность США, выделяются отличия китайской модели экономического взаимодействия от западных стандартов, отношение к местной (некитайской) рабочей силе, качество реализуемых инфраструктурных проектов и долгосрочные последствия китайской инвестиционной экспансии. При этом, как отмечают аналитики, влияние Китая через Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) пока остается ограниченным ввиду низкого уровня сплоченности её участников и

недостаточной институциональной эффективности. Отдельное беспокойство Вашингтона вызывает создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), а также множества других региональных финансовых институтов, инициированных КНР.

Официально США признают полезность китайских инвестиций для экономического развития Центральной Азии, однако при этом выражают сомнения относительно принятых в АБИИ управленческих стандартов, роли совета директоров, механизмов защиты прав трудящихся, экологических стандартов и норм охраны интеллектуальной собственности. Эти опасения обусловлены тем, что США на протяжении десятилетий выступали инициатором создания и поддержания стандартов крупнейших международных финансовых институтов, таких как МВФ и Всемирный банк. В этом контексте Китайская инициатива рассматривается в Вашингтоне как потенциальный вызов устоявшемуся миропорядку.

Тем не менее, учитывая осторожность Пекина в пропаганде своих финансовых инициатив, маловероятно, что Вашингтон будет формировать политику «перманентного противодействия» АБИИ. Скорее, можно ожидать усиления финансовых инструментов США, адаптации прозападных финансовых институтов к новой реальности, а также возможного поиска форм кооперации между ними и китайскими структурами. Это может включать участие ключевых союзников США в АБИИ, создание новых финансовых институтов в Азии, а также развитие взаимодействия международных кредиторов. Несмотря на возросшее влияние Пекина, у государств Центральной Азии сохраняются опасения по ряду аспектов сотрудничества с КНР. В частности, нарастает недоверие к Китаю в сфере пограничной безопасности, а экономические связи нередко рассматриваются как неравноправные. Кроме того, внутри интеллектуальных кругов региона существует мнение, что Пекин недооценивает возможные последствия своей политики в отношении уйгурского вопроса.

Некоторые аналитики предполагают, что в перспективе это может привести к росту нестабильности на восточных границах Центральной Азии, что станет дополнительным вызовом для стран региона и их внешнеполитических партнёров. Соперничество за экономическое и инфраструктурное влияние в регионе. В последние годы усилилось соперничество между государствами Центральной Азии за укрепление партнерства с Китаем и контроль над ключевыми транзитными маршрутами, связывающими регион с китайским рынком. Одновременно Пекин осознает уязвимость своих западных границ, обусловленную их значительной протяженностью, слабостью пограничных укреплений, потенциальными угрозами со стороны соседних государств, а также сложной этноконфессиональной ситуацией, включая низкую степень лояльности мусульманского населения к центральному правительству КНР. В этом контексте Пекин стремится к обеспечению стабильности в соседних государствах, отдавая предпочтение мирным, прогнозируемым, светским режимам.

Однако на уровне китайских политико-аналитических кругов государства Центральной Азии все чаще рассматриваются как потенциальные очаги исламского радикализма, что вызывает обеспокоенность Пекина. Дополнительным фактором напряженности является выражение сочувствия к уйгурским сепаратистским движениям со стороны ряда центральноазиатских акторов, что усиливает подозрения КНР в их уязвимости перед внешними манипуляциями со стороны других великих держав. С точки зрения наиболее консервативных представителей вашингтонского истеблишмента, для сдерживания Китая в Центральной Азии США необходимо использовать асимметричные экономические рычаги, включая: предоставление эксклюзивных экономических преференций для государств региона, исключая возможность их распространения на КНР; ограничение доступа Китая к передовым военным технологиям; усиление союзников США вблизи китайской периферии; повышение боеспособности американских военных сил в регионе.

Несмотря на это, ряд аналитиков утверждает, что текущее присутствие КНР в Центральной Азии не представляет непосредственной угрозы американским интересам. Однако долгосрочное расширение китайского влияния в Центральной и Южной Азии может иметь серьезные геополитические последствия. В то же время американские стратеги учитывают наличие широкого спектра угроз национальной безопасности за пределами США, а также внутренние бюджетные ограничения, влияющие на военные расходы Вашингтона [132, с.6]. КНР является вторым крупнейшим потребителем энергоресурсов в мире после США, причем с 1994 года страна не может полностью удовлетворять свои энергетические потребности за счет внутренних источников. К 2015 году доля импортируемых Китаем энергоресурсов достигла 50%, что обуславливает стратегический интерес Пекина к углеводородным запасам Центральной Азии.

В рамках этого интереса Китай реализует масштабные инфраструктурные проекты, такие как нефтепровод Атасу - Алашанькоу, направленный на обеспечение стабильных поставок нефти из Казахстана в КНР. Вторым ключевым экономическим приоритетом КНР в регионе является формирование устойчивого рынка сбыта китайских товаров, особенно продукции, произведенной в менее развитых западных провинциях Китая. Хотя доля Центральной Азии в общем объеме китайской внешней торговли остается относительно небольшой, она демонстрирует устойчивый рост. Помимо поставок сырьевых ресурсов, Пекин активно экспортирует в регион машиностроительную продукцию, электронику и другие высокотехнологичные товары. Китайские инвестиции, за исключением энергетического сектора, пока остаются сравнительно невысокими, концентрируясь в таких отраслях, как текстильная, горнодобывающая и пищевая промышленность. Однако Пекин предпринимает активные шаги для устранения барьеров, препятствующих экономической экспансии.

Среди таких мер можно выделить: развитие железнодорожной инфраструктуры для улучшения транспортного сообщения между Китаем и

государствами региона (КНР уже реализует проекты по соединению своих железных дорог с Узбекистаном, Кыргызстаном и Таджикистаном); дипломатическое воздействие на центральноазиатские правительства с целью создания более благоприятного инвестиционного климата для китайского капитала. В долгосрочной перспективе КНР стремится превратить Центральную Азию в свободный рынок-точнее, в ресурсный хаб для своей экономики и устойчивый рынок сбыта китайской продукции [133, с.28]. Изменения в мировой геополитической ситуации, в частности политическая нестабильность на Ближнем Востоке после так называемых "арабских весен", делают традиционные маршруты поставок нефти и газа из региона в Китай менее надежными.

В результате значительно возрастает стратегическая значимость сухопутных энергетических коридоров из Центральной Азии и России. Введение в эксплуатацию в 2009 году газотранспортной магистрали Туркменистан - Узбекистан - Казахстан - Китай изменило приоритеты центральноазиатских государств-экспортеров газа. За первые полтора года работы трубопровода Туркменистан экспортировал в Китай более 10 млрд кубометров природного газа, включая более 5,7 млрд кубометров только за первые пять месяцев 2011 года [134, с.30]. Страны Центральной Азии проводят в целом сбалансированную внешнюю политику, стремясь учитывать интересы России, США, Китая и других глобальных и региональных акторов. Политические элиты региона осознают важность сохранения общего интереса Москвы и Вашингтона в противодействии террористическим угрозам и борьбе с наркотрафиком, что обеспечивает основу для их взаимодействия в сфере безопасности [135, с.2].

Этот подход соответствует принципу компартиментализации, который предполагает, что государства могут конкурировать в одних сферах, но при этом сотрудничать в других. В долгосрочной перспективе именно такая модель международных взаимодействий может способствовать укреплению системы региональной безопасности и обеспечению национальных интересов всех стран Центральной Азии [136]. Казахстан, выступающий в качестве ключевого узлового государства Центральной Азии, демонстрирует ряд характерных черт, формирующих его особую региональную и международную позицию.

Его экономика, обладая относительной устойчивостью по сравнению с соседями, остаётся преимущественно ресурсно-экспортной, ориентированной на поставки энергоносителей и сырья в Китай и Европейский союз. Казахская внешнеполитическая стратегия характеризуется приверженностью принципу «открытых дверей» - как в плане инклюзивного диалога со всеми ключевыми международными партнёрами, так и в отношении привлечения прямых иностранных инвестиций. Республика активно продвигает интеграционные инициативы, участвует в работе различных многосторонних платформ, выстраивает тесные кооперационные связи с Российской Федерацией в рамках её евразийских проектов, а также углубляет экономическое и политическое взаимодействие с Китайской Народной Республикой.

При этом сотрудничество с западными странами служит элементом стратегического баланса, позволяющим в определённой степени нивелировать

чрезмерное влияние со стороны Москвы и Пекина. Многовекторность, как системообразующий принцип внешней политики Казахстана, основана на прагматизме и освобождена от идеологической подоплёки. В условиях сложной региональной геополитики этот подход позволил Астане выстроить устойчивую и гибкую внешнеполитическую архитектуру. Экономический интерес Казахстана, в первую очередь, направлен на обеспечение поступления инвестиций, чему способствуют обширные природные ресурсы и благоприятный инвестиционный климат. Данные за 2019 год свидетельствуют, что американские энергетические компании занимали ведущие позиции в нефтяном секторе страны, на их долю приходилось порядка 30% всей добычи нефти, в то время как китайские корпорации CNPC, Sinopec и CITIC обеспечивали около 17%, а российский ЛУКОЙЛ - лишь около 3%. Учитывая, что нефтяной сектор формирует до 44% государственного бюджета, роль иностранных инвесторов в энергетике имеет критически важное значение. США изначально рассматривали Казахстан как приоритетного партнёра в регионе, а по мере усиления американо-китайского соперничества давление на Астану возрастает.

Тем не менее, Казахстан сохраняет стратегический нейтралитет, стараясь удерживать эквидистантность от всех крупных акторов и не демонстрируя полной лояльности ни одной из сторон. Подтверждением высокого статуса Казахстана в китайской внешнеполитической иерархии стало присвоение в 2019 году особого дипломатического титула - «постоянный всеобъемлющий стратегический партнёр», который Китай ранее присвоил только ограниченному числу государств, включая Россию и Пакистан. Для большинства иностранных инвесторов привлекательность Казахстана заключается, прежде всего, в его богатейшей минерально-сырьевой базе, что в полной мере справедливо и для Китая.

Китайские инвестиции в экономику Казахстана преимущественно сосредоточены в сфере нефтехимической промышленности, что подтверждается структурой казахстанского экспорта в КНР: в 2018 году на топливо, металлы и минералы приходилось 84,27% совокупного объема [136]. В рамках казахстанско-китайского индустриального сотрудничества, о котором было официально объявлено в 2017 году, реализуется 55 совместных проектов на сумму порядка 27-28 млрд долларов США. Из них уже завершено 15 проектов на сумму \$3,9 млрд, причем около 50% инвестиций приходится на нефтехимическую отрасль, а 22% - на горнодобывающий и металлургический секторы. Хотя данная структура указывает на преобладание традиционной ресурсно-ориентированной модели взаимодействия, появляются и новые направления сотрудничества.

В частности, стоит отметить проект автосборочного завода стоимостью \$1,1 млрд, а также предприятие по переработке верблюжьего и кобыльего молока на \$22 млн [136], что свидетельствует о диверсификации экономических связей. Несомненно, Казахстан остается важнейшим партнером Китая в Центральной Азии. Однако он также сохраняет тесные торгово-экономические и

политические связи с Европейским союзом. Будущее Казахстана в значительной степени будет определяться прочностью двусторонних отношений с КНР, однако влияние Пекина не является доминирующим в абсолютном выражении. Несмотря на то, что Казахстан лидирует среди стран Центральной Азии по объему задолженности перед Китаем, её относительные показатели - в соотношении к ВВП и в структуре общего внешнего долга - остаются умеренными, что позволяет Астане избегать чрезмерной зависимости от одного внешнего актора. В регионе в целом наблюдается устойчивая тенденция к экономическому сближению с Китаем, подкреплённая политическим взаимодействием. Повышение уровня национальной мощи позволило Казахстану утвердить себя в международной среде как субъект, претендующий на более активную роль в процессах глобального управления.

3.3 Геоэкономика как методологический инструмент анализа взаимоотношений США и Китая в трансформирующемся мировом порядке

С точки зрения конструктивистского подхода в международных отношениях, ключевую роль в формировании внешнеполитических стратегий играют не только материальные интересы, но и нематериальные факторы - в частности, национальная идентичность, стратегическая культура и нормы, определяющие поведение актора на международной арене. В этом контексте подъем Китая не может быть полностью понят вне анализа тех процессов социального взаимодействия, в рамках которых трансформируются его внешнеполитические установки. Конструктивизм утверждает, что вовлечение Китая в международные институты и многосторонние взаимодействия может способствовать изменению норм и ценностей КНР, выработке стандартов поведения, приближенных к сложившимся в международной системе, и, следовательно, формированию взаимного доверия и предсказуемости [137].

Тем не менее, в ряде аналитических подходов «вовлечение» Китая трактуется скорее как отсутствие внятной стратегии в отношении США, поскольку неясно, в какой мере Китай готов пойти на переосмысление и трансформацию собственной идентичности ради интеграции в существующий мировой порядок. Вопрос остается открытым: насколько далеко КНР может или готова пойти в пересмотре своих внутренних установок и стратегических ориентиров ради соответствия глобальным институциональным ожиданиям [44].

Вместо простой социализации в рамках западнцентричного порядка, Китай, как можно утверждать, стремится к формированию альтернативных норм международного взаимодействия, ориентированных на «реляционную силу», и выстраивает собственные институты, призванные осуществлять «мягкое балансирование» (soft balancing) в отношении существующих центров силы. Подобная стратегия направлена на институционализацию нового порядка, в котором Китай сможет претендовать не просто на признание, а на лидерство в выработке правил и норм глобального взаимодействия.

Как отмечает Ли Кайшэн, США, будучи архитектором и гарантом текущего мирового порядка, должны учитывать объективную реальность

подъема Китая и адаптировать свою внешнюю политику, предоставляя КНР больше политического и институционального пространства (power space). Это, по его мнению, может минимизировать риск прямой конфронтации и способствовать сохранению международной стабильности [138, p.68]. В его аргументации заметно смещение фокуса от интеграции Китая в существующий порядок к необходимости его перераспределения, что говорит о постепенном отходе от модели социализации в сторону требования признания новых ролей и форматов участия в международной системе [6].

Отношения Китая и США в начале XXI века все более воспринимаются как такие, которые больше всего влияют на дальнейшую эволюцию международных отношений фактически на всех уровнях отношений двух государств-лидеров - геостратегическом, военно-силовом, политическом, экономическом, культурно-цивилизационном, ресурсно-экологическом и др. От характера американо-китайских отношений соответствующим образом зависит общий мировой климат, без учета которого любая страна не может планировать, направлять и осуществлять свою внешнеполитическую деятельность.

Двусторонние отношения между США и Китаем представляют собой сложную и многослойную систему взаимодействий, характеризующуюся как конкуренцией, так и взаимозависимостью. Обе державы стремятся укрепить своё влияние на международной арене, при этом их экономические, политические и стратегические интересы тесно переплетены. В настоящее время экономики США и Китая являются крупнейшими в мире по объему ВВП. Согласно данным Всемирного банка, в 2015 году ВВП Китая (в текущих ценах) составил 10,87 трлн. долл. США, тогда как ВВП Соединенных Штатов достиг 17,9 трлн. долл. США [139, p.72]. Современная международная система переживает трансформацию, вызванную возрастанием влияния новых центров силы, усилением взаимозависимости государств, а также множеством нетрадиционных вызовов безопасности, требующих глобальной координации. Одним из ключевых факторов, формирующих геополитический и геоэкономический ландшафт XXI века, является восхождение Китая. Страна стремительно наращивает свою комплексную национальную мощь, расширяет сферу национальных интересов и укрепляет позиции на международной арене. Китайская внешняя политика эволюционирует, выходя за рамки регионального влияния и приобретая характеристики глобального актора.

В этом контексте наблюдается изменение внешнеполитической идентичности Китая, направленное на позиционирование себя как полноценной мировой державы. Пекин активно участвует в формировании международной повестки дня, инициируя создание новых механизмов глобального управления. Совместно с другими восходящими центрами силы Китай предпринимает усилия по пересмотру существующих правил принятия решений в международных финансовых и торговых институтах, традиционно контролируемых Западом и США, включая МВФ, Всемирный банк и ВТО. Подъем Китая является одним из наиболее значимых феноменов в современной международной политике, сравнимым по своему воздействию с распадом

Советского Союза, который положил конец биполярной системе международных отношений.

Исторический опыт показывает, что возникающая конкуренция между восходящей и доминирующей державами нередко приводит к серьезным геополитическим столкновениям, включая вооруженные конфликты. Официальные заявления лидеров США и Китая в ходе двусторонних встреч традиционно выдержаны в позитивном ключе, акцентируя внимание на возможностях сотрудничества и наличии общих интересов. Однако за дипломатической риторикой скрываются системные противоречия, периодически приводящие к напряженности и кризисным ситуациям в двусторонних отношениях.

Фундаментальные причины этих противоречий кроются в различиях политических режимов, идеологических установок, ценностных систем и моделей экономического развития США и Китая. Их взаимоотношения строятся на конкуренции между утвердившейся глобальной сверхдержавой и стремительно развивающимся восходящим государством, при этом между сторонами отсутствует стратегическое доверие [140, с.8]. На сегодняшний день США и Китай остаются главными акторами мировой экономики. Вашингтон продолжает удерживать доминирующие позиции в ключевых сферах - экономике, политике и культуре.

В то же время экономический рост Китая за последние три десятилетия демонстрирует его способность к долгосрочному стратегическому планированию и эффективному использованию ресурсов для расширения глобального влияния. Несмотря на это, экономические отношения между США и КНР сопровождаются растущими противоречиями, вызванными конкурирующим характером их взаимодействия. В 2013 году Китай стал мировым лидером по объемам внешней торговли, превысив показатель в 4 трлн. долл. США, что ознаменовало смену долгосрочного лидерства Соединенных Штатов в этой сфере [141, с.4]. На протяжении нескольких десятилетий американо-китайские отношения являются одними из ключевых на мировой арене. На сегодняшний день Китай опережает по темпам роста и развития многие развитые страны. Во многом это обусловлено реформами, которые были проведены в Китае еще в 1978 году Дэн Сяопином.

Благодаря разумным реформам, рассчитанным на несколько десятилетий, Китай продолжает процветать и развиваться. С приходом новой администрацией США и выборами Дональда Трампа внешнеполитический курс американо-китайских отношений изменился. Дональд Трамп, во время своей предвыборной компании, неоднократно выступал с критикой в адрес китайского правительства и его торговой политики. Более того Трамп обвинял правительство КНР в неэффективном сдерживании Северной Кореи, которая продолжает проводить испытания ядерного оружия.

Также поставлена под угрозу «политика одного Китая», которая является основой договоренностей Мао Цзэдуна и Ричарда Никсона 1970-х годов. На сегодняшний день правительство Китая обеспокоено заявлениями Трампа о

перспективах торговой войны. Как заявил официальный представитель МИД КНР Лу Кан, двусторонние отношения КНР и США динамично развиваются. За минувший год объем товарооборота двух стран превысил \$516 млрд., что значительно выше показателя 1979 года, когда были установлены дипломатические отношения между Пекином и Вашингтоном. На протяжении нескольких десятилетий отношения между КНР и США являлись единственным ключевым диалогом в системе международных отношений.

Сегодня конструктивное сотрудничество Пекина и Вашингтона необходимо для того, чтобы избежать мирового кризиса, способного затронуть весь мир. Подводя итоги 2016 года, когда Дональд Трамп стал президентом США, Великобритания вышла из ЕС, и другие события захлестнули Запад, можно говорить о том, что вероятность дестабилизации отношений между сверхдержавами увеличивается. Отношения США и Китая являются ключевыми на международной арене. Сегодня, после смены администрации США, им уделяется особое внимание. По мнению политологов, несмотря на то, что политика Трампа в отношении Китая сохраняет некую неопределенность, основа сотрудничества между США и КНР значительно не изменится. Очевидно, ключевым будет торговый аспект двусторонних отношений. Во время предвыборной кампании Дональд Трамп резко критиковал Китай, называя его торговой политикой нечестной и обвиняя его в неэффективном сдерживании Северной Кореи, которая разрабатывает и проводит испытания ядерного оружия. Более того, в ходе предвыборной кампании Трамп обещал объявить Китай «валютным манипулятором» и ввести запретительную пошлину в 45% на ввоз китайских товаров.

Администрация США выразила готовность отказаться от «политики одного Китая» - а это значит поставить под вопрос основы договоренностей Мао Цзэдуна и Ричарда Никсона 1970-х годов, которые открыли путь к сближению двух стран [142, с.172]. Первоочередное внимание в оценке перспектив отношений накануне и после выборов в США уделялось развитию экономических связей между странами. «В то время как Трамп отступает, Си Цзиньпин стремится повысить глобальное могущество и влияние Китая» - статья с таким названием была опубликована в гонконгской англоязычной газете «The South China Morning Post» 1 декабря 2016 г. Приводя ряд весьма авторитетных экспертных оценок применительно к сфере внешней политики КНР и США и их отношений на двустороннем уровне и в масштабе международной дипломатии, авторы статьи среди факторов развития китайско-американских отношений, в частности, указывают на непредсказуемость политики Дональда Трампа, с одной стороны, и на потребность Китая в дальнейшем осуществлении реформ, с другой. Авторы ссылаются на видных экспертов.

Первое мнение по словам руководителя с китайской стороны транснациональной компании APCO Worldwide, специализирующейся на связях с общественностью и консалтинге, Джеймса МакГрегора (James McGregor), уровень сотрудничества между Пекином и будущей администрацией Трампа будет определяющим в плане обеспечения успешной реализации инициативы

КНР «Один пояс, один путь». «С помощью проекта «Один пояс, один путь» (ОПОП) и различных дипломатических инициатив Китай стремится возглавить усилия в плане миротворчества и экономического развития в регионе», - отметил МакГрегор. Дж. МакГрегор также добавил: «Но эту инициативу будет очень трудно реализовать практически, если США и Китай при этом не объединят свои усилия и не будут работать вместе в данном регионе в целях обеспечения там безопасности и мира» [143, с.289].

По мнению автора, структурные противоречия между Китаем и Соединёнными Штатами не могут быть урегулированы за короткий период времени (при прочих неизменных условиях геополитической среды) и будут сохраняться в течение десятилетий как в период подъёма Китая, так и, причём более явно, после того как такой подъём уже состоится. Чем большими будут становиться структурные противоречия между Китаем и США, тем более важными будут вопросы управления развитием китайско-американских военных отношений. Для начала формирования своих особых отношений, которые имеют жизненно важное значение для периферийной безопасности Китая и для безопасности всего Азиатско-Тихоокеанского региона и даже для безопасности всего мирового сообщества, как Китай, так и США должны сформулировать и реализовать комплекс вопросов среднесрочной и долгосрочной стратегии.

В последние 20 с лишним лет периодически то развивавшиеся, то прерывавшиеся китайско-американские военные отношения могут быть обобщённо сведены к одному важному фактору-вызову: либо ограничить все дискуссии, прежде всего, о тактических, а не стратегических намерениях и обсуждать реальные вопросы практической жизни, либо просто вести разговоры о стратегии, но не предлагать каких-либо реальных решений управления двусторонними отношениями. В связи с такой постановкой вопроса автор сформулировал ряд рекомендаций по вопросам развития китайско-американских военных отношений: 1) необходимо поддерживать тесную связь военных КНР и США; 2) должны быть усилены различные виды военного сотрудничества Китая и США; 3) конфликты и споры между Китаем и США должны быть взяты под надёжный контроль; 4) в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) должен быть сформирован механизм безопасности нового типа [144, с.8]. Кратко обобщая сказанное выше, хочется отметить следующее: Представляется в целом справедливым тезис из редакционной статьи в китайской газете «Global Times» за 8 ноября 2016 г. о том, что «вне зависимости от ситуации внутри США или во внешнем мире, система связей США и КНР представляет собой комплекс слишком многих интегрированных в неё групп интересов, которые пожелают, чтобы отношения Китая и США оставались стабильными».

Помимо комплекса объективных факторов формирования и реализации внутренней и внешней политики другой важной системой факторов, определяющих развитие международных отношений, являются те или иные субъективные явления и процессы. Роль таковых в плане дальнейшего развития отношений Китая и США также велика. С точки зрения теории системного моделирования и комплексного прогнозирования можно формально выделить

следующие основные сценарии дальнейшего развития стратегического взаимодействия Китая и США: 1) «пессимистический сценарий» в виде того или иного кризиса; 2) «оптимистический сценарий» в форме сближения сторон и масштабного развития их сотрудничества; 3) «центристский сценарий» [144, с.24]. Современный этап трансформации системы международных отношений характеризуется сложностью, динамичностью и непредсказуемостью. Вышеуказанное свидетельствует о том, что с позиции гегемонии будет все сложнее контролировать современные многоуровневые мировые процессы. Соотношение сотрудничества и противостояния между КНР и США может меняться.

Однако, даже при самом серьезном обострении китайско-американские споры не перерастут в новую глобальную двуполярность. Это не произойдет и в случае (хотя и маловероятном, но полностью не исключительном) столкновения двух государств. Вместе с тем, при прогнозировании дальнейшей эволюции американо-китайских отношений необходимо учитывать и так называемый новый импровизационный стиль внешней политики США, характерными чертами которого является высокий динамизм и непредсказуемость.

Следовательно, можно достаточно определенно предположить, что до середины XXI века оптимальным выбором для Китая будет не стремление к насильственному внедрению своей региональной, не говоря уже о глобальной, однополярности, а активное вхождение в многополярность в качестве значительного самостоятельного центра силы. На этом пути не исключены временные отходы китайской политики на конфронтационные позиции в случае либо осложнения положения внутри страны, либо обострения ситуации в регионе (например, в районе Тайваня или на Корейском полуострове) [145, с.49]. И все же генеральным направлением, вероятнее всего, останется превращения Китая в великую державу, способную играть важную роль не только в Восточной Азии и во всем АТР, но и в глобальных международных делах [146, с.71].

К началу 2021 года все механизмы диалога в китайско-американские отношения были фактически свернуты из-за обострения торговых споров, а также войны санкций, развязанной Вашингтоном против Китая. В 2020 году впервые за несколько десятилетий администрация США ввела санкции в отношении суверенитета и политической системы самой КНР.

В ответ на принятие Закона о защите национальной безопасности в Специальном административном районе Гонконг, власти США инициировали введение персональных санкций против ряда высокопоставленных представителей КНР, включая главу администрации Гонконга Кэрри Лам [147, с.28]. Эти меры стали отражением растущего противостояния между Пекином и Вашингтоном и были позднее дополнены дополнительными санкциями, связанными с нарушениями прав человека в Синьцзяне. Бывший государственный секретарь США Майк Помпео в обоснование подобных шагов прямо охарактеризовал политическую систему Китая как «марксистско-ленинский режим» с «тоталитарной идеологией», подчеркивая идеологическое и ценностное расхождение между двумя державами.

Тем не менее, после президентских выборов в США китайская сторона проявила осторожный оптимизм в отношении перспектив восстановления диалога. В ноябре 2020 года председатель КНР Си Цзиньпин направил поздравительное послание новоизбранному президенту Джозефу Байдену, что стало сигналом о готовности к более прагматичному взаимодействию [148, р.23]. Уход с политической сцены таких фигур, как Майк Помпео, Питер Наварро и Мэттью Поттингер, в Китае был воспринят с удовлетворением, как снятие барьеров для потенциальной нормализации. По мнению китайского аналитика Син Цяна, на будущее американо-китайских отношений будут влиять три ключевых фактора: стремление администрации Байдена к координации с союзниками по созданию прозрачных глобальных правил в сфере торговли, экологии и регулирования производства, что, по сути, может оказаться выгодным для Пекина; готовность США к конструктивному сотрудничеству с Китаем в области климатических изменений, контроля над вооружениями и борьбы с пандемиями; одновременное намерение Вашингтона ограничить технологическое доминирование Китая, в частности в стратегически значимых отраслях [149].

Ведущий китайский эксперт Янь Сюэтуан также указывает на смещение эпицентра американо-китайского соперничества из военно-политической в высокотехнологичную сферу, подчеркивая тем самым характер современной «новой холодной войны» [150, р.12]. Это находит подтверждение в кадровых назначениях в Совете национальной безопасности США - в частности, приход Раша Доши, автора ряда исследований по вопросам информационной безопасности КНР, вызвал активную реакцию китайского экспертного сообщества [151, р.12]. В свою очередь, Мэтт Харт, другой ключевой аналитик в новой администрации, сосредоточен на выработке стратегии противодействия глобальному влиянию корпорации Huawei, включая развитие альтернативных стандартов в сфере 5G. Его участие в подготовке доклада Центра американского прогресса осенью 2020 года демонстрирует системный подход США к сдерживанию технологической экспансии Китая [152].

Среди возможных позитивных сдвигов в двусторонних отношениях Син Цян называет возобновление стратегического и экономического диалога, приостановленного во времена президентства Дональда Трампа [153]. Китайские аналитики внимательно следят за взглядами ключевых фигур в администрации Байдена: так, Чэнь Чжэн из Пекинского университета иностранных языков отмечает, что новый государственный секретарь Энтони Блинкен выступает за формирование демократической коалиции, но при этом подчеркивает необходимость соблюдения международных норм торговли [154, р.12]. В свою очередь, К. Кэмпбелл и Дж. Салливан заявляют, что прежняя политика «вовлечения» Китая себя исчерпала, и Вашингтон теперь склонен к более жесткому взаимодействию. В этих условиях, по данным китайского издания «Хуаньцю», Пекин, используя свой имидж успешного борца с пандемией COVID-19, стремится к восстановлению так называемых «академических прав»,

что предполагает активизацию диалога с США, а также решительное противодействие любым попыткам вмешательства во внутренние дела страны.

Безусловно, восприятие Пекином действий США в отношении Гонконга, Тибета и Синьцзяна как вмешательства во внутренние дела КНР продолжает служить фактором, усугубляющим напряжённость в двусторонних отношениях. Реакция китайской стороны на подобные шаги традиционно сопровождается жёсткой риторикой и симметричными ответами. Вместе с тем, жёсткий дипломатический стиль, проявившийся в ходе американо-китайских переговоров в Анкоридже, не стал неожиданностью: задолго до вступления в должность администрации Байдена, китайские власти подчёркивали важность не только суверенитета, но и необходимости соблюдения норм глобального поведения в межгосударственных отношениях, акцентируя неприемлемость любого вмешательства во внутренние дела государства [155].

Китайская экспертная среда и ведущие СМИ в целом сходятся во мнении, что будущие раунды переговоров между США и КНР будут отличаться повышенной сложностью и конфронтационным характером. Профессор Цзинь Канчжун из Жэньминьского университета справедливо указывает на вступление двух держав в затяжной период стратегического соперничества. Структурный характер этого противостояния подтверждается и институционализацией антикитайских инициатив в рамках внешней политики США, особенно в Индо-Тихоокеанском регионе [153]. Яркий пример - законопроект Менендеса-Риша, представленный в Конгрессе США, который стал крупнейшей антикитайской законодательной инициативой в истории американо-китайских отношений.

Тем не менее, определённый оптимизм по поводу перспектив стабилизации двусторонних отношений сохраняется. Так, президент Китайской академии современных международных отношений (CASMO) Юань Пэн полагает, что при наличии политической воли стороны смогут активизировать взаимодействие в таких ключевых сферах, как стратегическая безопасность, оборонные контакты, экономика, торговля и, особенно, изменение климата. Экологическая повестка, по его мнению, может стать ведущим направлением двустороннего сотрудничества в ближайшие годы [156].

Признаком готовности Пекина к возобновлению конструктивного диалога стало участие председателя КНР Си Цзиньпина в климатическом саммите «День Земли», организованном администрацией Джозефа Байдена в апреле 2021 года. Это свидетельствует о заинтересованности Пекина в нормализации отношений, что также подтверждается серией юбилейных мероприятий, приуроченных к 50-летию «пинг-понговой дипломатии» [157]. Более того, Министерство иностранных дел КНР опубликовало программное выступление посла Цуй Тянькая, в котором в качестве приоритетных направлений двустороннего взаимодействия обозначены: борьба с пандемией, климатическое сотрудничество и восстановление глобальной экономики.

Интересно отметить, что китайская сторона в целом воздержалась от острой критики продолжения администрацией Байдена курса на активизацию

контактов с Тайванем, унаследованного от Дональда Трампа [158]. Такие шаги, как либерализация правил взаимодействия американских дипломатов с представителями Тайваня и сохранение на посту заместителя помощника госсекретаря по делам Восточной Азии и Тихого океана Сандры Оуджирк - одной из активных сторонниц расширения связей с Тайванем - практически не были освещены в китайских СМИ. Это может указывать на стратегическое стремление Пекина снизить градус напряженности. В этой связи примечателен и тот факт, что выражение «многосторонний подход», характеризующее позицию КНР в международных делах, используется в китайской внешнеполитической риторике с начала 2000-х годов и отражает стремление к институционализированной форме глобального взаимодействия.

С начала XXI века участие в многосторонних институтах и форумах всё чаще рассматривается Китаем как стратегически важный компонент внешней политики, обозначаемый понятием «чжунъяо утай» - «важная платформа» для реализации национальных интересов на международной арене. Несмотря на формальное провозглашение приверженности многостороннему подходу со стороны администраций Барака Обамы и Джо Байдена, многие недавние действия США скорее свидетельствуют о формировании стратегии, в которой «многосторонность» используется как инструмент сдерживания Китая, сохраняя при этом прежние основы американской внешнеполитической доктрины [159].

Вашингтон и его союзники, независимо от международной реакции, продолжают уделять особое внимание созданию новых, по сути эксклюзивных, форм многостороннего взаимодействия в сфере безопасности [160, p.12]. Примечательным в этом контексте стало заседание Совета Безопасности ООН 7 мая 2021 года, в ходе которого министры иностранных дел Китая и США - Ван И и Энтони Блинкен - выступили с акцентом на значимость многосторонних институтов [161]. Однако позиции сторон радикально разошлись: Блинкен обвинил Китай в подрыве демократических основ мирового порядка, в то время как Ван И, напротив, призвал отказаться от гегемонизма и политики запугивания, подчеркнув необходимость уважения суверенитета государств и отказа от стремления к одностороннему превосходству. При этом он выразил готовность поддерживать участие США в многосторонних инициативах, при условии соблюдения норм международного права [162, с.50]. Также есть мнение видного американского исследователя теоретика Ф. Фукуяма несмотря на активный рост мировой экономики, последнее время наблюдается дестабилизация мировой экономики, привело к дестабилизации демократии в западном мире [163, 39 б.].

Выводы по третьему разделу.

Торгово-экономическое противостояние США и Китая представляет собой ключевой элемент глобальной конкурентной динамики XXI века, что подтверждается анализом их взаимодействия через призму новейших политических концепций. В современных условиях экономическая конкуренция между двумя крупнейшими державами выходит за рамки традиционной

торговли и приобретает комплексный характер, включая технологическое соперничество, санкционную политику и борьбу за контроль над глобальными цепочками поставок.

Рассмотрение торгово-экономических войн США и КНР в рамках теории геоэкономики демонстрирует, что экономические инструменты становятся не просто механизмами взаимодействия, а средствами стратегического воздействия на конкурента. Применение тарифных и нетарифных барьеров, экспортного контроля, санкционной политики и технологических ограничений свидетельствует о переходе к логике «экономической безопасности», где торговые меры используются для достижения долгосрочных политических целей. Китай, в свою очередь, адаптирует свою стратегию, диверсифицируя торговые потоки, создавая альтернативные технологические экосистемы и укрепляя региональную экономическую интеграцию.

Третий раздел был посвящён систематизации теоретических и методологических подходов к исследованию американо-китайских отношений, а также обоснованию роли геоэкономики как ключевой концептуальной базы.

Во-первых, проведённая систематизация теоретических основ показала, что анализ отношений США и Китая требует использования расширенной парадигмальной модели. Реализм объясняет баланс сил, либерализм - институциональные механизмы, конструктивизм - идеологические противоречия, а критические теории - глобальный контекст капиталистической системы. Систематизация позволила сформировать целостную теоретическую картину, отражающую многослойность американо-китайских отношений.

Во-вторых, в результате исследования был предложен комплексный методологический подход, объединяющий элементы системного анализа, сравнительной методологии, событийного анализа, геоэкономического моделирования и анализа стратегических документов США и Китая. Такой подход обеспечивает многомерное понимание конкуренции двух держав и позволяет исследовать её в динамике, а не в статическом виде.

В-третьих, обоснована ключевая роль теории геоэкономики, которая в условиях трансформации мирового порядка становится основной методологической рамкой для анализа американо-китайских отношений. Геоэкономика объясняет борьбу за доступ к технологиям, контроль над цепочками поставок, энергетическим и финансовым ресурсам, а также за влияние на международные экономические институты. Она позволяет рассматривать США и Китай как конкурирующие цивилизационные и экономические системы, формирующие контуры будущего миропорядка.

Таким образом, третий раздел завершает исследовательскую логику работы, демонстрируя необходимость интегративного и междисциплинарного подхода к изучению американо-китайских отношений и подтверждая актуальность геоэкономики как ведущей методологической платформы

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теоретико-методологический анализ американско-китайских отношений в контексте трансформации мирового порядка свидетельствует о том, что данный феномен представляет собой многосложную и динамичную систему, подверженную воздействию как эндогенных, так и экзогенных факторов. Современный мировой порядок, находящийся в стадии перехода от однополярной модели к более сложной, многополярной конфигурации, задает новые параметры конкуренции и кооперации между ведущими акторами международных отношений. Н. Мухаметханулы внес значительный вклад в изучение внешней политики КНР и казахстанско-китайских отношений [164, б.89]. Его работы по внешней политике Китая и дипломатии имеют важное методологическое и эмпирическое значение для анализа американско-китайского соперничества в Центральной Азии и трансформации мирового порядка.

Теоретико-методологический анализ американско-китайских отношений в контексте трансформации мирового порядка свидетельствует о том, что данный феномен представляет собой многосложную и динамичную систему, подверженную воздействию как эндогенных, так и экзогенных факторов. Современный мировой порядок, находящийся в стадии перехода от однополярной модели к более сложной, многополярной конфигурации, задает новые параметры конкуренции и кооперации между ведущими акторами международных отношений. Анализ экспертных оценок, базирующихся на рационалистической эпистемологии, демонстрирует, что политика США в отношении КНР формируется под влиянием структурных ограничений международной системы, а также внутренних политико-экономических детерминант. В первом разделе были рассмотрены теоретические и методологические основы исследования международных отношений, что позволило комплексно раскрыть эволюцию научных подходов и их трансформацию под влиянием изменений мировой системы.

Во-первых, анализ основных теоретических парадигм - реализма, либерализма, конструктивизма, неомарксизма, теории комплексной взаимозависимости, критических теорий и постмодернистских концепций - показал, что каждая из них предлагает собственное объяснение природы международных процессов. Их сравнительный анализ выявил как преимущества, так и ограничения в интерпретации глобальной политики, что делает необходимым их комбинированное использование в современных исследованиях.

Во-вторых, методологические основы современного теоретического знания продемонстрировали значительное расширение исследовательских инструментов. Традиционные методы (системный анализ, сравнительный метод, событийный анализ) активно дополняются междисциплинарными технологиями - геоэкономическими, когнитивными, сетевыми, цивилизационными. Это свидетельствует о росте сложности международной среды и необходимости интеграции различных методологических рамок.

В-третьих, выявлено, что трансформация мирового порядка оказывает критическое влияние на развитие теорий и методов изучения международных отношений. Переход от однополярности к полицентризму, усиление роли негосударственных акторов, цифровизация мировой системы, геоэкономизация внешней политики - всё это требует обновления концептуального аппарата и гибридизации теоретико-методологических подходов.

Таким образом, первый раздел показывает, что современная международная наука развивается в направлении многопарадигмальности и междисциплинарности, что создаёт основание для углубленного анализа отношений США и Китая в дальнейших главах.

Современное состояние американо-китайских отношений, проанализированное через призму теорий реализма и неореализма, свидетельствует о системном характере стратегического соперничества двух ведущих держав, обусловленного структурными факторами международной системы. Баланс сил, борьба за сферы влияния и конкуренция за институциональное лидерство формируют основные векторы их внешнеполитического взаимодействия, подтверждая фундаментальные положения данных теоретических подходов.

Тайваньская проблема, являясь ключевым элементом американо-китайского взаимодействия, иллюстрирует реалистический тезис о первичности национальных интересов и военной мощи в международных отношениях. США рассматривают Тайвань как стратегический оплот своей региональной стратегии сдерживания Китая, обеспечивая ему военную и дипломатическую поддержку. В то же время для КНР данный вопрос является экзистенциальным вызовом территориальной целостности и национального суверенитета, что предопределяет жесткость ее подхода. В данном контексте Тайваньская проблема представляет собой как региональный фактор дестабилизации, так и элемент глобального стратегического противостояния.

Соперничество между США и Китаем в Юго-Восточной Азии подтверждает ключевые положения неореалистической парадигмы, согласно которым международная структура детерминирует поведение государств, вынуждая их конкурировать в условиях анархии. Вашингтон стремится сохранить доминирующее положение в регионе, используя механизмы военно-политических альянсов (ANZUS, AUKUS, QUAD) и дипломатического давления, в то время как Пекин реализует стратегию постепенного вытеснения американского влияния через экономическую экспансию, инициативу «Один пояс - один путь» и создание альтернативных институциональных механизмов сотрудничества.

Во второй главе проведён комплексный анализ американо-китайских отношений в условиях трансформации мирового порядка, что позволило выявить ключевые тенденции стратегического взаимодействия двух держав.

Во-первых, исследование динамики отношений США и Китая показало, что в XXI веке их взаимодействие приобретает формат структурного соперничества. Экономическая взаимозависимость, бывшая основой

стабильности, трансформируется в инструмент стратегического давления. Усиливаются элементы технологической, военно-политической, идеологической и геоэкономической конкуренции. При этом сохраняются области сотрудничества, обусловленные глобальными вызовами - климатом, торговлей, финансовой стабильностью.

Во-вторых, сравнительный анализ теоретических подходов к изучению американо-китайских отношений продемонстрировал, что ни одна парадигма не способна исчерпывающе объяснить динамику двустороннего соперничества. Реализм объясняет борьбу за власть; либерализм - институциональную взаимозависимость; конструктивизм - ценностные различия и идентичностные конфликты; геоэкономика - стратегию использования экономических инструментов как рычагов давления. Только интегративная парадигма позволяет адекватно отражать сложность отношений двух держав.

В-третьих, методологические особенности анализа внешней политики США и Китая показывают необходимость применения многомерного подхода, учитывающего экономические, военные, дипломатические, идеологические и символические инструменты. Особую значимость приобретает геоэкономический анализ, позволяющий оценивать политику через призму торговых войн, санкций, технологического давления и глобальных цепочек поставок.

В целом, второй главе подтвердил, что американо-китайские отношения являются центральным элементом современного мирового порядка, определяющим структуру глобальной конкуренции и формирование новых международных норм.

В целом, американо-китайские отношения являются центральным элементом современного мирового порядка, определяющим структуру глобальной конкуренции и формирование новых международных норм.

Торгово-экономическое противостояние США и Китая представляет собой ключевой элемент глобальной конкурентной динамики XXI века, что подтверждается анализом их взаимодействия через призму новейших политических концепций. В современных условиях экономическая конкуренция между двумя крупнейшими державами выходит за рамки традиционной торговли и приобретает комплексный характер, включая технологическое соперничество, санкционную политику и борьбу за контроль над глобальными цепочками поставок.

Рассмотрение торгово-экономических войн США и КНР в рамках теории геоэкономики демонстрирует, что экономические инструменты становятся не просто механизмами взаимодействия, а средствами стратегического воздействия на конкурента. Применение тарифных и нетарифных барьеров, экспортного контроля, санкционной политики и технологических ограничений свидетельствует о переходе к логике «экономической безопасности», где торговые меры используются для достижения долгосрочных политических целей. Китай, в свою очередь, адаптирует свою стратегию, диверсифицируя

торговые потоки, создавая альтернативные технологические экосистемы и укрепляя региональную экономическую интеграцию.

Третий раздел был посвящён систематизации теоретических и методологических подходов к исследованию американо-китайских отношений, а также обоснованию роли геоэкономики как ключевой концептуальной базы.

Во-первых, проведённая систематизация теоретических основ показала, что анализ отношений США и Китая требует использования расширенной парадигмальной модели. Реализм объясняет баланс сил, либерализм - институциональные механизмы, конструктивизм - идеологические противоречия, а критические теории - глобальный контекст капиталистической системы. Систематизация позволила сформировать целостную теоретическую картину, отражающую многослойность американо-китайских отношений.

Во-вторых, в результате исследования был предложен комплексный методологический подход, объединяющий элементы системного анализа, сравнительной методологии, событийного анализа, геоэкономического моделирования и анализа стратегических документов США и Китая. Такой подход обеспечивает многомерное понимание конкуренции двух держав и позволяет исследовать её в динамике, а не в статическом виде.

В-третьих, обоснована ключевая роль теории геоэкономики, которая в условиях трансформации мирового порядка становится основной методологической рамкой для анализа американо-китайских отношений. Геоэкономика объясняет борьбу за доступ к технологиям, контролю над цепочками поставок, энергетическим и финансовым ресурсам, а также за влияние на международные экономические институты. Она позволяет рассматривать США и Китай как конкурирующие цивилизационные и экономические системы, формирующие контуры будущего миропорядка.

Таким образом, третий раздел завершает исследовательскую логику работы, демонстрируя необходимость интегративного и междисциплинарного подхода к изучению американо-китайских отношений и подтверждая актуальность геоэкономики как ведущей методологической платформы.

Современное понимание нетрадиционной безопасности в контексте американо-китайских отношений выходит за рамки узкого военно-стратегического измерения и отражает трансформацию самой природы международной безопасности в условиях глобализации и технологической взаимозависимости. Если в классической логике международных отношений центральное место занимали вопросы военного баланса и территориальной безопасности, то в современной конфигурации американо-китайского соперничества доминируют угрозы и вызовы, связанные с экономической устойчивостью, технологическим развитием, информационным контролем и институциональным влиянием.

Одним из ключевых элементов нетрадиционной безопасности становится технологическое соперничество, которое фактически формирует ядро стратегической конкуренции между США и КНР. Речь идёт не только о борьбе за лидерство в таких сферах, как искусственный интеллект, полупроводники,

квантовые вычисления и сети 5G/6G, но и о контроле над архитектурой будущей мировой цифровой экономики. В этом контексте технологические ограничения, экспортный контроль, санкционные режимы и политика «декаплинга» (разъединения) рассматриваются как инструменты обеспечения национальной безопасности, превращая экономику в продолжение стратегической политики. Китай, в свою очередь, отвечает курсом на технологическую автономию и стратегию «двойной циркуляции», направленную на снижение внешней зависимости и укрепление внутреннего инновационного потенциала.

Не менее значимым направлением выступает кибербезопасность и борьба за контроль над информационным пространством. Усиление взаимных обвинений в кибершпионаже, атаках на критическую инфраструктуру и вмешательстве в цифровые сети отражает формирование новой сферы конфликта, где границы между государственным, корпоративным и индивидуальным уровнями безопасности становятся размытыми. Одновременно усиливается конкуренция за стандарты управления интернетом, регулирование данных и доминирование цифровых платформ, что фактически превращает информационную сферу в инструмент геополитического влияния.

Отдельное измерение связано с финансово-экономической безопасностью, где США и Китай используют механизмы санкций, инвестиционных ограничений, контроля за экспортом капитала и реструктуризации глобальных цепочек поставок. Особую роль играет стремление снизить взаимную уязвимость в стратегически чувствительных секторах - от энергетики и редкоземельных металлов до фармацевтики и высокотехнологичного производства. Это приводит к постепенной фрагментации мировой экономики и формированию параллельных технологических и финансовых контуров.

Кроме того, важным элементом нетрадиционной безопасности становится идеологическое и нормативное измерение, связанное с конкуренцией моделей развития и интерпретацией международных норм. США продвигают либерально-институциональный порядок, тогда как Китай акцентирует принцип государственного суверенитета и невмешательства, формируя альтернативное видение глобального управления. В результате конкуренция приобретает не только материальный, но и ценностно-нормативный характер.

Таким образом, нетрадиционная безопасность в американо-китайских отношениях представляет собой многослойную систему взаимосвязанных измерений - технологического, кибернетического, экономического и нормативного - в рамках которой формируется новая модель глобального соперничества. Это уже не просто конкуренция держав, а структурная трансформация международной системы, где безопасность становится производной от контроля над технологиями, данными и глобальными правилами игры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 8 сентября 2025 года // Официальный сайт Президента Республики Казахстан (Акорда). - URL: https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-2025-polnyu-tekst_400034916/ (дата обращения: 22.05.2026).
- 2 Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2020-2030 годы. Указ Президента Республики Казахстан от 6 марта 2020 года № 280 // Официальный сайт Президента Республики Казахстан (Акорда). - URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody (дата обращения: 22.05.2025).
- 3 Фененко А.М. Мировой порядок как теоретико-методологическая категория // Международные процессы. - 2023. - Т. 21. - № 1. - С. 6-42. - DOI: 10.17994/IT.2023.21.1.72.8.
- 4 Картунов А.В. Между полицентризмом и биполярностью: о российских нарративах эволюции миропорядка : рабочая тетрадь РСМД. - № 52. - Москва : РСМД, 2019. - 40 с. - URL: <https://russiancouncil.ru/papers/RussiaPolycentrism-Bipolarity-WP52Ru.pdf> (дата обращения: 12.02.2026).
- 5 Wright Q. An Analytical Approach to the Subject of World Politics in Teaching and Research // The American Political Science Review. - 1927. - Vol. 21. - No. 2. - P. 396-399. - DOI: 10.2307/1945192.
- 6 Заключенская Е.О. Геополитический треугольник «Россия - США - Китай» в условиях санкционного противоборства // США & Канада: экономика, политика, культура. - 2026. - Т. 54. - № 3. - С. 45-62. - DOI: 10.31857/S268667300031234-5. - URL: <https://journals.eco-vector.com/2686-6730/article/view/662568> (дата обращения: 22.05.2026).
- 7 Дегтерев Д.А. Количественные методы в международных исследованиях // Международные процессы. - 2015. - Т. 13. - № 2 (41). - С. 35-54. - DOI: 10.17994/Т.2015.13.2.41.3.
- 8 Цыганков П.А. Теория международных отношений : учебное пособие. - Москва : Гардарики, 2002. - 590 с.
- 9 Грачиков Е.Н. Становление китайской школы международных отношений: аналитические подходы и методы исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. - 2019. - Т. 19. - № 2. - С. 187-200. - URL: <http://journals.rudn.ru/international-relations> (дата обращения: 12.02.2026).
- 10 Carr E.H. The Twenty Years' Crisis, 1919-1939: An Introduction to the Study of International Relations. - New York : Harper Perennial, 1964. - 244 p.
- 11 Morgenthau H.J. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. - New York : Alfred A. Knopf, 1948. - 489 p.

- 12 Morgenthau H.J. The Problem of Sovereignty Reconsidered // Columbia Law Review. - 1948. - Vol. 48. - No. 3. - P. 341-365.
- 13 Бейлис Дж., Смит С., Оуэнс П. Әлемдік саясаттың жаһандануы: халықаралық қатынастарға кіріспе / Дж. Бейлис, С. Смит, П. Оуэнс. - Алматы: Қоғамдық қор «Ұлттық аударма бюросы», 2020. - 652 б.
- 14 Алексеева Т.А. Теория международных отношений как политическая теория и наука. - Москва : Аспект Пресс, 2019. - 608 с.
- 15 Kaplan M.A. System and Process in International Politics. - Colchester : ECPR Press, 2005. - 260 p.
- 16 Singer D.J. The Global System and its Sub-System: A Developmental View // Linkage Politics: Essays on the Convergence of National and International Systems / ed. by J.N. Rosenau. - New York : Free Press, 1969. - P. 21-43.
- 17 Киссинджер Г. Мировой порядок. - Москва : АСТ, 2015. - 512 с.
- 18 Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. - New York : Columbia University Press, 2002. - 329 p.
- 19 Gilpin R.G. War and Change in World Politics. - Cambridge : Cambridge University Press, 1981. - 272 p.
- 20 Haass R. The World: A Brief Introduction. - New York : Penguin Press, 2020. - 400 p.
- 21 Mearsheimer J.J. Bound to Fail: The Rise and Fall of the Liberal International Order // International Security. - 2019. - Vol. 43. - No. 4. - P. 7-50.
- 22 Ikenberry G.J. After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars. - Princeton : Princeton University Press, 2019. - 336 p.
- 23 Barnett M. International Progress, International Order, and the Liberal International Order // The Chinese Journal of International Politics. - 2021. - Vol. 14. - No. 1. - P. 1-22.
- 24 Finnemore M. Legitimacy, Hypocrisy, and the Social Structure of Unipolarity: Why Being a Unipole Isn't All It's Cracked Up to Be // World Politics. - 2009. - Vol. 61. - No. 1. - P. 58-85.
- 25 Phillips A. War, Religion and Empire: The Transformation of International Orders. - Cambridge : Cambridge University Press, 2010. - 384 p.
- 26 Lake D.A., Martin L.L., Risse Th. Challenges to the Liberal Order: Reflections on International Organization // International Organization. - 2021. - Vol. 75. - No. 2. - P. 225-257.
- 27 Баталов Э.Я. «Новый мировой порядок»: к методологии анализа // Полис. Политические исследования. - 2003. - № 5. - С. 25-37.
- 28 Давыдов Ю.П. Норма против силы: проблема мирорегулирования. - Москва : Наука, 2002. - 285 с.
- 29 Хрусталёв М.А. Основы теории внешней политики государства. - Москва : УДН, 1984. - 80 с.
- 30 Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане: история и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945-1995). - Москва : Конверт-МОНФ, 1997. - 353 с.

31 Лаумулин М.Т. Основные противоречия между США и КНР на современном этапе [Электронный ресурс]. - URL: <https://isca.kz/ru/analytics-ru/2989> (дата обращения: 23.02.2025).

32 Tokayev K.-J. Global Instability and the Crisis of Multilateralism [Электронный ресурс]. - 2020. - URL: <https://www.diplomaticourier.com/global-instability-and-the-crisis-of-multilateralism/> (дата обращения: 12.02.2025).

33 Tokayev K.-J. The World after the Pandemic: Rethinking Global Cooperation [Электронный ресурс]. - 2022. - URL: <https://astanainternationalforum.org/the-world-after-the-pandemic> (дата обращения: 12.02.2026).

34 Tokayev K.-J. Global Dialogue in a Fragmented World [Электронный ресурс] // Astana International Forum. - 2023. - URL: <https://www.akorda.kz/ru/speeches/view/vystuplenie-prezidenta-rk-na-astana-international-forum-2023> (дата обращения: 12.02.2026).

35 Kukeyeva F.T., Ormysheva T. Strategiya SShA v Tsentral'noi Azii [Стратегия США в Центральной Азии] // Вестник КазНУ. Серия: Международные отношения. - 2016. - № 1 (57). - URL: <https://bulletin-ir-law.kaznu.kz/index.php/1-mo/issue/view/16> (дата обращения: 12.02.2026).

36 Супян В.Б. Американо-китайские торгово-экономические отношения: причины кризиса и его перспективы // Российский внешнеэкономический вестник. - 2019. - № 9. - С. 23-32.

37 Муртузалиева С.Ю., Иванов Д.А. Экономика КНР: эффекты торговой войны с США // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. - 2018. - № 4. - С. 352-362.

38 Иватова Л.М., Ордабек Е.А. Международное сотрудничество Республики Казахстан с Китаем, Россией и США в ядерной сфере // Государственное управление и государственная служба. - 2015. - № 2. - С. 113-118.

39 Иватова Л.М. Казахстан - США: политика сотрудничества в сфере образования // Евразийское сообщество: общество, политика, культура. - 1999. - № 3. - С. 86-91.

40 Иватова Л.М., Ордабек Е.А., Сабырұлы Ж. Казахстан и США: на пути укрепления доверительных отношений в рамках обеспечения ядерной безопасности // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия философии, культурологии и политологии. - 2012. - № 1(38). - С. 11-14.

41 Кыдырбекулы Д.Б. Геополитика Казахстана: проблемы и перспективы // Известия НАН Республики Казахстан. Серия общественных наук. - 2011. - № 2. - С. 58-62. - URL: [/http://nblib.library.kz/elib/library.kz/journal/KYDYRBEEKULY.....20112...pdf](http://nblib.library.kz/elib/library.kz/journal/KYDYRBEEKULY.....20112...pdf) (дата обращения: 22.05.2025)

42 Дейч Т.Л., Сериккалиева А.Е. «Мягкая сила» как орудие политики Китая в Африке // Азия и Африка сегодня. - 2014. - № 3. - С. 2-8

- 43 Сериккалиева А., Айгараева А.А. Позиция Китая по вопросу урегулирования Афганской проблемы: фактор безопасности в ЦА // Вестник КазНУ. Серия востоковедение. - 2014. - № 1 (61). - С. 32-36.
- 44 Taylor I. The Institutional Framework of Sino-African Relations // China-Africa and an Economic Transformation. - Oxford : Oxford University Press, 2019. - DOI: 10.1093/oso/9780198830504.003.0006. - URL: <https://academic.oup.com/book/> (дата обращения: 20.02.2022).
- 45 Liang W. China's Soft Power in Africa: Is Economic Power Sufficient? // Asian Perspective. - 2012. - Vol. 36. - No. 4. - P. 667-692.
- 46 Туртугулова Д.М., Жузбаева У.Д. Казахстан в условиях усиливающейся конкуренции между США и КНР // Вестник КазНУ. Серия: Международные отношения и международное право. - 2023. - № 2 (102). - URL: <https://bulletin-ir-law.kaznu.kz/> (дата обращения: 12.02.2026).
- 47 Султанов Б.К. Как противостояние США и Китая отразится на Казахстане? // 365info.kz. - 04.09.2020. - URL: <https://365info.kz/2020/09/kak-protivostoyanie-ssha-i-kitaya-otrazitsya-na-kazahstane-sultanov> (дата обращения: 10.05.2025).
- 48 Schneider-Petsinger M., Wang J., Yu J., Crabtree J. US-China Strategic Competition: The Quest for Global Technological Leadership [Электронный ресурс]. - London : Chatham House, 2019. - URL: <https://www.chathamhouse.org/2019/11/us-china-strategic-competition> (дата обращения: 24.05.2025).
- 49 Yu J. China "Under Siege": How the U.S.'s Hardening China Policy Is Seen in Beijing [Электронный ресурс]. - London : Chatham House, 2024. - URL: <https://www.chathamhouse.org/2024/07/china-under-siege> (дата обращения: 24.05.2024).
- 50 Vinjamuri L., Fravel M.T. Competing Visions of International Order: Responses to US Power in a Fracturing World [Электронный ресурс]. - London : Chatham House, 2025. - URL: <https://www.chathamhouse.org/2025/03/competing-visions-international-order> (дата обращения: 24.05.2026).
- 51 Interim National Security Strategic Guidance // The White House. - 2021. - URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (дата обращения: 12.02.2025).
- 52 National Security Strategy // The White House. - 2022. - URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 12.02.2026).
- 53 Yan Xuetong. Zhongguo guojia liyi fenxi [Analysis of China's National Interests]. - Tianjin : Tianjin renmin chubanshe, 1996. - 328 p.
- 54 Ye Zicheng. Zhongguo luquan fazhan yu daguo xingshuai: diyuan zhengzhi huanjing yu Zhongguo heping fazhan de diyuan zhanlue xuanze [Development of Land Power and Rise and Decline of Great Powers: Geopolitical Environment and China's Geostrategic Choice]. - Beijing : Xingxing chubanshe, 2007.
- 55 Yuan Peng. Identifying New Rhythms in Sino-US Relations // Contemporary International Relations. - 2018. - Vol. 28. - No. 6. - P. 1-4.

- 56 Тэйлор А.Дж.П. Борьба за господство в Европе 1848-1918. - Москва : Издательство иностранной литературы, 1958. - 644 с.
- 57 Studies of International Relations (1995-2005) / ed. by Wang Yizhou. - Beijing : Peking University Press, 2006. - 452 p.
- 58 Guo S., Guo B. Thirty Years of China-U.S. Relations: Analytical Approaches and Contemporary Issues. - New York : Lexington Books, 2010. - 298 p.
- 59 Gross L. The Peace of Westphalia, 1648-1948 // The American Journal of International Law. - 1948. - Vol. 42. - No. 1. - P. 20-41.
- 60 Нефёдов Б. Критика представления о Вестфальском мире // Международные процессы. - 2022. - Т. 20. - № 3. - С. 6-27.
- 61 Miller L. Global Order: Value and Power in International Politics. - Boulder ; London : Westview Press, 1985. - 228 p.
- 62 Cooper R. Is There a New World Order? // Prospects for Global Order. Vol. 2 / ed. by S. Sato, T. Taylor. - London : Royal Institute of International Affairs, 1993. - P. 1-26.
- 63 Zhongguo guoji guanxi yu waijiao lilun qianyan: tansuo yu fazhan [China's International Relations and Advanced Diplomatic Theories: Research and Development] / ed. by Liu Ming. - Shanghai : Shanghai Academy of Social Sciences Press, 2016. - 389 p.
- 64 Jarrett M. The Congress of Vienna and its Legacy: War and Great Power Diplomacy after Napoleon. - London : I.B. Tauris, 2013. - 522 p.
- 65 The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations / ed. by J. Baylis, S. Smith, P. Owens. - Oxford : Oxford University Press, 2008. - 622 p.
- 66 Philpott D. Revolutions in Sovereignty: How Ideas Shaped Modern International Relations. - Princeton : Princeton University Press, 2010. - 352 p.
- 67 Lascurettes K.M., Poznansky M. International Order in Theory and Practice // Oxford Research Encyclopedia of International Studies. - 2021. - URL: <https://oxfordre.com/internationalstudies/view/10.1093/acrefore/9780190846626.001.0001/acrefore-9780190846626-e-673> (дата обращения: 12.02.2026).
- 68 Кулагин В.М. Международная безопасность. - Москва : Аспект Пресс, 2006. - 318 с.
- 69 Райс К. Полюс свободы и справедливости // Россия в глобальной политике. - 2003. - Т. 1. - № 3. - С. 74-79.
- 70 Хрусталёв М.А. Две ветви теории международных отношений в России // Международные процессы. - 2006. - Т. 4. - № 2. - С. 119-128.
- 71 Цыганков А.П., Цыганков П.А. Просвещённое державничество (А.Д. Богатуров и российская теория международных отношений) // Полис. Политические исследования. - 2017. - № 4. - С. 175-185.
- 72 Миронов В.В. «Международный порядок» Хедли Булла и английская школа теории международных отношений // Вестник Омского университета. - 2011. - № 3. - С. 108-114.
- 73 Croxton D. Westphalia: The Last Christian Peace. - New York : Palgrave Macmillan, 2013. - 452 p.

- 74 Etzioni A. From Empire to Community: A New Approach to International Relations. - New York : Palgrave Macmillan, 2004. - 256 p.
- 75 Солянова М.В. Проблема мирового порядка в современных западных исследованиях // Вестник МГИМО. - 2016. - № 5 (50). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-mirovogo-poryadka-v-sovremennyh-zapadnyh-issledovaniyah> (дата обращения: 23.02.2025).
- 76 Перспективы внешней политики США в отношении Китая: значение для России : доклад № 83 / Л.М. Соколыщик, Ю.С. Соколыщик, Э.З. Галимуллин, А.В. Бондаренко ; под ред. Е.О. Карпинской, Ю.С. Соколыщик, С.М. Гавриловой ; Российский совет по международным делам (РСМД). - Москва : НП РСМД, 2022. - 56 с.
- 77 Кашин В., Тимофеев И. Американо-китайские отношения: к новой холодной войне? // Международный дискуссионный клуб «Валдай». - 2021. - URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/37874/> (дата обращения: 12.02.2026).
- 78 Си Цзиньпина переизбрали на третий срок // Forbes. - 23.10.2022. - URL: <https://www.forbes.ru/society/480160-si-czin-pina-pereizbrali-na-tretij-srok> (дата обращения: 12.02.2026).
- 79 National Security Strategy // The White House. - 2022. - URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 12.02.2026).
- 80 Ли Цзямин. Роль Китайской Народной Республики в изменении международного мироустройства (1991-2022) // International Relations. - 2023. - № 3. - URL: https://nbpublish.com/e_irmag/contents_2023_3.html (дата обращения: 08.04.2025).
- 81 Касаткин Е.Н. Изменения в геополитической ситуации, связанные с возникновением КНР и её влиянием на международные отношения // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: гуманитарные науки. - 2019. - № 6. - С. 16-21.
- 82 Бондарева А.В. Американо-китайские отношения в первой половине 60-х гг. XX века // Молодой ученый. - 2016. - № 26 (130). - С. 530-533.
- 83 Махаммадулы С. Особенности американо-китайских отношений после Второй мировой войны // Наука и образование в XXI веке : материалы V Международной научно-практической интернет-конференции. - 2020. - с. 314-317
- 84 Hong Bing. Guojia liyi lun [Theory of National Interests]. - Beijing : Junshi kexue chubanshe, 1999. - 425 p.
- 85 Xu Jia. Lun liyi bianjie yu bentu bianjie zhi guanxi // Zhongguo guojia liyi yu yingxiang / ed. by Xu Jia. - Beijing : Shishi chubanshe, 2006. - 464 p.
- 86 Ye Xiaodi. Rediscovering the Transition in China's National Interest: A Neoclassical Realist Approach // Journal of Current Chinese Affairs. - 2019. - Vol. 48. - No. 1. - P. 76-115.
- 87 Грачиков Е. Дипломатия КНР: контекст академического дискурса мировая экономика и международные отношения, 2021, том 65, № 3, с. 33-41

- 88 Фукуяма Ф. Будущее истории. Сможет ли либеральная демократия пережить упадок среднего класса? // Россия в глобальной политике. 2012. № 1. с.20-21
- 89 Сяоди У. Поворот в геополитике Китая. Пекин, 2006 (Wu Xiaodi. Zhongguo diyuanzhengzhide zhuanxin. Beijing, 2006). 451 с.
- 90 Горбатко А.А., Эпштейн В. А. Роль "тайваньского вопроса" в китайско-американских отношениях// Россия и Китай: История и Перспективы Сотрудничества Материалы IX международной научно-практической конференции. Издательство: Благовещенский государственный педагогический университет. - Благовещенск, 2019. С. 40-46
- 91 Просуренко А.С., Журавель Н.А. Исследование «тайваньского вопроса» ведущими «мозговыми центрами» США // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. - Благовещенск : Благовещенский государственный педагогический университет, 2016. - С. 633-635.
- 92 Makhammaduly S. Taiwanese Factor in Modern American-Chinese Relations // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия: Политические науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология. - 2020. - № 3 (132). - С. 76-82.
- 93 Мищин Е. «Тайваньская премьера» Трампа: предпосылки и последствия // Россия в глобальной политике. - URL: <https://globalaffairs.ru/articles/tajvanskaya-premera-trampa-predposylki-i-posledstviya/> (дата обращения: 12.02.2026).
- 94 Ye Zicheng. Zhongguo da zhanlue [The Grand Strategy of China]. - Beijing : Zhongguo shehui kexue chubanshe, 2003.
- 95 Dongya heping yu anquan [Peace and Security in East Asia] / ed. by Yan Xuetong, Jin Dexiang. - Beijing : Shishi chubanshe [Current Affairs Publishing House], 2005.
- 96 Грачиков Е.Н. Стратегия партнерских отношений КНР: практика и ее концептуализация (1993-2018) // Мировая экономика и международные отношения. - 2019. - Т. 63. - № 3. - С. 83-93. - DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-3-83-93.
- 97 Бабушок Н.О. Фактор Тайваня в американо-китайских отношениях // Россия и современный мир. - 2024. - № 1 (122). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/faktor-tayvanya-v-amerikano-kitayskih-otnosheniyah> (дата обращения: 25.02.2025).
- 98 Lo A. A Nuclear Taiwan Is Too Terrifying to Contemplate // South China Morning Post. - 04.01.2022. - URL: <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3162086/nuclear-taiwan-too-terrifying-contemplate> (дата обращения: 01.03.2023).
- 99 Everington K. China Uncensored Asks, "Should Taiwan Have Nukes?" // Taiwan News. - 02.04.2019. - URL: <https://www.taiwannews.com.tw/en/news/3671523> (дата обращения: 01.03.2023).

- 100 Easton I. Taiwan's Nuclear Weapons Problem // Taipei Times. - 07.03.2019. - URL: <https://inosmi.ru/20190307/244697445.html> (дата обращения: 01.03.2023).
- 101 China Mulls Tripling Nuclear Warheads to 900 by 2035: Sources // Kyodo News. - 11.02.2023. - URL: <https://english.kyodonews.net/news/2023/02/decafa124920-china-mulls-tripling-nuclear-warheads-to900-by-2035-sources.html> (дата обращения: 01.03.2023).
- 102 Restoring the Historical Truth of the 1992 Hong Kong Talk // Mainland Affairs Council. Republic of China (Taiwan). - URL: <https://ws.mac.gov.tw/001/Upload/295/refile/7681/5693/2cdb9d89-0961-4f4c-b8d6-96ab0b60b4a3.pdf> (дата обращения: 01.03.2023).
- 103 Линь Явэнь. Политика КНР в отношении проблемы Тайваня в XXI веке // Казанский вестник молодых учёных. - 2019. - № 4 (12). - С. 135-141. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-knr-v-otnoshenii-problemy-tayvanya-v-xxi-veke> (дата обращения: 01.03.2023).
- 104 Куприянов А. Звонок с Тайваня поставил отношения США и Китая на грань кризиса // Lenta.ru. - 14.12.2016. - URL: https://lenta.ru/articles/2016/12/14/trump_call/(дата обращения: 01.03.2023).
- 105 Bohan C., Brunnstrom D. Trump Says U.S. Not Necessarily Bound by "One China" Policy // Reuters. - 11.12.2016. - URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-trump-china-idUSKBN1400TY>(дата обращения: 01.03.2023).
- 106 Колташов В. Результаты торговой войны США и Китая: кто проиграл и кто выиграл // ТАСС. - 31.01.2022. - URL: <https://tass.ru/opinions/13571599>(дата обращения: 01.03.2023).
- 107 Balashev N.B., Pshenichnaya E.A. The Trade War between the USA and China and Its Consequences // Economics and Business: Theory and Practice. - 2020. - No. 11-1 (69). - P. 89-91.
- 108 Kovaleva A.O. Military and Political Aspects of Cooperation between Russia and China in the Current Geopolitical Situation // Russia and the Modern World. - 2019. - No. 2. - P. 82-91.
- 109 Makhammaduly S., Raev D.S. Geopolitical and Economic Interests of the USA and PCR in Central Asia Central Asia affairs Topical issues of international relations 2022 №2 p. 51-59
- 110 The Total Value Table of Major Countries (Regions) of Import and Export Commodities in December 2022 (US Dollar Value) // General Administration of Customs of the People's Republic of China. - URL: <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/zfxxgk/2799825/302274/302275/4794352/index.html> (дата обращения: 01.03.2023).
- 111 Махаммадулы С. Политические и экономические отношения между США и КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе и проблемы безопасности в условиях трансформации международной системы//Молодежь и наука: реальность и будущее: Материалы XIII Международной научно-практической

конференции / Редкол.: Е.И. Бурьянова, О.А. Мазур, Т.Н. Рябченко 2020 г. с. 163-168

112 Мосяков Д.В. ЮВА и американо-китайское соперничество // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. - 2007. - № 10. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuva-i-amerikano-kitayskoe-sopernichestvo> (дата обращения: 10.05.2025).

113 Алексеев А.Н., Еремкина Т.А. Баланс сил в АТР: противостояние США и КНР в регионе в XXI веке // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия : сборник Восточного центра. - 2021. - № 24. - С. 24-27.

114 Шадрина Е. Стратегическое партнерство России и Китая: перспективы развития [Электронный ресурс]. - URL: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/416/> (дата обращения: 12.02.2026).

115 Морозов Ю. К чему может привести публикация мифов о китайской угрозе // Центральная Азия и Кавказ. - 2010. - Т. 13. - № 2. - С. 118-129.

116 Урнов А.Ю. Дональд Трамп и Африка: начальный этап // Азия и Африка сегодня. - 2018. - № 2. - С. 3-10.

117 Norris J., Kenney C. From Threat to Opportunity: Rethinking U.S. Relations in Africa [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.americanprogress.org/issues/security/reports/2018/06/19/452354/from-threat-to-opportunity/> (дата обращения: 26.01.2019).

118 Махаммадулы С. Влияние результатов президентских выборов 2020 года в США на отношения с КНР // Мемлекеттік басқару және Мемлекеттік қызмет халықаралық ғылыми-талдау журналы 2022 № 3 (82) с. 76-82

119 Trump's Africa Strategy Should Have Cast China as a Regional Partner, Not a Global Adversary [Электронный ресурс]. - URL: <https://theconversation.com/trumps-africa-strategy-should-have-cast-china-as-a-regional-partner-not-a-global-adversary-108901> (дата обращения: 26.01.2024).

120 Карелина Е.В. Соперничество США и КНР в Африке в XXI веке // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., Благовещенск - Хэйхэ - Тяньцзинь - Пекин, 20-28 мая 2019 г. / отв. ред. Д.В. Кузнецов. - Благовещенск : Благовещенский государственный педагогический университет, 2019. - Вып. 9, ч. 7. - С. 82-90.

121 African Food Markets Could Create One Trillion Dollar Opportunity by 2030 // The World Bank. Press Release. - 04.03.2013. - URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2013/04/africas-food-markets-could-create-one-trillion-dollar-opportunity-by-2030> (дата обращения: 12.02.2022).

122 Ogunmodede C.O. Africa Seeks a More Equitable Partnership with China // World Politics Review. - 03.12.2021. - URL: <https://worldpoliticsreview.com/trend-lines/30163/the-next-step-for-africa-china-relations-is-more-balanced> (дата обращения: 12.02.2022).

123 World Bank. World Development Indicators [Электронный ресурс]. - Washington, D.C.: World Bank, 2024. - Режим доступа: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 04.03.2024).

124 Implications of China's Presence and Investment in Africa // United States Congress. Senate. Committee on Armed Services. Subcommittee on Emerging Threats and Capabilities. - Washington, D.C. - URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-115shrg35460/pdf/CHRG-115shrg35460.pdf> (дата обращения: 12.02.2023).

125 Jayaram K., Kassiri O., Sun I.Y. The Closest Look Yet at Chinese Economic Engagement in Africa // McKinsey & Company. - 28.06.2017. - URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/middle-east-and-africa/the-closest-look-yet-at-chinese-economic-engagement-in-africa> (дата обращения: 12.02.2024).

126 Nyabiage J. Are Chinese Infrastructure Loans Putting Africa on the Debt-Trap Express? // South China Morning Post. - 28.06.2019. - URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3020394/are-chinese-infrastructure-loans-putting-africa-debt-trap> (дата обращения: 12.02.2025).

127 Алдабек Н.Ә., Түргенбай А.Ә. Шыңжаң тарихы (Ежелгі заманнан ХХ ғасырдың ортасына дейін): оқу құралы. - Алматы: Қазақ университеті, 2014. - 323 с. - ISBN 978-601-04-0603-2.

128 Chen Jiyong. Zhongmei maoyi zhan de beijing, yuanyin, benzhi ji Zhongguo duice [Background, Causes, Essence of the Sino-U.S. Trade War and China's Countermeasures] // Wuhan Daxue Xuebao (Philosophy and Social Sciences). - 2018. - Vol. 71. - No. 5. - P. 72-81.

129 Zuo Xiyong. Adjusting China's Diplomacy towards the U.S. // Contemporary International Relations. - 2018. - Vol. 28. - No. 6. - P. 10-13.

130 Братерский М., Суздальцев А. Центральная Азия: регион экономической конкуренции России, КНР, США и ЕС // Центральная Азия и Кавказ. - 2009. - № 3 (63). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsentralnaya-aziya-region-ekonomicheskoy-konkurentsii-rossii-knr-ssha-i-es> (дата обращения: 11.05.2021).

131 Бафоев Ф. Среднесрочные приоритеты США в Центральной Азии: основы, стимулы, коррективы // Центральная Азия и Кавказ. - 2015. - № 2. - С. 27-37.

132 Лузянин С.Г., Мамонов М.В. Китай в глобальных и региональных измерениях: ресурсы и маршруты «возвышения» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. - 2011. - № 16 (16). - С. 5-31. - DOI: 10.24411/9785-0324-2011-00011.

133 Бафоев Ф. "Среднесрочные приоритеты США в Центральной Азии: основы, стимулы, коррективы" Центральная Азия и Кавказ, сер. 18, номер. 2, 2015, с. 27-37.

134 Махаммадұлы С. Динамика формирования политических и экономических интересов США и КНР в Центральной Азии // Актуальные научные исследования в современном мире. - Переяслав, 2020. - Вып. 5 (61), ч. 5. - С. 34-41.

135 Руденко С., Воротилов А. Сколько триллионов долларов хранит природная кладовая Казахстана // Forbes Kazakhstan. - 2021. - № 1.

136 Wilder A.S. Kazakhstan Looks Beyond Central Asia for New Trade Opportunities [Электронный ресурс]. - 2019. - URL: <https://www.geopoliticalmonitor.com/kazakhstan-looks-beyond-central-asia-for-new-trade-opportunities/> (дата обращения: 12.02.2026).

137 Singh R. India's Interests in Central Asia // Strategic Analysis. - Vol. XXIV. - No. 12. - URL: https://ciaotest.cc.columbia.edu/olj/sa/sa_mar01rom01.html (дата обращения: 12.02.2026).

138 Yang Xiangfeng. The Anachronism of a China Socialized: Why Engagement Is Not All It's Cracked Up to Be // The Chinese Journal of International Politics. - 2016. - Vol. 10. - No. 1. - P. 67-94. - DOI: 10.1093/cjip/pox001.

139 Li Kaisheng. Rongna Zhongguo jueqi: shijie zhixu shijiao xia de Meiguo zeren ji qi zhanlue jueze [Accommodating China's Rise: World Order and the Responsibility and Strategic Option of the U.S.] // Shijie jingji yu zhengzhi [World Economics and Politics]. - 2017. - No. 11. - P. 89-107.

140 Лексютина Я.В. Америко-китайские отношения в условиях трансформирующейся международной системы в начале XXI в. : автореф. дис. д.полит. наук. - Санкт-Петербург, 2012.

141 Мартынова Д.Д. Торгово-экономическое сотрудничество КНР и США: проблема хронического дефицита США // Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации : сборник статей. - Москва, 2017.

142 Кнотько В.Ю. США и КНР: перспективы двусторонних отношений при новой администрации США // Вопросы политологии. - 2017. - № 3 (27). - С. 171-175.

143 Меркулов К.К. Зарубежные эксперты о перспективах отношений КНР и США после избрания Дональда Трампа 45-м президентом США // Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН. - Москва : Институт Дальнего Востока РАН, 2017. - С. 286-300.

144 Котляров Н.Н. Экономические отношения КНР с США : автореф. дис. канд. экон. наук. - Москва : МГИМО, 2014. 48 с.

145 Труш С.М. Отношения КНР и США на рубеже Обама-Трамп: политические и военно-политические аспекты // США и Канада: экономика, политика, культура. - 2017. - № 3 (567). - С. 48-67.

146 Ибрагимова А.Т. Модель взаимоотношений КНР и США: взаимозависимость и борьба за глобальное лидерство // Colloquium-Journal. - 2018. - № 6-2 (17). - С. 70-74.

147 Махаммадулы С. Перспективы и состояние отношений США и КНР в условиях трансформации мирового порядка в XXI в. // Social and Economic Aspects of Education in Modern Society: Proceedings of the XX International Scientific and Practical Conference. - Warsaw, 2019. - Vol. 4. P. 28-33

148 Timofeev O.A. Sino-American Relations in 2021: A Complex Succession // China in World and Regional Politics. History and Modernity. - 2021. - No. 26. - P. 23-25.

- 149 Cui T. Welcome Speech at the Opening of the 50th Anniversary Celebration of Sino-American Ping-Pong Diplomacy [Электронный ресурс]. - 2021. - URL: <http://www.chinaembassy.org/chn/zmgx/zxxx/t1868144.htm> (дата обращения: 12.02.2026).
- 150 Doshi R., McGuinness K. Great Powers and Communications Risks, 1840-2021. - Washington, D.C. : Brookings Institution, 2021. - 24 p.
- 151 Doshi R. China as a “Cyber Great Power”. - Washington, D.C. : Brookings Institution, 2021. - 44 p.
- 152 Foreign Ministry Spokesperson Zhao Lijian's Remarks on Yang Jiechi's Meeting with U.S. Secretary of State Michael R. Pompeo [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of the PRC. - 2020. - URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/t1789798.shtml (дата обращения: 12.02.2026).
- 153 Hart M., Link J. There Is a Solution to the Huawei Challenge [Электронный ресурс] // Center for American Progress. - 2020. - URL: <https://www.americanprogress.org/issues/security/reports/2020/10/14/491476/solution-huawei-challenge/> (дата обращения: 12.02.2026).
- 154 He K. Rethinking Revisionism in World Politics // The Chinese Journal of International Politics. - 2021. - Vol. 14. - No. 1. - P. 1-28.
- 155 New Guidelines for U.S. Government Interactions with Taiwan Counterparts [Электронный ресурс]. - 2021. - URL: <https://www.state.gov/new-guidelines-for-us-government-interactions-with-taiwan-counterparts> (дата обращения: 12.02.2026).
- 156 Pompeo M. Communist China and the Free World's Future [Электронный ресурс] // U.S. Department of State. - URL: <https://2017-2021.state.gov/communist-china-and-the-free-worlds-future-2/> (дата обращения: 12.02.2026).
- 157 Remarks by Secretary Antony J. Blinken, National Security Advisor Jake Sullivan, Director Yang and State Councilor Wang at the Top of Their Meeting [Электронный ресурс]. - 2021. - URL: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-national-security-advisor-jake-sullivan-chinese-director-of-the-office-of-the-central-commission-for-foreign-affairs-yang-jiechi-and-chinese-state-councilor> (дата обращения: 12.02.2026).
- 158 Торгово-экономическая война США и КНР: причины кризиса, хронология, идеология, последствия для мировой политики // КазНПУ имени Абая Вестник Серия «Социологические и политические науки». 2020. - №2(70). - С. 94-102.
- 159 International Emergency Economic Powers Act [Электронный ресурс]. - 1977. - URL: <https://www.congress.gov/bill/95th-congress/house-bill/7738> (дата обращения: 12.02.2026).
- 160 Makhammaduly S. US-China Relations and Their Influence on the Development of World Politics in the Post-Crisis Period // Cogito Multidisciplinary Research Journal. - 2024. - Vol. XVI. - No. 4. - P. 121-137

161 Trump Admin Gives Green Light for Major Arms Sale to Taiwan // Cable News Network (CNN). - 16.08.2019. - URL: <https://edition.cnn.com/2019/08/16/politics/arms-sale-taiwan/index.html> (дата обращения: 02.06.2022).

162 Маматханов Р.С. Современная политика США в отношении Китая: от сотрудничества к соперничеству: дис. канд. полит. наук: 5.5.4 - Международные отношения, глобальные и региональные исследования. - Санкт-Петербург, 2024. - 182 с.

163 Франсис Ф. Либерализм және оған айтылған сын. Ағылшын тілінен аударған - Орынбек Кенжебаев. - Алматы: CAPS Unlock, 2023. - 208 б.

164 Мұқаметханұлы Н. Қытайдың сыртқы саясаты және Қазақстанмен қарым-қатынасы// Внешняя политика Китая и отношения с Казахстаном / Н. Мұқаметханұлы. - Алматы: «Қазақ университеті», 2013. - 254 б.